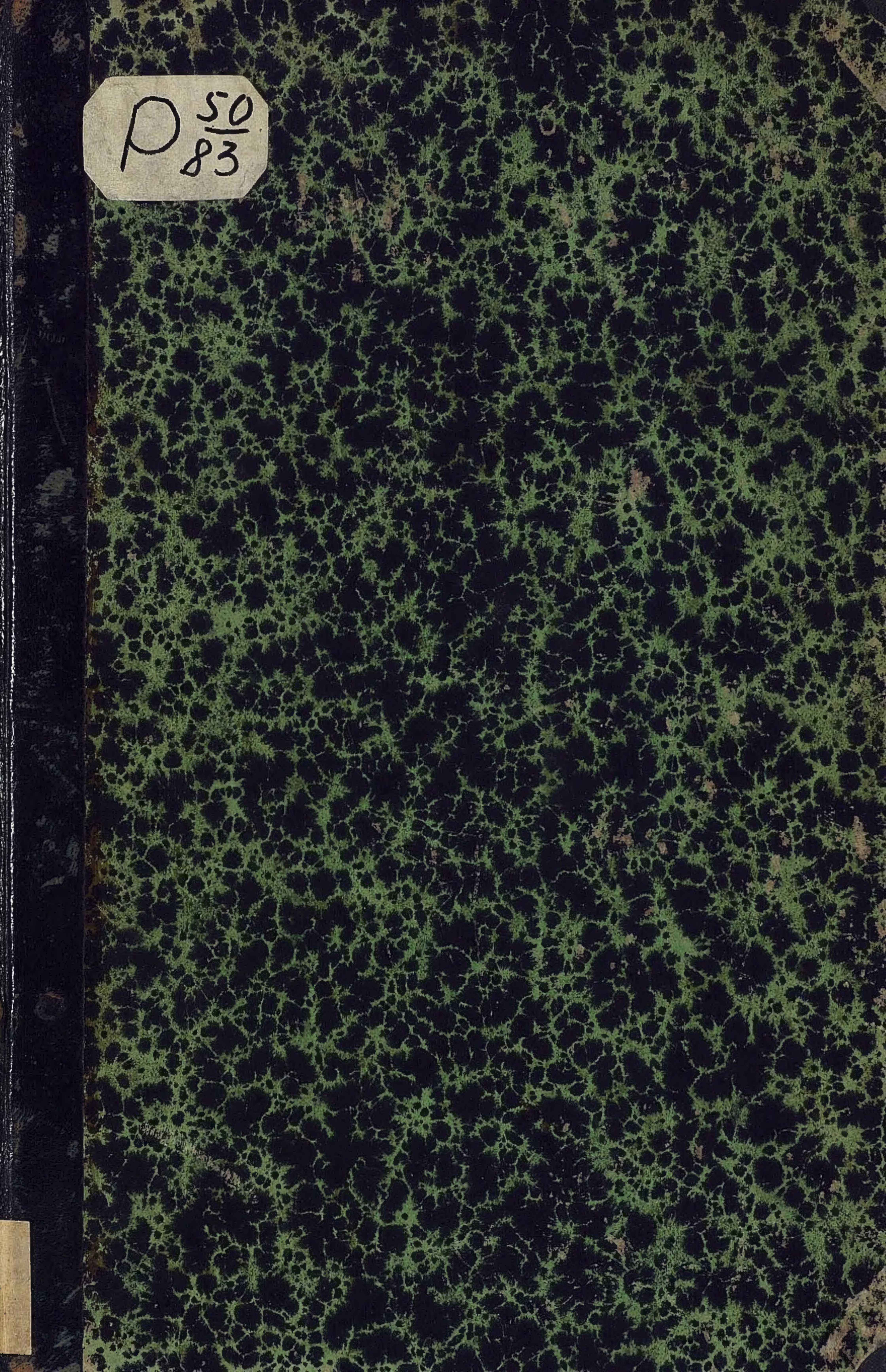

P 50/83

Русская Правда и Литовскій Статутъ,

въ видахъ настоятельной необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права.

—

Литовскій Статутъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ памятниковъ древняго русскаго права. Если между Русскою Правдою и законодательствомъ московскимъ проходитъ ничѣмъ не наполняемая пропасть, то, при самомъ поверхностномъ изученіи Литовскаго Статута, нельзя не видѣть прямой связи его съ Русскою Правдою 1). Литовскій Статутъ представляетъ цѣлый рядъ юридическихъ институтовъ, корнями своими вѣдрящихся въ Русской Правдѣ. Можно безошибочно сказать, что цѣлые раздѣлы Статута построены на одинаковыхъ началахъ съ Русскою Правдою. Сходство институтовъ въ обоихъ памятникахъ не могло быть дѣломъ случая. Оно указываетъ на общее сродство цѣлаго строя юридической жизни въ эпоху Русской Правды и Литовскаго Статута, въ особенности первой редакціи (1529).

Въ настоящемъ очеркѣ мы сдѣлаемъ опытъ сравненія главныхъ положеній Русской Правды съ древними памятниками литовскаго законодательства, главнымъ образомъ, съ Литовскимъ Статутомъ. Мы не имѣемъ въ виду вполнѣ исчерпать этотъ трудный и вмѣстѣ съ

---

1) Въ историко-юридической литературѣ нашей высказана только общая мысль о сходствѣ древняго законодательства западной и *восточной* Россіи. Сколько намъ извѣстно, она высказана впервые Строевымъ, въ его Историко-юридическомъ изслѣдованіи Уложенія (1833, стр. 27). О томъ же говоритъ Семеновъ въ статьѣ о сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Россіи (во Временникѣ 1854, кн. 19). Но ни Строевъ, ни Семеновъ, не касаются непосредственной связи Статута съ Русскою Правдою. Указаніе на эту связь сдѣл Бѣляевымъ, въ его диссертаціи—о наслѣдованіи безъ завѣщані древнимъ рус. законамъ (1858, стр. 117.)

тѣмъ очень важный вопросъ. Для нашей цѣли будетъ достаточно сравнить такіе институты, въ которыхъ особенно ясно высказывается сродство Русской Правды съ литовскимъ законодательствомъ. Для перваго опыта изберемъ институты уголовнаго права и процесса Но предварительно скажемъ вообще о литовскомъ законодательствѣ и связи его съ Русскою Правдою.

До соединенія юго-западныхъ русскихъ областей съ Литвою (въ первой половинѣ XIV стол.), юридическая жизнь западно-русскаго населенія, въ существенномъ, не разнилась отъ жизни прочихъ частей русскаго народа: Русская Правда, вполнѣ развившаяся въ XIII столѣтіи, дѣйствовала вездѣ на Руси въ значеніи сборника общихъ законовъ. Въ XIV столѣтіи обозначаются въ восточной Россіи новые порядки: въ каждой отдѣльной области развиваются свои особенные, мѣстные законы, отступающіе отъ Русской Правды. Послѣдняя оттѣсняется на второй планъ 1); являются законодательные памятники съ новыми юридическими институтами, нисколько не сходными съ Русскою Правдою. Законодательство московское, со времени Судебниковъ, утрачиваетъ всякую связь съ древнимъ русскимъ правомъ.

Не такъ было въ юго-западной Россіи. По справедливому замѣчанію Бѣляева, законодательство въ ней, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, держалось очень долго началъ древняго русскаго права, исчезнувшихъ въ московскомъ законодательствѣ 2). Основныя правила Русской Правды, не только въ XIII, но и въ позднѣйшія столѣтія, продолжали дѣйствовать въ юго-западной Россіи

1) Калачова Изслѣдованія о Русской Правдѣ (1846), стр. 46.

2) „Въ законодательныхъ памятникахъ юго-западной Руси мы находимъ болѣе тѣсную связь съ Русскою Правдою и древнѣйшими русскими юридическими обычаями, нежели въ памятникахъ сѣверо-восточной Московской Руси. Сѣверо-восточная Русь, въ своемъ юридическомъ развитіи, дѣйствовала какъ-то свободнѣе, нежели ея юго-западная сестра; ей, побѣдоносной и независимой, не было нужды въ борьбѣ и упорномъ отстаиваніи своей старины. Но совсѣмъ другое было положеніе въ юго-западной Руси Литовской, тамъ старина была единственною опорою для охраненія національности, на ней только держалась нравственная самостоятельность и независимость народности, всякое нововведеніе тамъ грозило чужеземнымъ вліяніемъ. Все это сообщило законодательнымъ памятникамъ юго-западной Руси свой характеръ, отличающій ихъ *строгою и какою то несвободною покорностію* Русской Правдѣ и вообще старымъ юридическимъ обычаямъ“. См. Бѣляева о наслѣдствѣ безъ завѣщанія, стр. 117.

съ такою же силою, какую прежде они имѣли во всѣхъ русскихъ областяхъ.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ литовскихъ есть много прямыхъ и косвенныхъ указаній на Правду, какъ на дѣйствующее литовско-русское законодательство.

Указанія на русское право и Правду встрѣчаемъ, такимъ образомъ, въ древнѣйшихъ договорныхъ грамотахъ (1366 и 1440) литовскихъ князей 1). Въ договорѣ 1440 г. съ Псковомъ и Новгородомъ упоминается Псковская Правда (подъ нею, конечно, нужно разумѣть законы, изложенные въ Псковской судной грамотѣ) 2) и *великаго князя Правда*, или *княжая Правда*. По княжей Правдѣ судились Литвины, Русины, Полочане, Витбляне, Смольняне,—жители Литвы и другихъ русскихъ земель 3).—Здѣсь о Правдѣ говорится, какъ объ общемъ законодательствѣ, одинаково дѣйствовавшемъ во всѣхъ литовско-русскихъ областяхъ. Между тѣмъ, ни одинъ изъ современныхъ законодательныхъ памятниковъ, изданныхъ собственно для Литвы, не отли-

1) См. Даниловича Skarbiec diplomatów, I. 1860, стр. 210. Акты, относящ. къ ист. зап. Рос. I. 38. 39.

2) Псковская с. грамота издана въ концѣ XIV столѣтія. Нѣкоторые относятъ ее даже къ болѣе древнему времени.—Изъ одной статьи Пск. с. грамоты видно, что она называлась также *Правдою*. См. Энгельмана гражд. законы Пск. с. гр., стр. 8—11. 99, § 61.

3) Въ договорѣ съ Псковомъ говорится: „Аже вчиниться пеня гостю *въ Литвѣ* Псковьскому, кончать по *великаго князя Правдѣ*... аже вчиниться пеня нашимъ, или Литвину, или Полочанину, или Витблявину, или Смолняномъ, *во Псковѣ*, коньчать *по Псковской Правдѣ*". Договоръ съ Новгородомъ упоминаетъ о *княжей Правдѣ*, дѣйствовавшей въ Новгородѣ и Литвѣ. См. Ак. I. 38. 39.—Значеніе Правды, дѣйствовавшей въ Литвѣ, объясняется другимъ, болѣе древнимъ актомъ—договорною грамотою (1366 г.) Ольгерда съ польскимъ королемъ Казиміромъ, Белзскимъ княземъ Григоріемъ Наримунтовичемъ и подольскимъ княземъ Александромъ Коріятовичемъ. Въ этомъ договорѣ, между прочимъ, положено, что, при всякихъ спорахъ и обидахъ, поляки должны судиться по польскому праву, русины (жители Литвы и Руси)—по *русскому праву*. См. Даниловича Skarbiec diplomatów, I. стр. 210—211, № 432. Русское право договора 1366 г., очевидно, одно и то же, что княжая Правда договоровъ 1440 г. Въ другихъ актахъ русское право и Правда замѣняются просто *уставомъ*, *пошлинами* или *обычаями*, подъ которыми въ прежнее время разумѣлись вообще старые законы, издавна „уложенныя" пошлины. Такъ нужно понимать и пошлины, легшія въ основаніе Псков. суд. грамоты.

чается сколько нибудь общимъ характеромъ: привилей земскіе и областные, листы договорные, жалованные и другіе, относятся къ одному и тому же виду законовъ партикулярныхъ, излагавшихъ привилегіи, *исключенія* изъ общихъ законовъ. Современной судебной практикѣ Литвы извѣстенъ былъ, какъ нужно полагать, иной законодательный памятникъ, и именно съ значеніемъ сборника общихъ законовъ,—Правда, по которой и судились всѣ жители литовско-русскихъ земель.

Можно привести и другія указанія на давнее существованіе въ Литвѣ общихъ законовъ. Во всѣхъ привилеяхъ на магдебургское право встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: „тое мѣсто (городъ) нашо съ права Литовского и *Руского* и которое коли будетъ тамъ держано въ право нѣмецкое Майдеборское перемѣняемъ на вѣчные часы и подлугъ того права Майдеборского зуполного обычаю и сеѣ уставы, отдаляючи тамъ же вси права, *уставы и обычаи* перводержаные, которые жъ тое право Майдеборское нагабають или перекажають“ 1). До пожалованія магдебургскаго права, города, какъ извѣстно, жили по общему (земскому, позже посполитому) праву. Отмѣна его уставовъ и была однимъ изъ послѣдствій введенія по городамъ нѣмецкаго права,—общіе законы (Правда, русское право, по приведеннымъ выше договорнымъ грамотамъ) замѣнялись съ этихъ поръ привилеями, законами партикулярными.

На существованіе въ Литвѣ общихъ, „*здавна уложенныхъ*“, законовъ, „*обычаевъ и правъ земскихъ*“, указываетъ, далѣе, еврейскій привилей 1388 г. 2). Въ немъ есть много ссылокъ на общіе законы,

---

1) Это мѣсто встрѣчается почти во всѣхъ привилеяхъ на магдебургское право. См. Ак. I. 159. 165. II. 61. 71. Сборникъ Муханова, стр. 85. 95. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ г. Вильно, стр. 5 и слѣд. Собр. грам. гор. Минской губ., стр. 3 и др.

2) См. Ак. I. 9. Еврейскій привилей говоритъ, напр., о винѣ (денежной пенѣ, вирѣ или продажѣ Русской Правды), „которая *здавна уложона*“, или „которая вина *положона* для впаметанья“ (замѣчательно, что въ латинскомъ текстѣ вина называется *vandel*—очевидно, нѣмецкій переводъ продажи Русской Правды). Въ привилеѣ встрѣчаемъ много статей, прямо ссылающихся на общіе законы при установленіи напр. наказаній за тѣ или другія преступленія. Сюда относятся неопредѣленныя положенія, въ родѣ слѣдующихъ: „маетъ быти каранъ яко разбойникъ,—яко винный, яко злодѣй“; „платитъ яко шляхтичу“ и пр. Иногда говорится, что виновный наказывается „во-

распространявшіеся на евреевъ наравнѣ съ прочимъ населеніемъ.— Подобныя ссылки на общее законодательство можно также находить во множествѣ другихъ литовскихъ памятниковъ. Земскіе *обычаи* (звѣчные, давніе, стародавніе), звычаи, давность, старина, уравниваются въ нихъ съ Правдою, издавна уложеннымъ правомъ, закономъ, вообще уставомъ, противополагаются новинѣ, „чого здавна не было"1).

Всѣ эти указанія, прямыя и косвенныя, встрѣчающіяся во всѣхъ важнѣйшихъ литовскихъ памятникахъ, сами собою заставляютъ признать несомнѣннымъ положеніе, что Русская Правда имѣла въ Литвѣ такое же значеніе, какъ и въ другихъ русскихъ областяхъ. Правда проникаетъ въ Литву, какъ нужно полагать, со времени присоединенія къ Литвѣ западно-русскихъ областей. Вмѣстѣ съ подчиненіемъ Литвы вліянію Руси, туземные литовскіе обычаи быстро вытѣсняются обычаями и уставами русскими 2). Упоминанія о литовскомъ правѣ, какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ русскаго, встрѣчаются только въ наиболѣе древнихъ памятникахъ, и то какъ бы случайно, мимоходомъ, безъ указанія на особенное различіе между ними. Право, дѣйствовавшее въ Литвѣ, издавна называлось *русскимъ*; въ позднѣйшее время нѣтъ и помину о литовскомъ правѣ, какъ о системѣ, отличной отъ русскаго права 3). Въ собственной Литвѣ и русскихъ областяхъ дѣйствовало одно и то же право-русское, иначе называвшееся

длугъ права нашое земли, подлугъ правъ нашихъ, обычая нашое земли, обычая земскаго".

1) См. напр. Ак. I. 38. 174. 175. II. 13, 71. 203 и др. Сборникъ Муханова, стр. 96. 137. 138. 169. Zbiór praw Litewskich, стр. 39. 53. Лит. Стат. 1529. VI. 1. 4. 6.

2) См. Михайлова лекціи о мѣстныхъ законахъ. Можно даже полагать вмѣстѣ съ Раковецкимъ, что Правда и раньше дѣйствовала въ Литвѣ и у западныхъ славянъ. Правду можно въ этомъ случаѣ сравнивать съ трудомъ Кирилла и Меѳодія. Предназначенные только для нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, они съ теченіемъ времени стали принадлежностію цѣлаго славянскаго міра. Распространенію Правды способствовала одинаковость юридическаго быта у всѣхъ древнихъ славянъ (Правда же основана на обще-славянскихъ обычаяхъ). Бытъ старой Литвы точно также не слишкомъ разнился отъ быта славянъ.

3) О русскомъ правѣ, дѣйствовавшемъ въ Литвѣ, говорится въ самыхъ древнихъ литовскихъ памятникахъ. См. приведенныя выше мѣста изъ договорныхъ грамотъ 1366 и 1440 г. и привилеевъ на магдебургское право. По Лит. Статуту 1588 г. воеводы и судовые

земскимъ, посполитымъ. Это-то право имѣло главнымъ своимъ источникомъ одну и ту же „старину", земскіе обычаи, пошлины, указывающія на Русскую Правду, какъ на изстари дѣйствовавшее въ Литвѣ законодательство 1).

Переходя къ ближайшему обзору литовскихъ памятниковъ, мы замѣчаемъ въ большинствѣ ихъ постановленій иногда разительное сходство съ Правдою, что, въ свою очередь, подтверждаетъ указанное нами значеніе этого памятника. Мы скажемъ нѣсколько словъ о памятникахъ, изданныхъ до Литовскихъ Статутовъ, потомъ о самыхъ Статутахъ, обращая главное вниманіе на сходство ихъ съ Правдою.

Древнѣйшіе литовскіе памятники можно раздѣлить на памятники земскаго (литовско-русскаго), нѣмецкаго и польскаго права.

Къ важнѣйшимъ памятникамъ *литовско-русскаго права* принадлежатъ привилеи земскіе и областные и Судебникъ 1468 г. 2).

Земскіе привилеи принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ литовскаго законодательства 3). Изданіе ихъ начинается съ конца XIV столѣтія 4). Эти привилеи были собственно шляхетскими грамо-

---

старосты должны избирать въ замковый урядъ (гродскій) людей, знающихъ русское право, „*въ праве и писмѣ Руского умеетныхъ*". (IV. 37); о литовскомъ правѣ нѣтъ ни слова.

1) Обычаи, въ указанномъ значеніи, были источникомъ не только Судебника 1468 г. и Лит. Статутовъ всѣхъ редакцій, но и привилеевъ земскихъ, областныхъ, даже привилеевъ на нѣмецкое и польское право. Въ тѣхъ случаяхъ, когда современное законодательство оказывалось на практикѣ недостаточнымъ, обычаи допускались въ значеніи дѣйствующаго права. Въ Статутѣ 1529 г. прямо сказано, что дѣла, по которымъ въ Статутѣ нѣтъ никакихъ правилъ, рѣшаются „водлугъ стародавного обычая" (VI. 37).

2) Къ древнѣйшимъ памятникамъ литовско-русскаго права принадлежатъ также листы и грамоты разнаго рода—договорныя, жалованныя и уставныя. Для нашей цѣли они не такъ важны, какъ привилеи областные и другіе памятники.

3) Раньше привилеевъ издано нѣсколько жалованныхъ и договорныхъ грамотъ. Самыми древними памятниками, писанными на русскомъ языкѣ, считаются жалованная грамота Ольгерда на село и земли дворянину Тункелю (1337 г.) и договорная грамота литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казиміромъ III (около половины XIV столѣтія). См. Ак. I. 1. Даниловича *Skarbiec diplomatów*, 1860, I. стр. 176, № 352; стр. 181, № 361.

4) *Первый привилей* изданъ въ 1397 г., по случаю союза Литвы съ Польшею и введенія въ Литвѣ администраціи и учрежденій, сход-

тами, а не памятниками общаго законодательства. Главнымъ источникомъ ихъ были привилегіи польской шляхты. Организація ея служила образцомъ для шляхты литовской. Не нужно впрочемъ думать, что земскіе привилеи исключительно содержатъ начала польскаго права. Въ нихъ встрѣчаемъ статьи, почти буквально сходныя съ Русскою Правдою 1).

На ряду съ земскими привилеями, съ XV стол. даются отдѣльные привилеи *областямъ*—землямъ, воеводствамъ, повѣтамъ (Кіевской землѣ 1494, 1507 и 1529, Волынской 1509, Подольской 1456 и 1522, Витебской 1503 и 1509, Луцкой 1427 и 1432, Полоцкой 1511 и 1547, Смоленской 1505 и Жмудской 1492 и 1569) 2). Эти привилеи

ныхъ съ польскими. Въ немъ говорится о назначеніи судей по воеводствамъ и повѣтамъ и о правахъ рыцарей (armigeri) и бояръ (право на маетности; свобода браковъ, право наслѣдованія вдовъ, дѣтей и родственниковъ; городовая и воинская повинность — expeditionis, pogonia; наказанія за отреченіе отъ католической вѣры). *Привилей 1401 г.*—договоръ литовской шляхты съ польскимъ королемъ о союзѣ Литвы съ Польшею (по смерти литовскаго князя Витовта). *Привилей 1413 г.* (Городельскій) уравнялъ литовскую шляхту съ польскою, съ предоставленіемъ шляхтѣ слѣдующихъ правъ: a) выбора литовскихъ князей; b) составленія сеймовъ (conventiones et parlamenta) и выбора въ уряды (въ высшіе—только католиковъ); c) права на польскіе гербы; d) полнаго права на маетности и e) на свободу отъ государственнаго тягла. *Привилей 1457 г.* (Виленскій) опредѣлилъ положеніе въ Литвѣ чужеземцевъ, не допускаемыхъ ни къ какимъ должностямъ и къ поземельному владѣнію, и упрочилъ за шляхтою вотчинныя права на маетности съ ихъ населеніемъ (освобожденіе шляхетскихъ людей отъ господарскихъ повинностей, непріемъ чужихъ людей, учрежденіе шляхетской юрисдикціи). *Привилей 1492 г.* ограничилъ королевскую власть усиленіемъ магнатовъ. Раднымъ панамъ предоставлено вліяніе на внѣшнія сношенія, законодательство, замѣщеніе должностей и назначеніе податей. Шляхетскія права окончательно утверждены *привилеемъ 1506 г.* См. Zbiór, стр. 1—35. 58—81. 95—99.

1) Такова, напр., статья о „вдове которая седитъ на вдовемъ столцы". Она встрѣчается уже въ первомъ привилеѣ 1387 г. и соотвѣтствуетъ статьѣ Руской Правды: „аже жена сядеть по мужи". См. Zbiór, стр. 2. 32 и др. Ср. Калачова Изслѣдованія о Русской Правдѣ, III. LXII.

2) Ак. I. 120. 204. 213. II. 30. 54. 70. 164. III. 5. и др. Zbiór, стр. 99—101. Skarbiec, II, стр. 92. 147. 205. 228. 243. 268. 270. 277. 318. Областные привилеи заключаютъ въ себѣ постановленія:

имѣли въ виду обезпечить „добровольныя (вольныя) хрестіянскія права“ каждой области,—права, въ существенномъ не отступавшія отъ древняго русскаго права. Въ нихъ встрѣчаемъ, правда, постановленія о различныхъ преимуществахъ бояръ и шляхты и вообще объ отношеніяхъ, еще неизвѣстныхъ древнему русскому законодательству и вызванныхъ мѣстными условіями западно-русскаго края. За то областные привилеи совершенно сходны съ Русскою Правдою тамъ, гдѣ дѣло идётъ объ институтахъ частнаго и уголовнаго права и процесса, напр. о позвѣ, свидѣтельствѣ холопа (холопу и робѣ вѣры не яти, ни суда съ неволнымъ не надобѣ), объ отвѣтственности господина за преступленіе холопа,—о головщинахъ и винахъ (головничьствѣ и вирѣ Р. Правды), татьбѣ, разбоѣ,—о наслѣдствѣ (по смерти мужа „именіе спадаетъ на ближнего, а по души дать на церковь“). Всѣ такія статьи встрѣчаются въ одинаковомъ видѣ во всѣхъ областныхъ привилеяхъ. Привилеи эти представляютъ, такимъ образомъ, только развитіе положеній Русской Правды. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ говорится, что установляется то или другое правило

I. *О правахъ духовныхъ* (не вступаться въ церковные домы и маетности; не рушать греческую вѣру; не уменьшать правъ Литвиновъ и Ляховъ, крестившихся въ русскую вѣру). См. Ак. I. 204. 213. II. 30. 70. Сборникъ Муханова, 213. Zbiór. стр. 99.

II. *О сословныхъ отношеніяхъ:* a) *шляхты* (уравненіе мѣстной шляхты съ литовскою, право отъѣзда (временнаго и вѣчнаго), челомъбитья, выбора воеводъ, старостъ и другихъ урядниковъ, право на держанья, права по суду и свобода отъ государственнаго тягла).

b) *Поспольства* (мѣщанъ или мѣстичовъ, волостныхъ людей—кметовъ, чорныхъ людей, людей подданныхъ,—закладней и холоповъ: непріемъ чужихъ людей, владѣльческій судъ, свобода отъ господарскихъ даней и службъ).

III. Объ отношеніяхъ *гражданскаго права* (о бракѣ, вѣнѣ и посагѣ,—о маетностяхъ и статкахъ, купленинахъ, отчинахъ и выслугахъ,—о наслѣдствѣ вдовъ, дѣтей и племени, о безотчинахъ, отморшинахъ, о приказаньи или завѣщаніи статковъ, о дачѣ части по душѣ).

IV. Объ отношеніяхъ *уголовнаго права* (нарокъ, головщина, вина, татьба съ лицомъ).

V. *О процессѣ* (о ябетникахъ или сокахъ, дѣцкихъ, позвѣ, свѣтченьи, о судѣ воеводъ и старостъ, о самосудѣ, едναньи или мирщинѣ и грабежахъ).

Почти всѣ областные привилеи даны Витовтомъ и Казиміромъ; до насъ дошли только позднѣйшіе, подтвердительные привилеи.

„подле давного обычая“, „по давному“, съ запрещенiемъ „новины уводити, а старины рухати“ 1).

Къ Русской Правдѣ еще больше приближается *Судебникъ* 1468 г. 2). Въ немъ мы видимъ какъ бы сведенiе въ одно цѣлое постановленiй Русской Правды о татьбѣ, составляющей главное содержанiе Судебника 3). Подобно Русской Правдѣ, Судебникъ различаетъ татьбу большую (конскую) отъ меньшей, татьбу съ лицомъ и безъ лица. Такое же сходство институтовъ можно видѣть въ постановленiяхъ Судебника объ оповѣданiи татьбы или лица сосѣдямъ (околицѣ), объ отвѣтственности жены и дѣтей, участвовавшихъ въ преступленiи мужа,—о выводѣ людей, о мукахъ, винѣ и пр. 4). Самое названiе этого памятника Судебникомъ могло быть заимствовано изъ Русской Правды, которая въ нѣкоторыхъ спискахъ, напр. въ карамзинскомъ, носитъ названiе „Судебника Ярославля“ 5).

Разсмотрѣнные нами памятники литовско-русскаго права, кажется, ясно говорятъ о Русской Правдѣ, какъ главномъ ихъ источникѣ. Перейдемъ теперь къ памятникамъ, явившимся подъ влiянiемъ нѣмецкаго и польскаго права.

Нѣмецкое право (городское) проникло въ литовско-русскiе города путемъ привилеевъ на магдебургское, хелмское и др. права 6). На основанiи такихъ привилеевъ города получали нѣмецкое устройство, основанное на самоуправленiи городскихъ общинъ по дѣламъ судебнымъ, хозяйственнымъ и вообще административнымъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что магдебургское право западно-русскихъ городовъ должно было подвергнуться сильному влiянiю туземныхъ обычаевъ. Это видно уже изъ одного обзора дошедшихъ до насъ привилеевъ, въ которыхъ встрѣчаемъ много статей, имѣвшихъ туземное

---

1) Ак. I. 120. II. 30. 164.

2) Zbiór, стр. 37—54. Ак. I. 67.

3) Кромѣ татьбы, Судебникъ говоритъ о мостовой повинности (о томъ же есть и въ Русской Правдѣ), о подсудности и выводѣ чужихъ людей.

4) Статьи Судебника о татьбѣ почти цѣликомъ перешли въ Статутъ 1529 г., именно въ послѣднiй, XIII раздѣлъ.

5) См. Утина Сборникъ важнѣйшихъ памятниковъ по исторiи древняго русскаго права, стр. 95.

6) Ак. I. 174. 175 и др. О хелмскомъ правѣ см. Ак. II. 123—привилей 1523 г. на хелмское право жителямъ Клещелязскаго мѣста.

происхожденіе. Во многихъ привилеяхъ даже именно говорится о давности, старыхъ звычаяхъ и обыкновеніяхъ, о „тамошнихъ“ обычаяхъ (какіе здавна бывали, изстари будучіе), какъ основаніяхъ отдѣльныхъ постановленій привилеевъ 1). При ближайшемъ сравненіи западно-русскихъ привилеевъ съ нѣмецкими памятниками городоваго права, можетъ быть, окажется болѣе внѣшнее сходство между ними, чѣмъ сходство институтовъ. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ внутренней городской жизни, западно-русскіе города не могли имѣть ничего общаго съ нѣмецкими городами, съ ихъ широкимъ политическимъ и экономическимъ развитіемъ.

Польское право еще въ XV стол. начинаетъ проникать въ литовско-русскія области, сосѣднія съ Польшею. Такимъ образомъ, Дорогичской землѣ данъ привилей на польское право при Казимірѣ Ягеллончикѣ. Въ 1516 г. издано „поновеніе“ стараго привилея 2). Подобный же привилей данъ 1501 г. Белзской области 3). Въ земскомъ привилеѣ 1564 г. говорится о земляхъ Подляшскихъ, Дорогицкихъ и Белзско-Мелницкихъ, которыя имѣли привилеи на польское право 4). Для этихъ-то земель, какъ нужно полагать, изданы были русскіе переводы Вислицкаго Статута (1347) и Статута Владислава Ягеллы (1420—1423) 5). Языкъ этихъ Статутовъ древнѣе языка Литовскаго

1) См. Ак. I. 175. II. 13. 71. Муханова сборникъ, 146. Привилеи на магдебургское право заключаютъ постановленія:

a) *О городскомъ управленіи и судѣ:* о ратушахъ—войтахъ, лентъ—войтахъ, бурмистрахъ, радцахъ (рядскихъ, райцахъ) и присяжникахъ (Schöffen нѣмец. права).

b) *О хозяйственной администраціи и доходахъ городскихъ* (съ крамницъ, клѣтокъ, капницъ, важницъ и другихъ статей).

c) *О правахъ по торговлѣ* (о ярмаркахъ, о чужихъ купцахъ).

d) *О государственныхъ повинностяхъ* (земской службѣ, грошевой дани, повинности подводной, сторожевой и другихъ). См. привилеи, помѣщен. въ Актахъ зап. Росс., Сборникѣ Муханова, Собр. др. акт. и грам. г. Вильно, Собр. др. акт. Мин. губ. и сборникѣ Даниловича (Skarbiec).

2) Zbiór, стр. 118—120.

3) Ibid, стр. 82—91.—Ак. I. 189. Въ Белзскомъ привилеѣ изложены „впады“—мѣстные законы, отличавшіеся отъ польскихъ и удержанные отъ стараго юридическаго порядка. Такіе впады имѣютъ отношеніе не къ древнему польскому праву, но новому (16 столѣтія).

4) Временникъ 1855 г., кн. 23, стр. 10.

5) Ак. I. 2. 27. Въ Белзскомъ привилеѣ 1501 г. ясно говорится о Вислицкомъ или другомъ Статутѣ — „польскомъ земскомъ приви-

Статута. Въ нихъ встрѣчаемъ цѣлыя выраженія, слова и юридическіе термины, напоминающіе Русскую Правду. Напр., кметь переводится иногда словомъ смердъ 1), marca grossorum (латинскаго текста)—гривна 2), побои—рана до крови, рана синевая, мечевая, кровава и пр. 3). Всѣ эти термины принадлежатъ Русской Правдѣ. Но, кромѣ такого, болѣе внѣшняго сходства, можно указать на замѣчательную тождественность многихъ институтовъ польскихъ Статутовъ и Русской Правды. Не лишне будетъ указать здѣсь статьи, въ какихъ замѣчается особенное сходство:

a) *По Вислицкому Статуту:*

Ст. 34. о злодействе пчолъ (Р. Пр., сп. Троиц., ст. 69).

Ст. 36. хто будетъ раненъ у свадѣ, а любо кроме свады (Р. Пр., сп. Тр., ст. 4, 5).

Ст. 54. Коли кметь умретъ безъ дѣтей, тогды панъ увязуется въ пустовщину (Р. Пр., сп. Тр., ст. 85).

Ст. 56. Коли смердъ (кметь) забьетъ другаго смерда (до Вислицкаго Статута платилось три гривны, какъ и по Русской Правдѣ—сп. Тр., ст. 71).

Ст. 105. Дѣвка выидетъ замужъ: беретъ изъ отцовскаго имѣнія только *вѣно*, а наслѣдство, при неимѣніи сыновей, идетъ на короля (Ср. Р. Пр., сп. Тр., ст. 86. 89).

Ст. 127. При братьяхъ сестры берутъ одно вѣно (Р. Пр., сп. Тр., ст. 89).

b) *По Статуту 1420—1423:*

Ст. 3. По смерти мужа жена сядетъ на удовьемъ столци (Р. Пр., сп. Тр., ст. 88).

Ст. 7. Сынове, по смерти отцевѣ, маютъ дѣвкы замужъ выдать, вынявши материзну (Р. Пр., сп. Тр., ст. 89).

Ст. 12. О нарушеніи границъ, знаменъ (Р. Пр., сп. Тр., ст. 64—66).

леѣ", введенномъ въ Белзской землѣ. См. Ак. I. 189. Точно также привилей Дорогичскій 1516 г. подтверждаетъ право судиться по польскимъ Статутамъ (libri statutorum regni Polon...). См. Zbiór, стр. 119.

1) Ак. I. 2, примѣч. къ пункту 56 и 70; см. тамъ же, стр. 41.

2) Ibid, I. 2. п. 87. 89 и др. ср. Volumina legum, I. стр. 11.

3) Ак. I. 2. п. 36. 56. 100.

c) *По Белзскому привилею 1501:*

Ст. 3. О наслѣдствѣ жены и дѣтей (Р. Пр., сп. Тр., ст. 86—89).

Ст. 4. О ротномъ, ротѣ (Р. Пр., сп. Тр., ст. 43—47).

Ст. 10. О звадахъ, кровавыхъ ранахъ (Р. Пр., сп. Тр., ст. 23).

Ст. 12. О переораньи межи, границъ (Р. Пр., сп. Тр., ст. 64 и др.).

Ст. 13 и 14. О деревѣ бортномъ, пчолахъ, назнаменованномъ дубѣ (Р. Пр., сп. Тр., ст. 66, 68, 69).

Ст. 25. О помочномъ (Р. Пр. ст. Тр. ст. 16. 99) 1).

Сходство польскихъ Статутовъ съ Русскою Правдою замѣтно въ особенности въ статьяхъ съ обобщеннымъ характеромъ. Казуистическія статьи имѣютъ, очевидно, мѣстное происхожденіе 2), указывая въ свою очередь на сходство въ самомъ образованіи постановленій польскихъ памятниковъ и Русской Правды 3).

Изъ сравненія статей Русской Правды и польскихъ памятниковъ видно, что не совсѣмъ лишено основаній предположеніе Раковецкаго о томъ, что Русская Правда могла дѣйствовать не только во всѣхъ русскихъ областяхъ, но и въ Литвѣ, Галиціи, Польшѣ и у другихъ славянскихъ народовъ 4). При первоначальной бѣдности письменныхъ законовъ у всѣхъ западныхъ славянъ 5), Русская Правда, какъ памятникъ, основанный въ большинствѣ постановленій на общеславянскихъ обычаяхъ, могла легко получить силу дѣйствующаго закона у сосѣднихъ славянскихъ народовъ. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ Польшѣ, это видно изъ замѣчательнаго сходства ея Статутовъ съ Русскою Правдою. Русская Правда также значительно сближается съ древнимъ чешскимъ и моравскимъ законодательствомъ, представ-

---

1) Къ Правдѣ приближается въ особенности Вислицкій Статутъ. Кромѣ указанныхъ статей, въ немъ встрѣчаемъ много другихъ статей, болѣе или менѣе сходныхъ съ Правдою (въ особенности тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ гражданскаго и уголовнаго права).

2) См. напр. Ак. I. 2. п. 46 и др.

3) Казуистическія статьи часто встрѣчаются въ Правдѣ. См. Сборн. Утина, стр. 49 (ст. 21) 50 (ст. 29) 51 (ст. 40) и др.

4) См. соч. Раковецкаго—Prawda Ruska (I. стр. VIII).

5) Въ Польшѣ, напр., до Вислицкаго Статута, не было общихъ кодексовъ: были только жалованныя грамоты на разныя льготы шляхтѣ, городамъ и пр.

ляющимъ замѣчательное сходство съ Правдою 1). Есть наконецъ свидѣтельство, что въ Галиціи издавна дѣйствовало русское право,—въ Львовѣ оно замѣняется нѣмецкимъ правомъ только съ 1356 г., когда „новымъ осадникамъ“ дана была привилегія на магдебургское право 2).

Съ 1529 г. является въ юго-западной Россіи *Литовскій Статутъ*—кодексъ земскаго права, или, говоря точнѣе, сводъ земскихъ привилеевъ съ „стародавними“ русскими обычаями, о какихъ постоянно упоминается въ актахъ періода привилеевъ. Первые раздѣлы Статута (о персонѣ господарской, земской оборонѣ, свободахъ шляхты) составлены главнымъ образомъ изъ земскихъ привилеевъ и уставовъ (напр. о земской оборонѣ) прежняго времени. Это видно изъ простаго сличенія ихъ съ первыми раздѣлами Статута. Въ другихъ раздѣлахъ также встрѣчаемъ статьи не русскаго происхожденія, заимствованныя изъ польскаго и даже римскаго права (напр. о тестаментахъ). Но, за этими немногими статьями, слѣдуютъ цѣлые ряды статей и раздѣловъ (о судѣ, поглавли женскомъ, опекахъ, кгвалтахъ, грабежахъ, злодѣйствѣ), съ разительнымъ, иногда буквальнымъ сходствомъ съ постановленіями Русской Правды. Институты, правда, иначе формулируются въ Статутѣ, чѣмъ въ Русской Правдѣ, но самая сущность ихъ одинакова въ обоихъ памятникахъ.

Сходство институтовъ въ особенности замѣтно въ постановленіяхъ Статута о выволаньи, грабежѣ (потокѣ и разграбленіи Русской Правды), головщинахъ, винахъ, навезкахъ (лѣчебномъ Р. Пр.), цѣнѣ (урокѣ Р. Пр.),—о кгвалтахъ, мужобойствѣ, звадахъ, членоповрежденіяхъ, злодѣйствѣ (татьбѣ Р. Пр.), порчѣ межъ, границъ и разныхъ вещей,—о наслѣдствѣ простыхъ людей и шляхты, объ опекѣ,—о вчинаніи иска, о дѣцкихъ, светкахъ (простыхъ и очистникахъ) и т. д.

Можно указать на многія статьи Статута, въ которыхъ не замѣтно никакой отмѣны сравнительно съ Русской Правдою. Польское право вліяло, главнымъ образомъ, на государственное устройство Литвы и на отношенія между различными классами общества. Переходя въ чисто юридическую сферу, къ отношеніямъ уголовнаго и част-

---

1) См. Ирѣчька Изслѣдованіе о жупныхъ судахъ (въ Архивѣ Калачова 1859, кн. 6, стр. 22—62).

2) Даниловича Skarbiec, I. стр. 196, № 409.

наго права и къ судопроизводству, мы замѣчаемъ въ Статутѣ присутствіе однихъ и тѣхъ же началъ, на какихъ основывается Русская Правда.

Намъ кажется, поэтому, не вѣрнымъ положеніе, что историческая задача Статута состояла въ преобразованіи по духу польскому элементовъ, выработанныхъ древне-русскою жизнію. Напротивъ, изъ приведенныхъ статей Статута ясно видно, что сохраненіе этихъ элементовъ есть главная заслуга Литовскаго Статута, гораздо ближе подходящаго къ Русской Правдѣ, чѣмъ памятники московскаго законодательства. По польскому духу дѣйствительно преобразовалась публичная жизнь Литвы, особенно послѣ соединенія ея съ Польшею; но этого нельзя никакимъ образомъ сказать о юридической жизни: она очень долго остается вѣрною началамъ древняго русскаго права. Удержаніе ихъ въ литовско-русскихъ областяхъ нужно приписывать прежде всего Литовскому Статуту. Русскія начала сохранились въ юго-западной Россіи не потому только, что они глубоко вросли въ ея бытъ: тѣ же начала въ старое время не менѣе глубоко коренились въ быту восточной Россіи, а между тѣмъ здѣсь они очень рано утрачиваются,—подъ конецъ XV столѣтія отъ нихъ почти не осталось и слѣда. Отмѣна древне-русскихъ началъ въ восточной Россіи и сохраненіе ихъ въ западной обязаны, главнымъ образомъ, вліянію законодательства: что̀ безслѣдно исчезло въ судныхъ грамотахъ, Судебникахъ и Уложеніи восточной Россіи, то надолго удержалось въ литовско-русскихъ областныхъ привилеяхъ, Судебникѣ и Статутахъ. Законодательство литовское, въ отличіе отъ московскаго, всегда слѣдовало *консервативному* направленію, болѣе или менѣе проникавшему всѣ памятники литовско-русскаго законодательства. Тоже самое направленіе замѣчаемъ и въ Литовскомъ Статутѣ, въ особенности старомъ: гдѣ только дѣло идетъ о чисто юридическихъ отношеніяхъ, тамъ Статутъ строго консервативенъ, держится въ главномъ стараго юридическаго порядка, современнаго еще Русской Правдѣ.

Вліяніе польскаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отмѣны сравнительно съ Правдою, усиливаются въ Статутахъ 1566 и 1588 г. Въ нихъ мы встрѣчаемъ больше, чѣмъ въ старомъ Статутѣ, заимствованныхъ статей изъ польскаго, нѣмецкаго и римскаго права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ законодатель руководился и чисто русскими обычаями, вовсе не вошедшими или недостаточно развитыми въ первомъ

Статутѣ. Таковы статьи, вполнѣ сходныя съ Русскою Правдою, о сводѣ, гоненіи слѣдомъ въ шкодѣ покраденной, объ отвѣтственности общины въ случаѣ неоткрытія убійцы и пр.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о сходствѣ съ Русскою Правдою памятниковъ литовскаго законодательства, приступимъ къ сравненію самыхъ юридическихъ институтовъ. Мы ограничимся наиболѣе сходными институтами уголовнаго права и процесса.

I. *Уголовное право.*

Частная месть—основное начало уголовнаго права до-княжескаго періода—ограничивается въ Правдѣ Ярославовой и наконецъ вовсе отмѣняется въ Правдѣ Изяславовой. Между тѣмъ, слѣды мести и послѣ того долго удерживались въ жизни. Исторія Новгорода и другихъ восточно-русскихъ областей представляетъ очень часто факты яркаго проявленія мести 1). Въ западной Россіи ея слѣды замѣтны даже въ законодательствѣ, допускавшемъ „сказанье" преступника на казнь обиженному, „гдѣ его хочетъ, тамъ его дѣнетъ" 2). Выданный могъ быть убитъ, оставленъ въ неволѣ 3), могъ быть „выпроханъ отъ каранья або отъ шыи страченья",—могъ „шыю свою пѣнязми откупить" 4). Эти постановленія ясно говорятъ о присутствіи мести, самоуправства, въ уголовномъ законодательствѣ западной Россіи. Сказанье преступника обиженному, который могъ его губить или мириться съ нимъ, беретъ начало очевидно въ глубокой древности. Въ западной Россіи оно существовало очень долго: до самой отмѣны дѣйствія Статута, обиженный могъ по нѣкоторымъ дѣламъ мириться (единаться) съ преступникомъ, не смотря на то, что по суду

---

1) См. Калачова объ уголов. правѣ по Судеб. ц. Іоанна Вас. (въ Юрид. зап. Редькина, 1842, II, стр. 359).

2) См. Договоры Смоленскихъ князей съ нѣмецкими городами 1229—1230, Витебскіе привилеи 1503 и 1509. Ак. I. 204. Муханова Сборн., стр. 133. Zbiór, стр. 100. Сборникъ Утина, стр. 30.

3) „Они бы просили того кому сказаны, жебы ихъ не убилъ, а давалибы ся въ неволю, а онъ бы ихъ не губилъ, таковые въ неволю маютъ быти даны". Ст. 1529. XI. 13.

4) Ст. 1529. VII. 30. Выкупленный лишается чести, „промежи добрыми людми рыцерскими не маетъ болшей того привилья шляхетского ужывати". Ст. 1529. I. 13. Ст. 1566. XI. 33. Ст. 1588. XI. 56.

онъ приговоренъ къ наказанію. Между тѣмъ, въ восточно-русскомъ законодательствѣ не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Въ Судебникѣ 1497 говорится: „боярину лихого истцу въ его гыбели не выдати, а велѣти его казнити смертною казнію тіуну“ 1).

Литовское законодательство, подобно Русской Правдѣ, различаетъ слѣдующіе виды *преступленій:* убійство, членоповрежденія, личныя обиды, татьбу, истребленіе и порчу чужихъ вещей. Въ Литовскомъ Статутѣ говорится, кромѣ того, объ ображеньи маестату господарскаго, измѣнѣ и поддѣлкѣ монеты, грамотъ и печатей, не извѣстныхъ Русской Правдѣ и вошедшихъ въ Статутъ изъ польскаго и римскаго права 2). Мы скажемъ только объ убійствѣ и другихъ преступленіяхъ, одинаково встрѣчающихся въ Правдѣ и Статутахъ.

А. *Убійство.* Денежные платежи за голову (убіеніе Правды, убійство, головщина, мужебойство Статута), замѣнившіе частную месть, допускаются по Русской Правдѣ въ двоякой формѣ: *головничьства* (выкупа кунами)—пени въ пользу ближнихъ убитаго, и *виры* (виревного, вервьного, вирного, иногда вины)—пени въ пользу князя. Тоже видимъ въ Псковской судной грамотѣ и Двинской уставной грамотѣ 3). Начала Правды утрачиваются въ московскомъ законодательствѣ, въ особенности съ перваго Судебника: убійца наказывается въ немъ вообще смертною казнію 4).

Литовское законодательство держалось очень долго положеній Правды. Что въ ней высказано не ясно, однимъ намекомъ, то въ памятникахъ литовскихъ изложено большею частію въ видѣ вполнѣ развитаго учрежденія.

Статутъ назначаетъ за убійство денежные платежи тоже въ двоякой формѣ: *головщины* 5)—платы за голову ближнимъ убитаго, и

---

1) Сборн. Утина, стр. 171.

2) Ображенье маестату соотвѣтствуетъ crimen laesae majestatis римскаго права.

3) Энгельмана Гражд. законы Псков. суд. гр., стр. 70. Устрялова Изслѣд. Пск. с. гр., стр. 62.

4) См. статьи Судебника о татьбѣ и татѣхъ

5) Головщиною (caput) называлась собственно плата ближнимъ убитаго; но, подобно Псковской судной грамотѣ, Статуты иногда даютъ ей значеніе убійства. См. напр. Ст. 1529. VII. 7.

вины (вины противку головщины, вины против нас господаря, противня господарю)—господарской пени 1).

Въ литовскихъ памятникахъ нигдѣ не употребляется названіе виры; но ей вполнѣ соотвѣтствуетъ вина, извѣстная еще Русской Правдѣ 2). Денежные платежи за убійство составляли исконный русскій обычай, платились „водле давного обычая“ 3). Перемѣны стали являться только предъ изданіемъ Волынскаго Статута (1566). Сеймовою уставою 1551 положено: если, при забитьи шляхтича, убійца пойманъ „на горячей крови“, то его карать „водле права Божьего смертію: нехай идеть голова въ голову“. Въ прочихъ случаяхъ убійца шляхтича платитъ головщину по давному, а вмѣсто вины сажается на годъ въ тюрьму (вежу, яму) 4). Волынскій Статутъ принимаетъ смертную казнь за общее правило при убійствѣ шляхтича, а третій Статутъ—и при убійствѣ простолюдина, но не иначе, какъ при поимкѣ убійцы „на горячомъ учинку“. Въ другихъ случаяхъ платится только головщина и вина 5).

Главное отличіе Статутовъ отъ Правды можно видѣть лишь въ томъ, что въ послѣдней законодатель обращаетъ все вниманіе на опредѣленіе княжеской пени, тогда какъ Статутъ ставитъ на первомъ планѣ головщину. О головничьствѣ Правда говоритъ только мимоходомъ,—ея опредѣленіе, какъ полагаютъ, зависѣло отъ согласія сторонъ или отъ рѣшенія судей 6). Литовское законодательство

---

1) Чаще всего употребляется въ актахъ вина (poena или mulcta fiscum). О денежныхъ платежахъ за голову говорится, кромѣ Статутовъ, также въ договорѣ Смоленскихъ князей съ нѣмецкими городами 1229—1230, въ Жмудьскомъ привилеѣ 1492 и др. актахъ См. Сборникъ Утина, стр. 19. Zbiór, стр. 70.

2) См. напр. Карамз. списокъ, ст. 20

3) Ак. III. 11. стр. 34.

4) Ibid, стр. 34—35.

5) Ст. 1566. XI. 12. Ст. 1588. XI. 3—5. XII. 1. 2. Впрочемъ эти правила не вездѣ имѣли силу. Напр., по Жмудьскому привилею 1574, шляхтичъ, за убійство шляхтича, по давнимъ привилегіямъ, только платитъ головщину (60 руб., т. е. 100 коп.). См. Ак. III. 59.

6) См. Калачова Изслѣд., стр. 107. Ланге, въ своемъ Изслѣдованіи объ уголовномъ правѣ Русской Правды, полагаетъ, что Правда назначаетъ однообразную виру (40 гривенъ),—другіе платежи (80, 12 и 5 гр.) означаютъ головничество, сообразовавшееся съ сословіемъ убитаго. (См. его Изслѣд., стр. 56—57. 107—108. 136—137). Ланге основывается: 1) на *уравненіи людиновъ, смердовъ и холоповъ*,

назначаетъ вину наравнѣ съ головщиною, или, какъ выражается Статутъ, „противку головщины“ 1). Ничто не мѣшаетъ предположить, что такъ могло быть и во время Правды. По крайней мѣрѣ, догадка Калачова и другихъ о томъ, что головщина назначалась судомъ или сторонами, не подтверждается ни однимъ указаніемъ Правды и другихъ памятниковъ, между тѣмъ какъ Статутъ, слѣдовавшій давнему обычаю, прямо говоритъ о назначеніи платы въ равномъ количествѣ въ пользу ближнихъ убитаго и въ пользу господаря.

Въ Правдѣ ничего не говорится о томъ, кто изъ ближнихъ убитаго получалъ плату за его голову. Этотъ вопросъ вполнѣ опредѣлительно рѣшается Статутами. Головщина платится близкимъ (род-

---

какъ класса, противоположнаго дружинѣ. За людиновъ и смердовъ не могло существовать двухъ различныхъ виръ: 40 гр. означало виру, 5 гр.—головничество. Мы считаемъ невѣрною главную посылку, а вмѣстѣ съ нею и послѣдній выводъ Ланге. Онъ не обратилъ вниманія на статьи Правды о задницѣ, гдѣ ясно отличаются смерды отъ людиновъ. Въ одной статьѣ говорится о смердьей задницѣ, въ другой—о задницѣ боярстѣй и дружиннѣй, или, по другимъ спискамъ, *людстей*. (См. Калачова, стр. 102, LX). „Дружина боярская“ уравнивается съ княжею; лица, принадлежавшія къ дружинѣ (кромѣ мужей—бояръ, огнищанъ), носятъ общее названіе людиновъ. Людины отличались отъ смердовъ въ отношеніи къ наслѣдству и вирамъ. За людиновъ, простыхъ дружинниковъ, платили 40 гр., за смердовъ—5 гр.—2) *Продажа* за воровство холопа (12 гр.) превышаетъ виру (5 гр.), чего нельзя допустить, не принимая послѣдней платы за головничество. Но откуда извѣстно, что вира должна равняться продажѣ? обѣ пени совершенно различны между собою, могли количественно и не равняться.—3). *Княжіе отроки, конюхи и повары* относились къ княжимъ мужамъ, а между тѣмъ ихъ вира (40 гр.) ниже виры послѣднихъ (80 гр.), чего тоже нельзя допустить. Но здѣсь снова слѣдуетъ спросить, откуда мы знаемъ, что отроки и мужи одно и то же? Не правильнѣе ли будетъ относить отроковъ къ людинамъ? Тогда противорѣчія не будетъ. Вообще нѣтъ основанія считать 80 гр. головничествомъ, да и самъ Ланге колеблется, называя ее иногда вирою (см. стр. 108, 111). Правда прямо называетъ этотъ платежъ виревнымъ, вирою (см. Троиц. сп., п. 3).—4). *Полувира* (полувирье) опредѣляется однообразно (20 гр.), слѣд. и вира должна быть однообразнымъ платежомъ. Положеніе такое нельзя также оправдать, если вспомнимъ, сколько встрѣчается въ Правдѣ казуистическихъ статей, касающихся только данныхъ случаевъ. Къ такимъ статьямъ, безспорно, нужно относить статьи о полувирьи.—Ланге, такимъ образомъ, неосновательно отвергаетъ положеніе о томъ, что Правда говоритъ только о вирѣ.

1) Ст. 1529. VII. 1. 3. 28. IX. 1. 12.

нымъ) убитаго. Право на нее опредѣляется „близкостію", родствомъ между убитымъ и его близкими. Ближайшее право на головщину имѣютъ братья, потомъ сестры, вообще „кревные" убитаго 1). За господскихъ людей головщина платится ихъ пану. Только въ позднѣйшее время (съ конституціи 1581) она дѣлилась между ближними убитаго и его паномъ 2).

Убійца платитъ головщину „подле роду, стану" убитаго. Сословныя различія въ платежѣ пени равно извѣстны Правдѣ и Статутамъ. Иная плата полагалась за убійство лицъ высшаго сословія и иная—за убійство простолюдиновъ. Сходство замѣтно въ особенности между первымъ Статутомъ и Правдою. Въ обоихъ памятникахъ различаются четыре класса лицъ, убійство которыхъ оплачивается различными пенями:

По Русской Правдѣ:	*По Статуту 1529:*
I. Княжіе мужи—огнищанинъ, подъѣздной княжъ, тивунъ княжій (огнищный), конюшій княжій—80 гривенъ.	I. Шляхта—100 копъ.
II. Людины—княжій отрокъ, конюхъ, поваръ, ябетникъ, мечникъ, тивунъ бояре́скъ; гридь, купчина (купецъ), словенинъ, русинъ; изгой—40 гр.	II. Тивуны, приставы, ключники, путные слуги; ремесные люди—12 рублей.
III. Сельскій староста (тіунъ) княжій, ратайный; ремественникъ; кормилецъ, кормилица—12 гр.	III. Тяглые люди, бортники—10 копъ.
IV. Рядовичъ, смердъ (холопъ—по древней Правдѣ)—5 гр.	IV. Паробки невольные — 5 копъ 3).

1) Ст. 1529. VII. 11—13. Ст. 1566. XI. 24—25. Ст. 1588. XI. 45.

2) Ак. II. 54. Ст. 1529. XIII. 20. Ст. 1588 (изд. 1811). XI. 1. примѣч. 1.

3) Ст. 1529. VII. 29. XI. 1—4. Въ статутахъ 1566 и 1588 возвышена головщина за простолюдиновъ и увеличено число разрядовъ (до шести). Ст. 1566. XI. 13. XII. 1—3. Ст. 1588. XI. 27. XII. 2—6. Правда XIII стол. отмѣнила виру за холоповъ и установила, вмѣсто нея, продажу (12 гр.), какъ за порчу и уничтоженіе всякой вещи.—Ремесные люди (мѣщане) Статута соотвѣтствуютъ купчинамъ

Правда отличаетъ виру, платимую вслѣдствіе поимки убійцы на мѣстѣ преступленія, отъ такъ назыв. *поклепной виры.* Послѣднюю платитъ убійца, не пойманный при лицѣ, на преступленіи, осужденный вслѣдствіе одного „поклепа" (обвиненія въ преступленіи безъ лица). Подобнымъ же образомъ Статуты назначаютъ различныя наказанія, при поимкѣ убійцы „на горячомъ учинку" и при одномъ „обвиненьи"—соченьи и позвѣ. Поклепной вирѣ соотвѣтствуетъ головщина Статутовъ, какая платилась убійцею, призваннымъ къ суду вслѣдствіе обвиненья (воланья), безъ поимки его на преступленіи. Головщина по позву была меньше тѣхъ наказаній, какія слѣдовали послѣ поимки при лицѣ (позовъ въ этомъ случаѣ не полагался) 1).

Убійство въ *свадѣ* (дракѣ) или въ пиру, *явлённо*, различается въ Правдѣ отъ убійства безъ свады—въ разбоѣ. Различіе между ними еще точнѣе опредѣляется литовскимъ законодательствомъ. Въ немъ убійство въ „звадѣ" почти уравнивается съ „*пригоднымъ*" (случайнымъ) убійствомъ, безъ умысла, и противополагается убійству *умысльному,* учиненному въ гвалтѣ и другихъ случаяхъ 2).

Литовское законодательство, подобно Русской Правдѣ, не подвергаетъ никакой отвѣтственности убійство, совершенное кѣмъ-либо „не за своимъ початкомъ", *по необходимости*, ради обороны, напр. при нападеніи разбойниковъ или при поимкѣ татя на самомъ преступленіи (если онъ будетъ оказывать сопротивленіе) 3).

Участіе общины въ платежѣ виры *(дикой виры)* составляетъ отличительную черту уголовнаго права Русской Правды. Такое

или купцамъ Правды.—Древнее польское право тоже установляетъ различную виру, смотря по общественному положенію убитаго. Уже въ грамотѣ Казиміра 1252 г. различается вира за убійство рыцарей высшихъ классовъ (funclus aliqua dignitate secularis potestatis—30 гривенъ сребра), простыхъ рыцарей (miles simplex—15 марокъ), за рыцарей, не несущихъ военной службы, и за людей простыхъ (за послѣдніе два класса 6 марокъ) См. Даниловича Skarbiec, I. стр. 81. № 125.

1) Эти различія встрѣчаемъ даже въ третьемъ Статутѣ. Смертная казнь установлена была только для убійцъ, пойманныхъ на горячомъ учинку; въ другихъ случаяхъ слѣдовала одна головщина съ виною—собственно поклепная вира Правды. См. напр. Ст. 1588. XII 1.

2) Ст. 1529. VII. 22—24. Ст. 1566. XI. 13. 19. 26—27. Ст. 1588. XI. 10. 11. 21—22. 23.

3) Ст. 1529. VII. 4. 5. 16. XIII. 20. Ст. 1566. XI. 6. 7. XIV. 19. Ст. 1588. XIV. 21.

участіе имѣло въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязательный характеръ, составляло какъ бы повинность общинъ; иногда же оно основывалось на договорѣ, имѣло характеръ свободный. Дикая вира уплачивалась общиною въ видѣ повинности во всѣхъ случаяхъ, когда на ея землѣ открывалось убійство, виновникъ котораго не извѣстенъ. Община, всегда знавшая своихъ членовъ, отвѣчала за нихъ, когда не выдавала ихъ для наказанія. Основаніемъ дикой виры была круговая (общая) порука — одна изъ существенныхъ принадлежностей стараго общиннаго быта 1). Другою формою дикой виры былъ платежъ пени общиною по договору, когда самъ преступникъ находился на лицо. Правда дозволяетъ членамъ общины „влагаться въ виру", —помогать въ платежѣ пени членамъ, участвующимъ въ договорѣ виры. Кто не вложится въ виру, тотъ платитъ самъ за себя, безъ подмоги со стороны общины.

Литовскому законодательству извѣстна дикая вира только въ первой формѣ. Въ немъ исчезло различіе между обязательною и договорною вирою: община во всякомъ случаѣ отвѣчала, если она знала убійцу и не выдавала его. Именно, по Литовскому Статуту община отвѣчаетъ, когда не извѣстенъ убійца человѣка „переѣждчаго

1) Дикая вира принадлежитъ къ древнимъ учрежденіямъ и извѣстна была всѣмъ славянамъ. См. законы Душана въ Чтен. Общ. ист. и др. 1846. II. стр. 9. У чеховъ и моравовъ она извѣстна была подъ именемъ *venditio hominum*. Собственно дикой вирѣ Правды соотвѣтствуетъ *hlawa* (пеня за убійство). Виру платила иногда цѣлая осада (волость) или даже цѣлый край, въ которомъ случилось преступленіе. Обыкновенно осады дѣлились у чеховъ на отдѣльные округи—гонитвы (верви Правды), связью которыхъ была круговая порука (obecna porůka). Гонитва отвѣчала за всякое, совершенное въ ней, преступленіе. Круговая порука исчезаетъ у чеховъ вмѣстѣ съ введеніемъ нѣмецкаго права. См. Изслѣдованіе г. Ирѣчька о жупныхъ судахъ въ Чехіи и Моравіи (въ Архивѣ Калачова 1859, кн. 6, стр. 26. 59). Учрежденіе дикой виры встрѣчаемъ также въ древнемъ польскомъ правѣ. Такъ, изъ грамоты Казиміра, князя куявскаго (1252 г.), видно, что въ случаѣ открытія трупа (забитаго), при неизвѣстности убійцы, вира уплачивается *сосѣдями*, „которые могли слышать крикъ убитаго". Община не отвѣчаетъ, когда извѣстенъ убійца: онъ представляется въ судъ. См. Даниловича Skarbiec, I. стр. 81. № 125. Въ польскихъ памятникахъ съ латинскимъ текстомъ вира носитъ названіе *caput* (глава чешскаго, головщина литовскаго права). Ibid, стр. 65. № 86.

и безплеменнаго". Община, на землѣ которой найденъ трупъ, должна розыскать виновнаго, отвести отъ себя обвиненіе показаніемъ присяжныхъ, „обраныхъ мужовъ" о томъ, что не они причиною забитья и не знаютъ мужебойца. Если община знала убійцу и не выдавала его, то она платила головщину, „а собѣ виннаго искати" 1). Нельзя не видѣть самой тѣсной связи изложеннаго правила Статутовъ съ постановленіями Правды о дикой вирѣ. Отвѣтственность общины, когда не былъ извѣстенъ убійца, есть несомнѣнный остатокъ дикой виры — учрежденія, имѣвшаго большое примѣненіе въ уголовномъ правѣ Правды.

Въ ученіи объ убійствѣ Правда и Статуты выдѣляютъ *разбой*, какъ особый видъ убійства, одинаково опредѣляя сущность этого института. Подъ разбоемъ разумѣется убійство, соединенное съ находомъ, наѣздомъ на чужой домъ и съ грабежомъ, отнятіемъ чужаго имущества. Потоку и разграбленію—наказанію Правды за разбой—соотвѣтствуетъ страченье шыи, выволанье и грабежъ литовскаго законодательства 2).

Страченье шыи не одно и то же, что смертная казнь, установленная вторымъ и третьимъ Статутами вообще за убійство. Смертная казнь соотвѣтствуетъ казни Судебниковъ восточной Россіи. Это было наказаніе съ чисто-публичнымъ значеніемъ; казнь исполнялась органами общественной власти (тіунами и дворскими по Судебникамъ, вознымъ по Статутамъ). Страченье шыи (горла) равнозначительно, напротивъ, съ сказаньемъ преступника на каранье обиженному или его ближнимъ 3), состояло въ предоставленіи убійцы полному произволу частнаго лица. Страченье шыи соединяется съ гра-

---

1) Ст. 1566. XI. 31. Ст. 1588. XI. 26.

2) Ст. 1529. VII. 1. 2. 12. 21. Ст. 1566. XI. 12. Ст. 1588. XI. 12. Тѣ же почти наказанія встрѣчаемъ въ чешскомъ правѣ (XI—XIII стол.). Имѣніе преступника отдавалось истцу, иногда и князю. Самъ преступникъ выдавался головою князю, „жизнь его на произволъ князя". Преступникъ, осужденный на смерть, могъ быть выданъ другому въ рабы (отроки). Такимъ наказаніямъ, сходнымъ съ потокомъ Правды, подвергались не только разбойники, но иногда и простые убійцы, воры, грабители и др. См. Архивъ Калачова, кн. 6, стр. 30, 58—59.

3) Zbiór, стр. 100. Ст. 1529. I. 13. XI. 3. VII. 30. Ст. 1566. XI. 13. Ст. 1588. XI. 56.

бежомъ (отнятіемъ имѣнія для вознагражденія истца и для уплаты господарской пени) и замѣняется выволаньемъ, въ случаѣ сокрытія преступника 1).

Всѣ эти постановленія, сходныя съ Правдою (гораздо больше, чѣмъ постановленія Псковской судной грамоты, не различающей разбоя и простаго убійства), въ особенности объясняютъ *потокъ* и *разграбленіе*. Учрежденіе грабежа вполнѣ удерживается литовскимъ законодательствомъ 2). Въ западной Россіи грабежомъ взыскивались долги и всякія частныя обязательства. Къ грабежу прибѣгалъ урядъ при взысканіи податей и другихъ повинностей 3). Ниже мы увидимъ, что грабежъ былъ главною мѣрою исполненія судебныхъ приговоровъ. По дѣламъ уголовнымъ грабежъ всегда соединялся съ выволаньемъ. Грабежъ и выволанье, вообще говоря, составляли въ совокупности временное или вѣчное отрицаніе правоспособности преступника.

Такой же смыслъ можно давать потоку и разграбленію Правды. Они назначались за тѣ же преступленія, за какія въ Статутѣ положено страченье головы, выволанье и грабежъ 4). Можно полагать, что потокъ означалъ не одно изгнаніе и не одну выдачу въ холопство. Князь могъ преступника изгнать, выдать въ холопство или

1) Ст. 1529. VII. 3. Ст. 1566. XI. 4. Ст. 1588. XI. 4.

2) О грабежѣ впервые говорится вполнѣ ясно въ договорѣ Смоленскихъ князей съ нѣмецкими городами 1229 — 1230. Здѣсь ему дается значеніе конфискаціи имущества преступника, вмѣстѣ съ выдачею его въ холопство. См. Сборникъ Утина, стр. 21. п. VI.

3) Ак. I. 224. Памятники Кіев. Ком. IV. 2. стр. 19. 25. Стат. 1588 (изд. 1811) III. 29 (примѣч. 10). 37. XII. 9.

4) Потокъ вообще состоитъ въ связи съ древнимъ общиннымъ бытомъ. Онъ былъ одною изъ мѣръ охраненія спокойствія общины. Вредныхъ членовъ она не терпѣла, извергала изъ среды себя. Въ старое время это было равнозначительно съ отрицаніемъ за отдѣльнымъ лицомъ всякой правоспособности, условивавшейся прежде всего принадлежностію лица къ той или другой общинѣ. Преступникъ, преданный потоку, могъ быть выданъ на казнь или въ рабы князю и частнымъ лицамъ. Потоку нельзя давать одного какого нибудь значенія, какъ это дѣлаетъ напр. Ланге, называя потокъ ссылкою, заключеніемъ. Такое опредѣленіе потока противорѣчитъ тѣмъ же фактамъ, на какіе ссылается Ланге, напр. слѣдующему мѣсту лѣтописи: „Мстиславъ въ 1129 г. *поточи* (изгналъ) князи Полотскіе Царюграду, въ Греки, съ женами и дѣтьми“. См. Изслѣд. Ланге, стр. 125.

на выкупъ. Потокъ могъ наконецъ означать то же, что въ Статутахъ называется страченьемъ шыи. По крайней мѣрѣ такое значенье имѣетъ выволанье, очевидно сходное съ потокомъ 1).

В. *Членоповрежденія и личныя обиды.* Правда различаетъ увѣчья, раны (кровавыя, синія), истязанія (муки), удары (въ лицо, мечемъ или другимъ орудіемъ), толчки, обиды (безчестіе). Тѣ же различія встрѣчаемъ въ литовскомъ законодательствѣ. Въ Статутѣ 1529 говорится объ ударѣ мечемъ, кордомъ, о ранахъ или ударахъ „у тварь" (въ лицо), о лишеніи и поврежденіи руки, ноги и другихъ членовъ 2), — въ сеймовой уставѣ 1551 — о знакахъ, ранахъ „кровавыхъ любо синихъ" 3). Точно также Статуты 1566 и 1588 г. различаютъ увѣчье членовъ, вырваніе бороды отъ простыхъ ранъ, побоевъ и толчковъ 4). — Правдѣ извѣстно только убійство въ свадѣ; Статуты говорятъ также о ранахъ и побояхъ, наносимыхъ въ свадѣ (вечерней и дневной) 5). Обидѣ, безчестію Правды, соотвѣтствуетъ приганеніе чести (почтивости, почестности) или просто безчестіе, въ частности зводъ (выводъ, нaганенье) шляхетства 6).

Если одинакова сущность увѣчій и обидъ, то тоже нужно сказать о наказаніяхъ: продажѣ и лѣчебному (за раны, вѣкъ, обиду) Правды соотвѣтствуютъ вина и навезка (плата на лѣченіе, за раны, обиду, compensatio pro percussione) Литовскихъ Статутовъ. Полувирье Правды равнозначительно съ платежомъ „полчеловѣка" (полголовщины,

---

1) По Статутамъ, при уклоненіи убійцы отъ наказанія, отвѣчаютъ за него „кровные" его. Дѣти и ближніе убійцы платятъ за него головщину, или истецъ (собственно дѣти убитаго) „маеть седети на имени" убитаго, которое вообще подвергается грабежу. Скрывшійся убійца объявлялся выволанцемъ, баннитомъ. Если послѣ онъ гдѣ либо будетъ „налезенъ", то каждый могъ убить его безнаказанно, какъ лицо безправное. Третьимъ Статутомъ дозволено такимъ выволанцамъ просить охраннаго листа (глейта) на временную отсрочку выволанья. См. Ст. 1529. VII. 3. 29. Ст. 1566. XI. 4. Ст. 1588. XI. 4.

2) Ст. 1529. III. 14. VI. 21. VII. 9.

3) Ак. III. 11. стр. 36.

4) Ст. 1566. XI. 13. Ст. 1588. XI. 27.

5) Ст. 1529. VII. 22 — 24. Ст. 1566. XI. 13. 19. 26 — 27. Ст. 1588. XI. 10. 11. 21—22.

6) Ст. 1529. III. 10 — 13. VI. 1. 2. 13. 21. Ст. 1566. III. 8. 16—19. Ст. 1588. III. 11. 19. 23.

solutio dimidii hominis) Статутовъ. Оба платежа назначаются за увѣчья, поврежденія различныхъ „члонковъ" 1). Полная головщина платится за отнятіе двухъ какихъ-либо членовъ 2).

Въ Правдѣ только пеня за муки (истязанія) опредѣляется по состоянію обиженнаго (огнищанина или смерда). Не видно, чтобы въ другихъ случаяхъ имѣли мѣсто сословныя различія. Полное развитіе ихъ принадлежитъ литовскому законодательству. Въ Статутахъ навезки назначаются въ бо́льшемъ размѣрѣ за обиды, наносимыя шляхтѣ, и въ меньшемъ—за обиды простолюдиновъ 3).

Наконецъ постановленія Правды о продажахъ и другихъ пеняхъ касаются только свободныхъ лицъ: холопъ, нанесшій обиду свободному мужу, сперва (по уставу Ярослава) наказывался „убіеніемъ", потомъ положено „вязати любо бити й розвязавше, или взяти гривна кунъ за соромъ". Этотъ выкупъ лежалъ на обязанности господина. По литовскому законодательству, хлопъ, нанесшій какую-либо обиду шляхтичу, тратитъ руку, а за увѣчье—горло 4). Всякія взысканія съ хлопа падаютъ на его пана 5). Простолюдинъ казнится тяжкою смертію за побои и раны своему пану; простое поднятіе на него оружія угрожаетъ хлопу лишеніемъ руки 6).

C. *Татьба.* Русская Правда, въ ученіи о татьбѣ, ставитъ на первомъ планѣ татьбу *коневую*. Она не объясняетъ сущности этого института, только относитъ его къ одному разряду съ разбоемъ и зажигательствомъ. Въ Русской Правдѣ даже заключается, повидимому, противорѣчіе; потому что, постановляя за коневую татьбу потокъ, въ другихъ мѣстахъ Правда назначаетъ за нее только денежную пеню 7).

---

1) Ак. III. 11. стр. 35. Ст. 1529. VII. 9. Въ позднѣйшихъ Статутахъ платится за каждый членъ отдѣльно. Ст. 1566. XI. 13. Ст. 1588. XI. 27.

2) Ст. 1566. XI. 13. Ст. 1588. XI. 27.

3) Ст. 1529. III. 14. VII. 9. XI. 1—5. Ст. 1566. XI. 13. XII. 1—3. Ст. 1588. XI. 27. XII. 1—3.

4) Ст. 1529. III. 14. Ст. 1566. XI. 15. Ст. 1588. XI. 27.

5) Ст. 1529 XIII. 1. Ст. 1566. XIV. 1. Ст. 1588. XIV. 1. Ак. III. 5.

6) Ст. 1566. XI. 18. Ст. 1588. XI. 9.

7) См. Калачова Изслѣд., XLI. XLII. XLVII. LXXII. CVIII. CXV. Ланге утверждаетъ, что потокъ назначается Правдою за всякую кражу лошади. См. его Изслѣд., стр. 199. Между тѣмъ, указанныя

Противорѣчіе такое объясняется литовскимъ законодательствомъ, принявшимъ почти цѣликомъ систему Русской Правды. Судебникъ 1468 г. различаетъ „татьбу большую" отъ меньшей, разумѣя подъ первою татьбу „конскую" 1). О татьбѣ великой (лицѣ злодѣйскомъ великомъ) говорится также въ привилеѣ Кіевской землѣ 1507 и сеймовой уставѣ 1551 2). Институтъ большой татьбы вполнѣ выясненъ въ Статутахъ. Большая татьба означала „покраденье свирни, свирепа скарбнаго, спижарнаго"—кражу цѣнныхъ, заводскихъ лошадей изъ свирни (конюшни). Отъ нея отличается кража лошадей рабочихъ, стадныхъ. За большую татьбу назначается высшая мѣра наказанія (выдача татя на произволъ князя или истца, позже шибеница, висѣлица), тогда какъ за вторую—только денежная пеня 3). Если по Русской Правдѣ и литовскому законодательству назначается не одинаковое наказаніе за большую татьбу, то рѣшительно сходно опредѣленіе самой сущности института большой татьбы.

Кража другихъ вещей наказывается только денежными пенями. Для насъ важенъ здѣсь чрезвычайно сходный перечень воровскихъ вещей въ Русской Правдѣ и Литовскомъ Статутѣ:

По *Русской Правдѣ:*	По *Литовскому Статуту:*
Конь, кобыла, волъ, корова, *третякъ*, *лоньщина*, теля, яря, телица *аднольтняя*, *лонская*, кобылица лонская, быкъ лонскій и т. д.	Кони рабочіе (стадные), свирепье (свирепа - кобылица) рабочее, *третекъ* или третякъ, жеребя *лонское*, теля лонское, *сеголѣтнее*, козелъ четвертакъ, третякъ, *лонщина*, сеголѣтнее и т. д. 4).

статьи ясно говорятъ о продажѣ, назначаемой за коневую татьбу. О ней говорится, напр., въ статьѣ XLII: „за кобылу.... за жеребець, *оже будеть не всѣдано*.... платять князю продажю".

1) Zbiór, стр. 47. XVI. Ак. I. 67.

2) Ак. II. 30. III. 11. стр. 36.

3) Zbiór, стр. 47. 100. Ст. 1529. XII. 1. XIII. 10. Ст. 1566. XIII. 7. XIV. 11. Ст. 1588. XIII. 5. XIV. 14.—Выраженіе Правды: „за кобылу... за жеребець, *оже будеть не всѣдано*", ясно указываетъ на то, что Правда установляла за конскую татьбу потокъ или продажу, смотря потому, была-ль заводская лошадь „всѣдана", или находилась въ полѣ, стадѣ. Кража заводской лошади, всѣданной, взятой во дворъ, въ конюшню, естественно должна была наказываться строже, чѣмъ кража лошадей простыхъ или заводскихъ, но не „всѣданныхъ".

4) Лонщина—двухлѣтокъ. Лит. Ст. 1529. IX. 2. XII. 1—14. Ст. 1566. XIII. 7—12. Ст. 1588. X. 9. 14. XIII. 5—11.

За татьбу угрожается денежною пенею, смотря по цѣнности воровскихъ вещей. Въ Русской Правдѣ назначается урокъ (цѣна) за каждую вещь отдѣльно. Литовское законодательство пошло дальше: назначая „цѣну“ каждой вещи, оно вмѣстѣ съ тѣмъ установляетъ высшую мѣру наказанія, если цѣна вещей превышаетъ опредѣленную норму 1).

Холопъ (челядинъ), наравнѣ со всякимъ предметомъ собственности, признается въ Русской Правдѣ предметомъ кражи или вывода. Точно также Судебникъ 1468 и Литовскіе Статуты допускаютъ людскую кражу (челяди и людей): виновный наказывается, „яко злодѣй“ 2).

Поимка татя „при лицы“ влечетъ по Русской Правдѣ большую пеню, чѣмъ поимка безъ лица. То же самое правило встрѣчаемъ въ литовскомъ законодательствѣ 3). Статьи Литовскихъ Статутовъ: „у кого бы лицо застато было“ и объ обвиненіи въ злодѣйствѣ безъ лица 4), представляютъ только развитіе соотвѣтствующихъ статей Р. Правды. Поимка татя съ лицомъ (на мѣстѣ кражи) равнозначительна съ открытіемъ лица въ татинномъ домѣ или дворѣ 5). Но Статуты не считаютъ злодѣйствомъ, если „лицо найдено въ хороминѣ за замкомъ и не будетъ прихоронено окно, въ которое укинено лицо“; лицо не должно быть сужено за злодѣйство, если оно найдено за плотомъ или въ гумнѣ 6). Статуты наконецъ говорятъ болѣе подробно о поимкѣ злодѣя безъ лица: въ этомъ случаѣ допускаются къ очистительной присягѣ—простолюдинъ только при первомъ обвиненіи, а шляхтичъ при первыхъ трехъ обвиненіяхъ 7).

---

1) Именно, татьба выше полукопы, по первому и второму Статуту и Судебнику 1468, и татьба выше 4-хъ копъ, по Статуту 1588, признана татьбою большою, уравнена съ конскою татьбою. См. Zbiór, Судебн. 1468. п XIII. XV. Стат. 1529. XIII. 1. Ст. 1566. XIV. 4. Ст. 1588. XIV. 7.

2) Zbiór, стр. 54. XXV. Ак. I. 67. Памятн. IV. 2. стр. 189. Лит. Стат. 1529. XII. 8. Ст. 1566. XIV. 29. Ст. 1588 XII. 5.

3) См. Судебникъ 1468 и Витебскій привилей 1509. Zbiór, стр. 37. (II. VI). 100.

4) Ст. 1529. XIII. 7. 9. 17. Ст. 1566. XIV. 1. 5. Ст. 1588. XIV. 1. 3. 5. 7. и др.

5) Zbiór, стр. 39. III. Ст. 1529. XIII. 2. 3 и др.

6) Ст. 1529. XIII. 11. Ст. 1566. XIV. 12. Ст. 1588. XIV. 15. Подобныя же правила встрѣчаемъ въ древнемъ чешскомъ правѣ. См. Архивъ Калачова, кн. 6, стр. 43.

7) Ст. 1529. XIII. 7—9. Ст. 1566. XIV. 17—18. Ст. 1588. XIV. 11.

Различіе наказаній за татьбу, смотря по общественному положенію обиженнаго, извѣстно въ равной мѣрѣ Русской Правдѣ и литовскому законодательству. Въ Русской Правдѣ говорится впрочемъ только о татьбѣ коня княжаго и смердьяго. Дальнѣйшее развитіе этого правила мы видимъ въ постановленіяхъ Литовскихъ Статутовъ о татьбѣ разныхъ вещей — королевскихъ, княжьскихъ, панскихъ, земянскихъ и мужицкихъ. Особая навезка полагается за господарскія вещи, особая за шляхетскія и мужицкія 1).

Различныя послѣдствія имѣла татьба, учиненная лицомъ свободнымъ и холопомъ. Свободный человѣкъ, по Русской Правдѣ, самъ отвѣчаетъ за свою вину, тогда какъ за холопа отвѣчаетъ господинъ. Точно также, по Литовскому Судебнику 1468, привилею Полоцкой области 1511 и 1547 и Литовскому Статуту 1529, господарь (панъ) платитъ за своего паробка или человѣка, пойманнаго на татьбѣ 2). Въ Статутахъ послѣдующихъ редакцій постановлено, что панъ долженъ „дать справедливость" въ злодѣйствѣ своего человѣка; если злодѣй скрывался, то вся отвѣтственность падала на его пана 3).

Частное правило Русской Правды о томъ, что жена и дѣти холопа, участвовавшія вмѣстѣ съ нимъ въ татьбѣ, выдаются обиженному (участники свободные платятъ только продажу), возведено литовскимъ законодательствомъ въ общее правило, примѣнено и къ лицамъ свободнымъ. По литовскому законодательству, пеня, на уплату которой недостаточны татинные статки (имущество) „платится женою и дѣтьми, вживавшими краденныхъ речей" 4).

Русская Правда и литовское законодательство, наконецъ, одинаково рѣшаютъ вопросъ о томъ, кто отвѣчаетъ при неизвѣстности татя, когда открыто лицо или остались слѣды татьбы. Въ первомъ

---

1) Ст. 1529. XII. 1. Ст. 1566. XIII. 1—4. 6. Ст. 1588. 1—4.

2) Zbiór, стр. 50. XII. XX. Ак. III. 5. Ст. 1529. XIII. 1. То же правило встрѣчаемъ въ Вислицкомъ Статутѣ (1347): „панъ маеть досыть учинить" за своего слугу, если онъ учинитъ шкоду сосѣду. Ак. I. 2. п. 96.

3) Ст. 1566. XIV. 1. Ст. 1588. XIV. 1.

4) Ак. I. 120. 204. II. 30. Сборн. Муханова, стр. 133. Zbiór, стр. 37—38. 40—41. 100. Стат. 1529. XIII. 12. 27. Ст. 1566. XIV. 13. 21. Ст. 1588. XIV. 16. 23.

случаѣ Правда дѣлаетъ отвѣтственнымъ того, у кого хозяинъ познаетъ свою вещь: настоящій тать отыскивался посредствомъ такъ назыв. свода. Во второмъ случаѣ (когда остались слѣды татьбы) отвѣчала община, на землѣ которой будетъ идти слѣдъ, — или то лицо, къ „товару" котораго приведетъ слѣдъ. Село или хозяинъ товара должны были отсочить, отвести отъ себя слѣдъ, и отвѣчали за татьбу, если „не ѣхали на слѣдъ, отбивались отъ него".

Рѣшительно тотъ же порядокъ удержанъ литовскимъ законодательствомъ. Въ Литовскихъ Статутахъ всѣхъ редакцій очень подробно говорится: „которымъ обычаемъ заставати лицо або слѣдъ въ чіемъ дому, какъ трести домъ", — объ отвѣтственности хозяина дома (хозяина товара по Р. Пр.), если онъ „отобьетъ отъ лица или свежого слѣду, не дастъ трести краденныхъ речей", — объ отвѣтственности села (отъ котораго видится шкода, а шкодника не вѣдаетъ), если оно не отсочится присягою трехъ выборныхъ (обраныхъ) мужей въ томъ, что никто не знаетъ шкодника. Сюда же относятся статутовыя постановленія объ оповѣданьи шкоды сосѣдямъ (околицѣ, околичнымъ, стороннимъ людямъ), о зводѣ на злодѣя, о заводцѣ (третьемъ лицѣ, у кого куплена вещь, признаваемая воровскою), початкѣ свода, о третьемъ, иншемъ, остатнемъ сводѣ; — объ обязанности того, у кого найдена краденная вещь (лицо), представить боришниковъ, людей добрыхъ, вѣры годныхъ, при которыхъ куплена вещь (они соотвѣтствуютъ мытнику или двумъ свободнымъ мужамъ Р. Пр.); — наконецъ о гоненьи слѣдомъ въ шкодѣ покраденной, о копѣ 1), гонящей слѣдъ, осумовывающей шкоду 2). Всѣ эти

---

1) Коны (куны) Русской Правды, какъ намъ кажется, вполнѣ соотвѣтствуютъ купамъ или копамъ Литовскаго Статута. Въ Правдѣ говорится: „Аще познаетъ кто челядинъ свои оукраденъ, а поиметь и, то оному *вести и по купамъ (копамъ) до 3-го свода*". См. Калачова, стр. 130. CXXVII. Сборн. Утина, стр. 57 (п. 33), 76 (п. 34). Эти коны, при сравненіи ихъ съ копами Статута, получаютъ смыслъ, отличный отъ того, какой имъ обыкновенно даютъ. См. напр. Плошинскаго Город. или сред. состояніе Рус. народа, стр. 27. О копахъ впервые говорится въ литовскихъ актахъ — въ королевскомъ листѣ 1529 г. (29 сент.) о введеніи новаго Статута въ Литвѣ. См. Ак. II. 165. Въ Судебникѣ 1468 копа названа *околицею*. См. Zbiór, стр. 41. 48. 49. 53. Въ отдѣлѣ о процессѣ мы подробнѣе скажемъ о конахъ и копахъ.

2) Ст. 1529. XIII. 2. 3. 5. 18. 26. Ст. 1566. XIV. 1—3. 6. Ст. 1588. XIV. 1. 3. 4. 9.

постановленія имѣютъ, большею частію, процессуальный характеръ. Въ настоящемъ случаѣ они важны для насъ по указанію на то, что вопросъ объ отвѣтственности за татьбу, при неизвѣстности вора, рѣшается совершенно одинаково Русскою Правдою и Литовскимъ Статутомъ. Сходства ихъ, въ этомъ случаѣ яснаго и несомнѣннаго, нельзя отрицать, при самомъ бѣгломъ сравненіи статей обоихъ памятниковъ. Литовскій Статутъ, въ особенности по вопросу о сводѣ и слѣдѣ, ни на шагъ не отступаетъ отъ Русской Правды. Онъ только болѣе развилъ и выяснилъ часто запутанныя и темныя положенія Русской Правды.

D. *Истребленіе и порча чужихъ вещей.* Русская Правда и литовское законодательство отличаютъ зажигательство отъ другихъ видовъ истребленія и порчи вещей.

За зажигательство (гумна, двора) Русская Правда постановляетъ отдать домъ виновнаго на грабежъ, а зажигателя, послѣ вознагражденія „изгубы", князю поточить, выдать на потокъ. Зажигательство, такимъ образомъ, уравнивается съ разбоемъ и коневою татьбою 1). По литовскому законодательству, зажигатель (запаляха) жилыхъ мѣстъ—замковъ, дворовъ, домовъ и пр., наказывается сожженіемъ (огнемъ); его имущество идетъ на удовлетвореніе шкоды 2). За лѣсные пожары (въ пущахъ), учиненные „емыслне, недбанствомъ", назначается каранье горломъ 3). Литовское законодательство устанавливаетъ, наконецъ, мѣры противъ воровства во время пожаровъ: за утайку „згубы" назначается во второмъ Статутѣ платежъ цѣны изгубы вчетверо, а въ третьемъ — каранье наравнѣ съ большою татьбою 4).

Прочіе виды истребленія и порчи вещей преслѣдуются только денежными пенями. Здѣсь, въ свою очередь, различается порча и уничтоженіе межъ и знаменій отъ порчи другихъ вещей.

Русская Правда говоритъ о томъ, кто переоретъ, перетнетъ бортную или ролейную межу, перегородитъ тыномъ межу дворную,

---

1) Калачова, стр. 108. LXXIII.
2) Ст. 1588. XI. 18.
3) Ст. 1566. X. 17. Въ третьемъ Статутѣ горло замѣнено платою шкоды. См. X. 17.
4) Ст. 1566. XIV. 27. Ст. 1588. XIV. 28.

подотнетъ дубъ знаменный, разнаменаетъ борть. Во всѣхъ этихъ случаяхъ назначается однообразная пеня — 3 гривны по Правдѣ XI стол., 12 гр. по Правдѣ XIII стол. 1). Литовскіе Статуты говорятъ о всѣхъ случаяхъ, указанныхъ въ Русской Правдѣ, въ статьяхъ о сказеньи границъ и межъ, сожженіи, порубкѣ межевыхъ знаковъ, назначая также однообразную плату—12 рублей хозяину и „толкожъ" господарской вины 2).

Самыя меньшія пени назначаются за порчу вещей. Въ Русской Правдѣ упоминается уничтоженіе копья, щита, порта, борти, сѣти, пчелъ и пр. Подобныя же статьи встрѣчаемъ въ Литовскихъ Статутахъ всѣхъ редакцій 3).

II. Судопроизводство.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ обзору самаго процесса, скажемъ нѣсколько словъ о судоустройствѣ въ періодъ Русской Правды и Литовскихъ Статутовъ. Мы обратимъ преимущественное вниманіе на учрежденія, по обоимъ памятникамъ сходныя между собою.

А. Русская Правда довольно ясно различаетъ судъ *княжій* отъ *общиннаго*. Въ періодъ же Правды можно замѣтить зародыши *сословныхъ* присудовъ, развитіе которыхъ составляетъ отличительную черту литовскаго судоустройства.

I. *Дворъ, княжъ дворъ*—главное мѣсто княжаго суда и расправы 4). Правда не объясняетъ значенія двора; видно только, что онъ былъ мѣстомъ суда, отправлявшагося самимъ княземъ или судьями. Правда упоминаетъ о другихъ учрежденіяхъ (дѣтскихъ, отрокахъ и пр.), состоявшихъ въ связи съ княжимъ судомъ, тоже не вполнѣ ясно указывая на ихъ значеніе въ тогдашней администраціи.

а. Правда очень часто говоритъ о судебной власти князя. *Судъ княжь* противополагается другимъ судамъ; „предъ княземъ" разби-

---

1) Калачова, стр. 119, CIV—CVI.
2) За переоранье межи положено 3 рубля. Ст. 1529. VIII. 10. Ст. 1566. IX. 9. Ст. 1588. IX. 18.
3) Ст. 1529. IX. 9—19. Ст. 1566. X. 9—16. Ст. 1588. X. 8—16.
4) См. Изслѣд. Ланге, стр. 76.

раются тяжи о задницѣ; къ князю бѣжитъ закупъ, „обиды дѣля". Есть и другія указанія на княжій судъ 1).

Судьи — общее названіе княжихъ мужей, приставленныхъ къ суду и управленію, въ значеніи представителей, намѣстниковъ князя. Къ такимъ судьямъ специально относятся *посадники* и *вирники*, стоявшіе въ главѣ посадничествъ и вервей 2). Къ судьямъ же нужно относить *тивуновъ*, имѣвшихъ спеціальнымъ назначеніемъ завѣдываніе княжимъ дворомъ и волостями. Въ этомъ смыслѣ тивуны и назывались огнищными, дворскими, конюшими, сельскими 3).

Каковы были отношенія судей къ князю и между собою, были-ль они различными инстанціями, сами-ль они судили или допускались при нихъ помощники,—всѣ эти вопросы остаются въ Русской Правдѣ безъ разрѣшенія.

Исчисленные нами институты Правды объясняются въ значительной степени литовскимъ законодательствомъ. Съ конца XIV столѣтія литовское судоустройство приняло, правда, много польскихъ учрежденій 4); но тѣмъ не менѣе въ немъ долго удерживались старые порядки, современные еще Правдѣ.

---

1) См. Академич. спис. Правды, ст. 31. 38. 41.—Троиц. спис., ст. 23. 30. 42. 52. 100.

2) См. Акад. сп., ст. 42.—Тр. сп., ст. 52. 108 и др. Ср. Ланге Изслѣд. стр. 72.

3) См. Акад. сп., ст. 21. Троиц. сп., ст. 1. 10. 11. 58. Ср. Ланге Изс., стр. 81—82.

4) Въ 1387 г. Литва раздѣлена была на нѣсколько административныхъ округовъ — воеводствъ съ повѣтами (palatinati и districti). (Повѣты упоминаются впрочемъ гораздо раньше; напр. въ жалов. гр. 1337 г. говорится объ Эйшишскомъ и Радунскомъ повѣтахъ съ намѣстниками; см. Skarbiec, I. стр. 176. № 352). Вмѣсто старыхъ намѣстниковъ, назначены правителями воеводы, старосты и кастеляны. *Воеводы* (palatini) соединяли въ себѣ военную и гражданскую власть и стояли во главѣ главныхъ воеводствъ. *Кастеляны* (castellani) управляли собственно господарскимъ замкомъ въ значеніи военныхъ начальниковъ; округъ ихъ вѣдомства назывался castellanatus. *Старосты* (capitanei) отчасти соотвѣтствуютъ волостелямъ восточно-русскимъ и въ этомъ смыслѣ называются иногда villici oficiales. Большею же частію старосты уравниваются съ воеводами; они только не завѣдывали „военнымъ дѣломъ" и потому носили названіе судовыхъ старостъ. Они встрѣчаются чаще всего на Волыни и въ другихъ украйныхъ земляхъ, въ Жмуди, Подляхіи. См. Zbiór, стр. 2. 12.

Княжему двору Правды вполнѣ соотвѣтствуетъ *господарскій дворъ* или *замокъ* (curia v. castra). Онъ былъ мѣстомъ *уряда* 1) (суда) господаря съ радою (consilium) или его урядниковъ (officialibus)—намѣстниковъ, позднѣйшихъ воеводъ, старостъ и кастеляновъ. Двору иногда просто дается значеніе суда, уряда намѣстничаго, или, какъ онъ позже назывался, замковаго, гродскаго уряда, или просто грода 2).

Старые литовско-русскіе *намѣстники* (vicesgerenti), имѣвшіе общее значеніе областныхъ правителей, безспорно состоятъ въ непосредственной связи съ посадниками Правды, которыхъ и въ восточной Россіи замѣнили намѣстники. Съ такимъ значеніемъ намѣстники долго удерживались въ нѣкоторыхъ литовско-русскихъ областяхъ 3). Въ собственно литовскихъ земляхъ являются, со времени земскаго привилея 1387 г., вмѣсто намѣстничихъ урядовъ, уряды *воеводскіе* и *старостинскіе* (вообще *замковые*), сосредоточившіе въ себѣ все управленіе и судъ каждой области 4). Замковой (гродскій) урядъ попрежнему обнималъ всѣ дѣла гражданскія и уголовныя.

---

15. 17. 19. 27. 63. 72. 73. 78. 85. 117. 237 и др.—Были, впрочемъ, области, въ которыхъ удерживались господарскіе *намѣстники* съ прежнимъ значеніемъ. См. напр. Смоленскій привилей 1505 г. и привилей на магдеб. право гор. Милейчику, 1516 г.—Сборникъ Муханова, 85. Skarbiec, II. стр. 292.

1) Въ старое время *урядъ* (officium) одинаково встрѣчается у всѣхъ славянъ. О немъ говорятъ напр. древніе акты чешскіе, моравскіе, польскіе, литовскіе. Въ югозападной Россіи уряды и урядники удерживались до новѣйшаго времени. Можно полагать, что такіе же уряды были извѣстны и восточнымъ славянамъ. По крайней мѣрѣ, *нарядъ*, о которомъ говорятъ лѣтописи, ясно указываетъ на урядъ, какъ на учрежденіе, современное Русской Правдѣ.

2) Напр., въ привилеѣ 1523 г. на хелмское право гор. Клещелю (Бельз. земли) говорится: „Тежъ *дворъ нашъ* не маетъ ихъ (мѣщанъ) судити и рядити, нижьли маеть судити и рядити ихъ войтъ съ бурмистры и радцы". См. Ак. II. 123. Skarbiec, II. стр. 296. № 2296.

3) См. Ак. I. 43. 213. Сборн. Муханова, 85. Ср. Skarbiec, I. стр. 176, № 352 и др.

4) Сущность реформы 1387 г. состояла въ измѣненіи отношеній правителей къ князю и земству. Въ отличіе отъ намѣстниковъ, назначавшихся исключительно княземъ, новые правители и судьи стали также въ зависимость отъ земли, собственно шляхты. Урядники стали назначаться по согласію пановъ радъ, или просто по „обранію" мѣстной шляхты, цѣлаго повѣта или земли; воевода, который „нелюбъ" землѣ, смѣнялся новымъ. Этотъ обязанъ былъ

Выдѣленіе дѣлъ гражданскихъ изъ замковаго уряда и подчиненіе ихъ *уряду земскому* принадлежитъ Статутамъ послѣднихъ двухъ редакцій 1).

Литовское законодательство объясняетъ, далѣе, значеніе *тивуновъ* Правды. Тивуны (civoni, thivunii) литовско-русскихъ областей издавна принадлежали къ высшимъ господарскимъ урядникамъ. Они имѣли въ своемъ „держаньи" (управленіи) господарскія волости и въ этомъ значеніи носили названіе villici, vatamani 2). Тивуны держали иногда цѣлыя господарскія волости, иногда только ихъ части (тивунства, tivunati), и судили всѣхъ, кто бы ни жилъ въ ихъ тивунствѣ. Изъ этихъ-то тивуновъ возникли позднѣйшіе *державцы* (tenutarii). Первый Литовскій Статутъ говоритъ, что державцы переименованы изъ тивуновъ „недавно" предъ изданіемъ Статута 3). О державцахъ впервые говорятъ акты XV столѣтія 4). Общимъ учрежденіемъ они становятся въ слѣдующія столѣтія 5). Какъ видно изъ Статутовъ и уставныхъ листовъ королевскихъ волостей, державцы судили, безъ

цѣловать крестъ въ томъ, „штожъ безъ права ихъ не казнити, по вадамъ ни въ чемъ". См. земскій привилей 1492, Жмудскій 1492, Витебскій 1503 и др. Zbiór, стр. 63. 70. 101. Ак. I. 204. Сборн. Муханова, стр. 133.

1) Ст. 1566. IV. 1—3. 20. 70. Ст. 1588. IV. 1—3. 37. Раздѣленіе уряда на гродскій и земскій было заимствовано изъ польскаго судоустройства. Польскіе Статуты издавна различаютъ судъ по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Урядъ по уголовнымъ дѣламъ принадлежалъ воеводамъ и старостамъ, избиравшимъ для того особаго судью. Прочія дѣла подлежали вѣдомству урядовъ земскихъ, состоявшихъ изъ судьи и подсудка (judex, subjudex). Въ каждой землѣ полагался одинъ судья съ подсудкомъ, по выбору мѣстной шляхты. Для письмоводства и веденія земскихъ книгъ (въ нихъ вносились судовые декреты) избирался земскій писарь. См. Ак. I. 2. п. 12. 14. 21—22. 25—26. Ibid. 27. п. 12. 14—16. 19. Тѣ же порядки перешли въ Подляхію, со времени дачи привилеевъ на польское право. См. Zbiór, стр. 85—86. 117. Ак. I. 189. п. 4—12.—Польско-литовскимъ урядамъ соотвѣтствуютъ старые *чешскіе уряды* (жупные, панскіе), состоявшіе изъ жупана или кастеляна, судьи (czudarius) и нѣсколькихъ большихъ землевладѣльцевъ—кметовъ. См. Изслѣдованія Ирѣчька, въ Архивѣ Калачова, кн. 6, стр. 23—26. 29.

2) См. Чацкаго O litew. i pol. pr. I. стр. 249.

3) Ст. 1529. VI. 33.

4) См. Zbiór, стр. 63. Skarbiec, II. стр. 173.

5) См. Ак. II. 70. 159 и др.

прямаго вмѣшательства господарскаго двора, только „людей", принадлежавшихъ къ ихъ держанью 1).—Вмѣстѣ съ тивунами—высшими урядниками, упоминаются также *тивуны сельскіе*, извѣстные еще Правдѣ. Они издавна удерживали значеніе сельскихъ старостъ или судей (справцовъ). Въ этомъ смыслѣ говорятъ позднѣйшіе акты о тивунахъ, какъ о низшихъ урядникахъ, зависѣвшихъ отъ державцевъ 2).

Русская Правда, какъ мы замѣтили, не даетъ никакихъ указаній на *составъ* суда. Можно только догадываться, что, кромѣ главнаго судьи, были еще его помощники, какъ это видно изъ одной статьи о томъ, что обиженный (закупъ) „бѣжитъ къ князю или *судьямъ*". Послѣднее выраженіе заставляетъ предполагать разбирательство дѣла нѣсколькими судьями. Учрежденіе *судебныхъ помощниковъ* встрѣчалось въ старое время у всѣхъ славянъ 3). Такъ могло быть и во время Русской Правды. Литовское законодательство говоритъ о судебныхъ помощникахъ, какъ о давнемъ обычаѣ. Самые древніе акты требуютъ участія въ судѣ представителей отъ общества. Почти всѣ областные привилеи (Кіевскій, Полоцкій, Витебскій и др.) принимаютъ за общее правило, что господарскіе намѣстники, воеводы и старосты должны судить не иначе, какъ съ шляхтою, боярами, земянами, — шляхтѣ дозволяется, по давнему обычаю, „судью собѣ съ своее руки посадити (съ воеводою или другимъ урядникомъ), котораго земянина обравши". Господарскій урядъ издавна не могъ судить безъ бояръ, шляхты (безъ мѣщанъ—въ дѣлахъ, ихъ касавшихся) 4). Старые порядки не измѣнились въ Литвѣ и въ періодъ Статутовъ. *Присяжные земяне* (iurati nobili), установленные

1) Ак. II. 159. Zbiór, стр. 130. Ст. 1529. VI. 33. Тивунамъ, державцамъ литовско-русскимъ, уподобляются *чешскіе владари* (villici) и коморники (camerarii), управлявшіе королевскими имѣніями и доходами. Они предсѣдательствовали въ судахъ меньшихъ (владычнихъ), состоявшихъ изъ меньшихъ землевладѣльцевъ (владыкъ). См. Архивъ Калачова, кн. 6, стр. 23—26. 29.

2) Ак. II. 67. 87. 160. Ст. 1529. III. 5. XI. 3.

3) Такъ, у чеховъ и поляковъ состояли при главныхъ судьяхъ помощники, subjudici. Подобные же помощники, подъ названіемъ subvillici, полагались у чеховъ при владаряхъ. См. Архивъ Калачова, кн. 6, стр. 23.

4) Ак. II. 30. 70. 164. III. 5.

первымъ Статутомъ, были только развитіемъ стараго учрежденія судебныхъ помощниковъ. Они избираются главнымъ судьею, въ особенности для суда въ тѣхъ случаяхъ, когда воеводы и старосты „непоспешни будутъ правосудить", напр. по болѣзни и другимъ причинамъ: земяне судятъ вмѣстѣ съ воеводскими намѣстниками и другими низшими урядниками 1).—Со времени учрежденія земскихъ урядовъ окончательно опредѣлился составъ литовскихъ судовъ. Въ гродскомъ урядѣ помощниками главныхъ судей (воеводъ или старостъ) были замковой судья, намѣстникъ (подстароста) и писарь, въ земскомъ—подсудки, подкоморіи и земскій писарь. Выборъ замковыхъ урядниковъ зависѣлъ отъ главнаго судьи; онъ долженъ былъ избирать людей изъ шляхты, знающихъ русское право и языкъ. Земскіе урядники, напротивъ, избирались шляхтою 2).

b. Кромѣ судей, въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ также учрежденія, предназначавшіяся для особенныхъ отправленій по суду и управленію. Сюда относились: *дѣтьскіе, отроки, мечники, метелники* (металники), *емцы, дворяне* и *ябетники.*

---

1) Ст. 1529. IV. 1—3.

2) Ст. 1566. IV. 1—3. 20. 70. Ст. 1588. IV. 1—3. 37. Кромѣ урядовъ гродскихъ и земскихъ, во второй половинѣ 16 стол. являются уряды: подкоморскій, коммисарскій, полюбовный и валный или трибунальскій. *Подкоморскій* урядъ, завѣдывавшій поземельными дѣлами, отдѣлился отъ земскаго со времени Статута 1588 г. (IV. 83). *Коммиссарскій* урядъ состоялъ изъ господарской коммиссіи, временно собиравшейся по жалобамъ шляхты на „кривды въ грунтахъ и границахъ между имѣніями" со стороны воеводъ и другихъ господарскихъ урядниковъ. Судъ обыкновенно состоялъ изъ трехъ коммиссаровъ по назначенію короля и трехъ по выбору истца. Подобные суды собирались также по поземельнымъ спорамъ съ духовными учрежденіями и лицами и по дѣламъ о выкупѣ господарскихъ имѣній. См. Ст. 1566. IV. 58. Ст. 1588. IV. 83.—Суды *полюбовные* (третейскіе) назначались по компромиссу судовому. Впрочемъ отъ суда третей стороны могли перейти къ урядовому суду. Ст. 1566. IV. 60. Ст. 1588. IV. 85.—Наконецъ между вторымъ и третьимъ Статутами явился судъ *валный, трибуналъ* — центральное судебное учрежденіе по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Устройство трибунала опредѣлено въ отдѣльномъ уставѣ, изданномъ въ 1586 г. подъ именемъ „Литовскаго трибунала". Трибуналъ имѣлъ то же устройство, какъ и коронный. См. Временникъ 1855, кн. 23, стр. 213—215.

Всѣ эти учрежденія (кромѣ ябетниковъ) имѣютъ одинаковое значеніе. Они назначались для представленія обвиняемыхъ къ суду, для присутствованія при испытаніи (напр. желѣзомъ) и пыткахъ, для исполненія судебныхъ рѣшеній (напр. для раздѣла задницы) и для разныхъ порученій со стороны князя и другихъ правителей и судей 1).

Подобныя же учрежденія извѣстны литовскому законодательству. *Дѣцкіе*, называвшіеся также *дворянами*, *вижами*, *служебниками*, *слугами*, *выѣздчими* (уѣздчими), позже *возными*, состояли при господарѣ и урядникахъ для тѣхъ же цѣлей, какъ и по Русской Правдѣ. О дѣцкихъ литовскіе памятники говорятъ съ самыхъ древнихъ временъ 2).

Спеціальнымъ назначеніемъ дѣцкихъ, по литовскимъ законамъ, было совершеніе предварительныхъ судебныхъ дѣйствій (позвовъ, сознанья, допроса свидѣтелей), исполненіе судебныхъ рѣшеній, вообще всякія „справы" по дѣламъ земскимъ и частнымъ жалобамъ 3). Дѣятельность ихъ называется дѣцкованьемъ, вижованьемъ. Дѣцкіе состояли при господарѣ и его радѣ, при воеводахъ, старостахъ и другихъ урядникахъ 4). Литовское законодательство, подобно Русской Правдѣ, не даетъ дѣцкимъ такого самостоятельнаго значенія въ процессѣ, какое имѣютъ приставы и недѣльщики московскаго законодательства или служебники и возные польскаго. Дѣцкіе всегда имѣютъ при себѣ добрыхъ людей, сторону, и выступаютъ въ процессѣ не сами собою, а только въ интересѣ и по просьбѣ истца. Въ древнемъ литовскомъ процессѣ, какъ и въ процессѣ Правды,

---

1) См. Изслѣд. Ланге, стр. 73—75. 81.

2) Въ актахъ съ латинскимъ текстомъ дѣцкіе называются *ministerialii*. Чацкій сравниваетъ ихъ съ palatii, regii или missi dominici франковъ, давая дѣцкимъ совершенно не свойственное имъ значеніе. См. его соч. O litew. i pol. pr. I. стр. 69.

3) Zbiór, стр. 34. 61 97. 101. Ак. I. 43. 61. 67. 146. II. 70. 159. III. 11. стр. 38.—Лит. Ст. 1529. VI. 4. 10. 20. 27. 31. 34—36.

4) Въ нѣкоторыхъ актахъ значеніе дѣцкихъ дается господарскимъ дворянамъ, воеводскимъ служебникамъ, намѣстничимъ, владычнимъ и боярскимъ слугамъ. Судебная дѣятельность ихъ одинаково называется дѣцкованьемъ. См. напр. Zbiór, стр. 101. Ак. II. 51. III. 11. стр. 35. Дѣцкимъ Правды и литовскаго законодательства соотвѣтствуютъ *чешскіе послы* (nuntii), состоявшіе для дѣцкованья при всѣхъ главныхъ урядникахъ. См. Архивъ Калачова, кн. 6, стр. 29.

главную роль играютъ сами стороны,—дѣцкіе были только ихъ помощниками 1).

Перемѣны въ польскомъ духѣ являются въ Подляшскихъ областяхъ, со времени „наданья“ имъ польскаго права, а въ другихъ литовско-русскихъ земляхъ со времени сеймовой конституціи 1551 г. 2), учредившей, по просьбѣ литовской шляхты, во всѣхъ повѣтахъ *присяжныхъ вижовъ*, „яко *возные* на Подляшью“. Въ Статутахъ Волынскомъ и третьемъ такіе вижы носятъ общее названіе возныхъ 3). Выборъ возныхъ предоставленъ воеводамъ и старостамъ, исключительно изъ шляхты, людей добрыхъ, вѣры годныхъ, „цнотливыхъ, оселыхъ“. Первоначально положено было, чтобы возные имѣли при себѣ добрыхъ людей, по старому обычаю 4); но Статуты допускаютъ при возныхъ сторону только въ особенно важныхъ случаяхъ. Вознымъ предоставлена вообще болѣе широкая дѣятельность, чѣмъ та, какою пользовались прежніе дѣцкіе. Хлопскія обиды и шкоды возный разслѣдываетъ самъ, безъ добрыхъ людей; ему предоставлено очень важное право звать къ суду кого бы то ни было, даже безъ урядоваго вѣдома, право осмотра и судоваго сознанья, принадлежавшее въ старое время прежде всего добрымъ людямъ 5).

Наконецъ, литовскіе памятники объясняютъ учрежденіе *ябетниковъ* Русской Правды. Они упоминаются только въ первой статьѣ Ярославовой Правды, — въ Правдѣ XIII стол. ябетникъ замѣненъ боярскимъ тивуномъ. На этомъ основаніи Ланге считаетъ ябетниковъ

---

1) Отсюда пошлина, какую стороны платили дѣцкимъ, называлась иногда *помочнымъ*—платою за помощь на судѣ. См. Zbiór, стр. 90. Помочное извѣстно также Р. Правдѣ. См. Троиц. спис., стр. 16 и 99. Карам. спис., ст. 16 и 118.

2) Ак. I. 2. (п. 14. 16. 18. 21. 23—26. 35). 189. III. 11. стр. 35. Zbiór, стр. 83. 117. 119.

3) Ст. 1566. IV. 4. 5. 67—68. Ст. 1588. IV. 8—11. 93—98.

4) Ак. III. 11. стр. 35.

5) Со второй половины XVI стол встрѣчаемъ учрежденія, подобныя „судовымъ вознымъ“, также въ волостяхъ королевскихъ и шляхетскихъ. Со времени введенія волочнаго хозяйства, прежніе дѣцкіе въ господарскихъ имѣніяхъ смѣняются отчасти войтами, отчасти лавниками. Въ шляхетскихъ имѣніяхъ послѣднимъ соотвѣтствуютъ возные, избиравшіеся паномъ изъ крестьянъ. Памятники Кіев. Ком. II. 2. стр. 19—27. 29—30. 187. III. 2. стр. 86. 95. 96. 116.

вообще равнозначительными съ боярскими тивунами, даетъ имъ значеніе правителей боярскихъ дворовъ 1). — Сколько намъ извѣстно, институтъ ябетниковъ доселѣ не объясненъ у насъ путемъ сравненія его съ сходными институтами другихъ славянскихъ законодательствъ. Мы войдемъ, поэтому, въ нѣкоторыя подробности, изложимъ нѣсколько соображеній, пользуясь изслѣдованіемъ г. Ирѣчька (по древнему чешскому праву) и тѣми указаніями, какія мы встрѣтили въ литовскихъ памятникахъ въ отношеніи къ институту ябетниковъ.

Замѣтимъ прежде всего, что ябетники, или, по чешскому и литовскому праву, *соки* (клеветники у черногорцевъ), имѣли связь съ поволаньемъ, соченьемъ или поклепомъ Правды, были въ старое время обще-славянскимъ учрежденіемъ. Литовское законодательство удерживало ябетниковъ очень долго, до самаго учрежденія возныхъ.

По старочешскому праву, сокъ (accusator) относился къ числу низшихъ урядниковъ, спеціально занимавшихся такъ называемымъ *соченьемъ*—отысканіемъ и выдачею воровъ и покражи, также показаніемъ слѣдовъ вора. Въ Венгріи обязанность соковъ отправляли королевскіе посланцы; въ Черногоріи были особые соки, подъ именемъ клеветниковъ (клевештиновъ) 2). Чешскіе соки назывались, кромѣ того, предателями, доносчиками (udawatel, Angeber). Открытіе преступника было главною цѣлью сока. Онъ указывалъ воровскіе слѣды, шелъ по нимъ (замѣняя въ этомъ случаѣ истца), съ сосѣдями, для осмотра дома, къ которому приведетъ слѣдъ, выдавалъ на судъ открытыхъ воровъ 3). За свое соченье каждый сокъ получалъ извѣстное вознагражденіе (preseka) отъ того, кому онъ помогалъ. Сокъ всегда долженъ былъ имѣть при себѣ помощниковъ, избиравшихся обыкновенно изъ сосѣдей истца: свидѣтельство сосѣдей (testimonium vicinorum) было главнымъ условіемъ дѣйствительности соченья. Иначе, соченье считалось ложнымъ доносомъ и влекло для сока довольно большія наказанія 4). Помощники сока показывали о zlà povest обви-

---

1) См. Изслѣд. Ланге, стр. 82.

2) Архивъ Калачова, кн. 6, стр. 42. Zbiór, стр. 48. 55.

3) Въ Венгріи сокъ имѣлъ право разыскивать преступниковъ, собирать для того на сходки (осады) сельскіе гмины и урядниковъ и подвергать ихъ испытаніямъ (желѣзомъ), съ цѣлью открытія воровъ. См. Zbiór, стр. 48, примѣч. 27.

4) Въ Чехіи, за ложное соченье, сперва побивали камнями, потомъ подвергали сока значительному штрафу въ казну. Такія

вняемаго или подтверждали справедливость соченья. Напротивъ, сокъ былъ уличаемъ очистниками со стороны лица, противъ котораго направлялось соченье сока 1).

Подобныя же учрежденія встрѣчаемъ въ древнихъ литовскихъ памятникахъ, въ особенности въ областныхъ привилеяхъ (Кіевскомъ и Смоленскомъ), Судебникѣ 1468 и Статутѣ 1529 г. 2). Нужно впрочемъ замѣтить, что учрежденіе соковъ, имѣвшихъ въ прежнее время большое значеніе въ процессѣ, въ XVI столѣтіи мало по малу утрачивается. Въ первомъ Статутѣ говорится о сокахъ какъ-бы мимоходомъ, а послѣдующіе Статуты вовсе не говорятъ о нихъ: ихъ должность слилась съ должностію возныхъ.

Въ актахъ, упоминающихъ о сокахъ, излагаются правила объ общемъ положеніи ихъ въ процессѣ, о получаемомъ ими доходѣ, о лицахъ, имѣющихъ право на помощь соковъ, и объ ограниченіяхъ, какимъ подлежали соки.

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ, напр. въ Смоленскомъ привилеѣ 1505 г., сокъ носитъ названіе *ябетника*; въ другихъ же онъ называется *осочникомъ*, или просто *сокомъ* (*judicator* по латинскому тексту) 3).

ограниченія были необходимы въ видахъ общей свободы, очевидно могшей сильно страдать при неограниченномъ правѣ соченья.

1) См. Архивъ Калачова, кн. 6, стр. 42. 53—55. 61. Выраженіе Правды: „а не *отсочать* отъ собе слѣда" (См. троиц. спис. 70), даетъ поводъ заключать, что Правдѣ извѣстно было соченье. Отсочить означало отвести отъ себя соченье, обвиненье сока въ преступленіи, на основаніи слѣда или по другимъ причинамъ. Говоря объ отсоченьи, Правда ясно указываетъ на сока, который, какъ видно изъ литовскихъ памятниковъ, назывался также ябетникомъ, упоминаемымъ въ Правдѣ.—Учрежденіе соковъ встрѣчается также въ древнѣйшихъ польскихъ актахъ. Указаніе на нихъ можно видѣть, напр., въ грамотѣ 1214 г., данной врацлавскому монастырю между прочимъ на освобожденіе монастырскихъ „hospitibus" отъ всякихъ мѣстныхъ повинностей, въ томъ числѣ отъ *preseka* (платы сокамъ). Основаніемъ такой льготы было пожалованіе гостямъ нѣмецкаго права. См. Даниловича Skarbiec, I. 57. № 64.

2) Ак. I. 67. 213. II. 30. 164. Zbiór, стр. 39. (п. III. примѣч. 7), 47 (п. XVII), 48 (п. XVIII. примѣч. 27), 376 (XIII. 2). Ст. 1529. XIII. 2. 25. 26.

3) О названіи сока iudicator'омъ см. Zbiór, стр. 48 (примѣч. 27), 376. Въ латинскомъ текстѣ Статута 1529 г., помѣщеннаго въ сборникѣ Дзялынскаго, сокъ (соrъ), по ошибкѣ, переведенъ словомъ indicator.

Сокъ, по общему правилу, выступалъ въ процессѣ только тогда, когда не было лица, т. е. когда преступникъ не былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, или когда не было на лицо ни вора, ни воровскихъ вещей. Розысканіе лица и преступника было главною цѣлью „осоки, соченья или усоченья“ (accusatio) ябетника. Сокъ помогалъ истцу въ отысканіи воровскихъ вещей, указывалъ на извѣстныхъ ему воровъ, обыскивалъ самъ или съ истцомъ (при сосѣдяхъ) домъ, въ которомъ находились воровскія вещи. Если приводили въ судъ татя безъ лица, то сокъ „сочилъ“ противъ него или указывалъ на другое подозрительное лицо. Соки же обвиняли, „поволали, обваживали“ по другимъ преступленіямъ. Въ Смоленскомъ привилеѣ 1505 г. вообще сказано о ябетникахъ, что они ходятъ по землѣ, людей соромотятъ, *клеплютъ*, „заряживаютъ великіе заряды (платежи) и пришедши на судъ доискиваются своего соченья“ 1).

Учрежденіе ябетниковъ, соковъ, находится, такимъ образомъ, въ связи съ поволаньемъ литовскаго законодательства и поклепомъ Правды. Соки были такіе же урядники, какъ и дѣцкіе, участвовали въ первоначальномъ судебномъ актѣ—соченьи, которымъ начинался поклепъ Правды или литовскій поводъ. На основаніи такого соченья дѣцкій производилъ позовъ—второй актъ поклепа.

Подобно дѣцкимъ, соки получали отъ истца, за помощь, особенную плату, удержавшую старинное названіе *просоки*. Если отыскивался преступникъ, то онъ возвращалъ истцу половину данной имъ платы. Просока называлась иногда зарядомъ 2).

Право пользоваться помощью соковъ, какъ видно изъ привилея Кіевской землѣ 1494 и 1507 г., принадлежало только свободнымъ людямъ 3). Слуги-шляхтичи могли сочить и противъ пана, но подъ условіемъ, чтобы они довели свое соченье,—иначе казнятся, какъ „потварцы“. Человѣкъ, холопъ или роба вообще не могли сочить на своего государя 4). Само собою разумѣется, что истецъ

1) Ак. I. 213.

2) Ак. I. 213. Zbiór, стр. 39. Ст. 1529. XIII. 25.

3) Въ привилеѣ 1494 г., напр., прямо сказано: „а холопу и робѣ не вѣрити..... а ни суда съ невольнымъ не надобѣ“. Ак. I. 120. О правѣ соченья свободныхъ людей говорится въ слѣд. словахъ привилея 1507 г.: „а хто иметъ на кого сочити, ино того сока съ нимъ поставити“. Ак. II. 30.

4) Ак. II. 30. 164.

могъ сочить и самъ, безъ помощи сока: соченье послѣдняго не имѣло ни для кого обязательнаго значенія.

Въ памятникахъ установляются наконецъ ограниченія правъ соковъ. Имъ запрещалось „дармо" клепать, соромотить людей. Начавъ соченье, сокъ долженъ былъ „доискаться"; въ противномъ случаѣ онъ наказывался „винами подле заслуги" 1). Сюда же нужно относить запрещеніе суда „по вадамъ, заочному ожалованью, оповѣданью, подозрѣнью", — запрещеніе, встрѣчающееся во многихъ земскихъ и областныхъ привилеяхъ и Литовскихъ Статутахъ 2).

II. Разсмотрѣвъ институты княжаго суда, сходные по Русской Правдѣ и литовскому законодательству, перейдемъ къ *суду общинному*, имѣвшему мѣсто на ряду съ судомъ княжимъ.

Торгъ и *копы* (куны) представляются въ Правдѣ учрежденіями, отличными отъ княжаго двора. Впрочемъ, основываясь только на постановленіяхъ Правды, трудно опредѣлить со всею точностію значеніе торга и коновъ. Видно, что это были мѣста общиннаго суда; но Правда вовсе не раскрываетъ сущности этихъ институтовъ. Она даетъ только нѣсколько указаній на дѣла, производившіяся на торгу или конахъ.

Такимъ образомъ, къ суду общины обращались посредствомъ *заклича* или *заповѣди* на торгу о скрывшемся челядинѣ или о пропажѣ вещи 3). На общинный судъ указываютъ, далѣе, статьи о представленіи должника *на торгъ* или о выводѣ *послуховъ* на торгъ 4), объ изводѣ *предъ 12 человѣки* (если должникъ запирается) 5), о сводѣ въ *городѣ*, по *землямъ, конамъ*, о гоненьи слѣда съ *чужими людьми* и *послухи*, объ исканіи татя по *верви* и о выдачѣ товара опекуну предъ *людьми* 6).

Судъ по верви, землямъ (конамъ), на торгу—предъ 12 человѣки, или съ чужими людьми (или просто людьми) и послухи, ясно

---

1) Ак. I. 213.

2) Zbiór, стр. 30. 59. Ак. I. 204. II. 30. 70. 164. III. 5. 59. Сборн. Муханова, стр. 132. Лит. Ст. 1529. I. 1. Ст. 1566 и 1588. I. 2.

3) См. Троиц. спис. Правды, ст. 26. 28.

4) Тр. сп., ст. 51. Карамз. сп., ст. 33.

5) Академ. сп., ст. 14.

6) Троиц. сп., ст. 31. 33. 63. 70. 93.

отличается въ Правдѣ отъ суда княжаго, производившагося на дворѣ княземъ или судьями. Каковы были отношенія между этими формами суда, былъ ли судъ общинъ самостоятельнымъ учрежденіемъ, или онъ зависѣлъ отъ суда княжаго,—по всѣмъ этимъ вопросамъ нельзя ничего сказать опредѣленнаго. Правда не опредѣляетъ также отношеній суда на торгу къ суду по конамъ, землямъ или вервямъ,—значенія 12-ти человѣкъ, чужихъ людей и послуховъ. При обзорѣ отдѣльныхъ частей процесса мы скажемъ о каждомъ изъ этихъ учрежденій. Теперь же обратимъ вниманіе на общее значеніе общиннаго суда; для этого укажемъ сначала на чешскія общинныя учрежденія, имѣющія одинъ корень съ учрежденіями Правды, потомъ перейдемъ къ учрежденіямъ литовскаго законодательства.

Торгъ (trh) былъ у чеховъ изстари мѣстомъ общиннаго суда. Trhem—общею сходкою—судились члены одной общины. На такой сходкѣ собирались такъ назыв. *поротцы* (porotci)—судьи, производившіе судъ „по ротѣ" (присягѣ). Пороты составлялись изъ выборныхъ отъ обѣихъ тяжущихся сторонъ для разбирательства всякихъ тяжбъ (ustaw rozsudni или rozdilni). Этотъ судъ (порота, commune forum) состоялъ въ томъ, что поротцы объявляли, большинствомъ голосовъ, обвиненнаго виновнымъ или нѣтъ. Приговоръ пороты исполнялся урядникомъ, присутствовавшимъ на поротѣ.—Порота исчезаетъ въ Чехіи со времени введенія нѣмецкаго права и распространенія судовъ правительственныхъ и владѣльческихъ (панскихъ) 1).

Торгъ, далѣе, былъ мѣстомъ *осадъ*—сходокъ сосѣдей для оповѣди объ извѣстномъ нарокѣ (преступленіи), для погоновъ (позывовъ къ суду), для свода, гоненія слѣда, для осмотра и другихъ судебныхъ дѣйствій. Иногда составлялись большія сходки, когда урядникъ созывалъ народъ trhem (forum publicum) на большую осаду (vece),—и сходки меньшія, состоявшія изъ ближайшихъ сосѣдей (иногда только изъ двухъ кметовъ).—Подобно поротамъ, осады постепенно исчезаютъ въ XIV столѣтіи, уступаютъ мѣсто урядовымъ учрежденіямъ 2).

---

1) См. Изслѣд. Ирѣчька, въ Архивѣ Калачова, кн. 6, стр. 25—26.

2) Ibid, стр. 25. 43. 45—49. 54 (примѣч.). Подобныя осады были въ обычаѣ у Венгровъ и созывались тоже урядниками для разныхъ судебныхъ дѣйствій. См. Zbiór, стр. 48, примѣч. 27.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чешскій trh и осады имѣютъ одинъ корень съ торгомъ и конами Правды, составлявшимися изъ „чужихъ“ людей (сосѣдей), мужей и послуховъ. Можно полагать, напр., что исканіе татя по верви совершалось посредствомъ большихъ сходокъ жителей цѣлой верви. Въ другихъ случаяхъ, напр., по долговымъ искамъ, составлялись сходки меньшія (изъ 12 человѣкъ или просто нѣсколькихъ послуховъ), которыя можно сравнивать съ чешскими поротами. Для свода или гоненія слѣда учреждались коны, вполнѣ напоминающіе чешскія осады, собиравшіяся для тѣхъ же цѣлей.

Устройство общиннаго суда еще болѣе объясняется древнимъ литовско-русскимъ законодательствомъ.

Судъ *на торгу* (in foro publico, foro communi), независимый отъ урядоваго суда, существовалъ въ Литвѣ до втораго Литовскаго Статута 1). Древніе памятники ясно различаютъ судъ двора (князя и судей) отъ суда самой общины. По договору смоленскихъ князей съ нѣмецкими городами (1229—1230) всякая тяжа (орудіе) можетъ быть „докончена“ (уряжена, сужена), или предъ судьями (княземъ, тивуномъ), или предъ *добрыми людьми*. Судъ послѣднихъ называется судомъ *обчимъ* (общиннымъ) и прямо противополагается княжему суду 2).

Эти-то добрые люди судили въ тѣхъ случаяхъ, когда общинамъ предоставлялось право „самымъ казнить виноватаго по ихъ праву“, безъ вмѣшательства двора 3). Добрые люди, *обчіе старцы* 4), подобно чешскимъ поротцамъ, представлялись иногда обѣими тяжущимися сторонами и рѣшали дѣло подъ присягою 5).

---

1) Ст. 1529. VI. 31. XII. 7. 8. 11.

2) См. Сборн. Утина, стр. 27 (п. XIX. 3), 30—31 (п. XXIV. 2).

3) Такое право предоставляется общинѣ, напр., въ привилеѣ Витебской землѣ 1503 г.: „такожъ и въ вѣсы Витебскіи, а ни въ локоть намъ не вступатися; а коли который Витблянинъ у вѣсѣхъ проступитъ, або у локтп: ино Витбляномъ самимъ казнити виноватого, по своему праву, а намъ въ то не вступатися. А въ котораго Витблянина загудятъ воскъ въ Ризѣ, або индѣ, а пріѣдетъ до Витебска: ино Витбляномъ, самимъ, казнити виноватого, а намъ въ то не вступаться“. Ак. I. 204.

4) Ак. I. 30. 175.

5) Ibid.

Судъ на торгу начинаетъ ограничиваться, терять старую самостоятельность, въ періодъ усиленія сословныхъ присудовъ и полнаго развитія шляхетскихъ вольностей. Какъ одна изъ главныхъ доходныхъ статей, судъ отходитъ отчасти къ уряду, двору, отчасти отчуждается привилегированному классу пановъ. Самостоятельный общинный судъ удерживается въ позднѣйшее время только въ привилегированныхъ общинахъ съ магдебургскимъ правомъ; но и здѣсь должны были исчезнуть старыя русскія формы суда, уступая мѣсто нѣмецкому городовому судоустройству.

Переходъ къ новому порядку совершался впрочемъ не вдругъ. Потерявъ во многихъ случаяхъ прежній самостоятельный характеръ, общинный судъ могъ удержаться съ новымъ направленіемъ и составомъ, могъ наконецъ сдѣлаться органомъ суда урядоваго. Всѣ эти явленія замѣчаемъ въ литовскомъ судоустройствѣ періода Статутовъ.

Такимъ образомъ, полное уничтоженіе суда *въ закличъ на торгу* по денежнымъ искамъ (долговымъ) принадлежитъ первому Литовскому Статуту. Въ немъ принято за общее правило, что никто не долженъ *„заповѣдать на торгу* и тѣмъ собѣ на нихъ (должникахъ) справедливость доводить“,—никто не долженъ „грабить“, но всякій обязанъ обращаться къ урядовому суду 1). Встрѣчаемъ и въ другихъ случаяхъ запрещеніе „безурядовыхъ“ (безправныхъ) грабежей— главной формы исполненія общинныхъ приговоровъ. Такія запрещенія безурядовыхъ грабежей, замѣна ихъ грабежами урядовыми, встрѣчаются уже въ нѣкоторыхъ областныхъ привилеяхъ начала XVI столѣтія: послѣдніе два Статута возвели ихъ въ общее правило 2).

Запрещая общинный судъ по нѣкоторымъ дѣламъ, въ особенности по денежнымъ искамъ, старый Статутъ, въ другихъ случаяхъ, вполнѣ удерживаетъ общинныя начала судоустройства Правды. Такимъ образомъ, въ искахъ о челядникахъ, Статутъ, подобно Правдѣ, допускаетъ *заповѣдь* (publicatio), *закличъ на торгу* (proclamatio in foro publico). Истецъ, сдѣлавшій закличъ, могъ „доброволне“, безъ суда,

---

1) Лит. Ст. 1529. XII. 11. Ст. 1566. XIII. 3. 6. Ст. 1588. XIII. 3. 4.

2) Ак. II. 30. 164. Ст. 1529. XII. 4. 5. Ст. 1566. IV. 6. 7. XIII. 4 и др.

брать своего челядника, у кого бы онъ ни былъ найденъ. Безъ заклича же запрещалось „грабить", — челядникъ, съ тѣмъ, у кого онъ открытъ, представлялся въ судъ (урядъ) и отдавался хозяину только по суду. Тѣ же правила вошли въ Волынскій Статутъ 1).

Наконецъ, Статутъ 1529 г. вообще говоритъ объ „*обчыхъ судьяхъ*", которые „присуждаютъ, полагаютъ рокъ заплатѣ и грабятъ" (при уклоненіи виновнаго отъ заплаты). Обчые судьи обращаются къ „двору" только при грабежѣ. Дворъ (господарскій) даетъ имъ вижа, при которомъ и производится грабежъ; самый же судъ принадлежитъ обчымъ судьямъ, безъ вмѣшательства двора (уряда замковаго, господарскаго). Эти-то обчые судьи, очевидно, представляютъ только развитіе добрыхъ людей, или обчихъ старцевъ, судныхъ мужей стараго времени. Статутъ не ясно говоритъ о составѣ суда общиннаго и о подвѣдомыхъ ему дѣлахъ. Въ этомъ случаѣ имѣли силу старые обычаи. Изъ соображенія статей Статута видно впрочемъ, что всякія „кровавыя речи", касавшіяся жизни, чести или свободы отдѣльныхъ лицъ, подлежали урядовому суду, — за *судомъ обчымъ* остались прочія дѣла, въ особенности соединенныя съ имущественною *шкодою* и требовавшія „заплаты" (кромѣ исковъ о долгахъ). Слѣдующій Статутъ удержалъ прежнія правила суда только по дѣламъ о челядникахъ; объ обчихъ судьяхъ въ немъ нѣтъ ни слова, ихъ замѣнили судьи урядовые и панскіе 2).

Общинныя учрежденія въ особенности долго удерживались въ процессѣ по „земнымъ" дѣламъ, хотя и съ новымъ направленіемъ и составомъ. *Копы* (сходки) долго играли главную роль при разбирательствѣ поземельныхъ споровъ. Въ періодъ Статутовъ они измѣнили прежній характеръ, принявъ въ себя новые элементы—шляхетскіе и урядовые. Сходство ихъ съ сходками стараго времени высказывалось въ добрыхъ людяхъ, удерживавшихся до изданія третьяго Статута: вмѣстѣ съ замѣною добрыхъ людей простыми светками (свидѣтелями), судебныя копы по поземельнымъ тяжбамъ потеряли всякое сходство съ древними общинными сходками 3).

---

1) Ст. 1529. XII. 7. 8. Ст. 1566. XIII. 5. 6.

2) Ст. 1529. VI. 31. Ст. 1566. IV. 67 и др.

3) См. ниже, отдѣлъ о процессѣ по поземельнымъ дѣламъ. Ср. также о крестьянахъ юго-зап. Рос., стр. 47—48.

Въ другихъ случаяхъ общинныя учрежденія (сходки) удержались въ періодъ Литовскихъ Статутовъ только въ значеніи простыхъ *органовъ урядоваго суда.* Таковы копы, имѣвшія мѣсто въ процессѣ по убійству, воровству и испашамъ. Статуты различаютъ копы большія отъ малыхъ. Копы большія учреждались урядомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не было на лицо шкодника или мужебойцы и доискивались шкоды и убійцы „копою"—большою сходкою жителей сосѣднихъ селъ и мѣстечекъ. Подобныя копы вполнѣ напоминаютъ вервь Правды или чешское vecc, большую осаду 1). Меньшія копы собирались тоже въ значеніи урядовыхъ органовъ, для отправленія различныхъ судебныхъ дѣйствій, напр. для гоненія слѣда или для осмотра шкоды, по воланью истца или соченью сока. Всѣ подобныя сходки учреждались изъ сосѣдей—стороны или добрыхъ людей, имѣвшихъ значеніе отчасти судей факта, отчасти свидѣтелей. При изложеніи процесса по убійству и другимъ дѣламъ, мы подробнѣе разсмотримъ постановленія Литовскихъ Статутовъ о копахъ и добрыхъ людяхъ 2). Теперь замѣтимъ только, что копы, безспорно, представляютъ развитіе коновъ Правды, относятся къ стариннымъ славянскимъ учрежденіямъ, имѣютъ одинъ корень съ чешскими осадами и съ сходками на торгу, конами Правды. Удерживая институтъ копъ и добрыхъ людей, литовское законодательство остается болѣе вѣрнымъ древне-русскому праву, чѣмъ законодательство московское. Въ лучшихъ людяхъ Судебниковъ нужно видѣть, конечно, остатокъ стараго института судныхъ мужей (въ царскомъ Судебникѣ они и называются *судными мужами*) 3). Но дѣятельность ихъ не та, какая предоставлялась сторонѣ литовскаго процесса: сторона ведетъ, какъ увидимъ, почти

---

1) *Осадою* у Чеховъ называлась сходка и самая волость. Можетъ быть, и Правда разумѣетъ подъ вервію не только волость или ея часть, но и самую сходку волостныхъ людей. По крайней мѣрѣ извѣстно, что у балтійскихъ славянъ сходки назывались warph (вервь)—терминъ, напоминающій вервь Правды. См. Тюрина Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Россіи.

2) Въ Судебникѣ 1468 и старомъ Статутѣ копа носитъ также названіе *околицы.* Въ латинскомъ текстѣ околица переводится словомъ *vicinatus*, копа — *testium*, добрые люди — *boni* или *probi homini*, сторона, сторонніе люди — *pars externa*, *homini extranei* или просто *extranei.* См. Zbiór, стр. 304. 306. 307. 365. 376 и др.

3) См. Сборн. Утина, стр. 236—238.

всѣ предварительныя судебныя дѣйствія, участвуетъ на судѣ въ качествѣ то судьи, то контролирующаго учрежденія, — московское законодательство (періода Судебниковъ), напротивъ, удерживаетъ лучшихъ людей только въ послѣднемъ значеніи 1).

III. Въ періодъ Русской Правды зараждаются наконецъ *особенные присуды*, отличные отъ суда княжаго и общиннаго.

Сюда нужно относить учрежденіе *святительскаго суда*. Греческіе номоканоны и церковные памятники періода Правды (въ особенности церковные уставы Владиміра и Ярослава) опредѣлили предметы церковнаго суда и отношеніе его къ суду свѣтскому.

Кромѣ того, Правда XIII столѣтія даетъ поводъ заключать, что въ ея время, по крайней мѣрѣ, были уже зародыши позднѣйшаго *боярскаго суда*. Въ статьѣ о татяхъ-холопахъ 2) Правда, какъ намъ кажется, намекаетъ на то, что холопы не подлежали суду князя, не платили ему пени: ихъ судилъ только ихъ господинъ. Въ старое время судъ имѣлъ одностороннее значеніе, уравнивался съ доходною статьею. Гдѣ не было рѣчи о доходѣ съ суда, тамъ княжій судъ не имѣлъ мѣста. Очевидно, что если преступленіе холопа не оплачивалось княжею пенею, то оно и не входило въ число предметовъ суда княжаго 3).

Полное развитіе сословныхъ присудовъ принадлежитъ литовскому законодательству. Въ періодъ Литовскихъ Статутовъ различались слѣдующіе присуды: сеймовый (королевскій), духовный, мѣщанскій (войтовскій) и боярскій (шляхетскій). Различія между этими присудами мы указали въ другомъ мѣстѣ 4).

В. Разсмотримъ теперь постановленія Русской Правды и литовскаго законодательства о главнѣйшихъ частяхъ *процесса*.

---

1) Въ Уложеніи 1649 г. нѣтъ ни слова о судныхъ мужахъ.

2) Троиц. списокъ, ст. 42: „Аже будуть холопи татие, любо княжи, любо боярьстии, любо черничь, іхъ же *князь продажею не казнить, зане суть несвободни:* то двоиче платить ко істьцю за обидоу".

3) Къ тому же заключенію приводятъ постановленія объ убійствѣ холопа. При Ярославѣ за холопа еще платили виру. Уплата одной цѣны (урока) установлена при сыновьяхъ Ярослава, когда, какъ можно полагать, стали признавать за господиномъ исключительное право на судъ, или, что одно и то же, на доходы съ суда холоповъ.

4) Крестьяне юго-западн. Россіи, стр. 36—40.

Право *судебной защиты* признается въ Русской Правдѣ только за лицами свободнаго происхожденія. Холопъ, ударившій свободнаго мужа, могъ быть убитъ на мѣстѣ, безъ суда (при Изяславѣ установленъ выкупъ) 1).

То же правило удерживается въ древнемъ законодательствѣ литовскомъ. Право иска издавна принадлежало только свободнымъ лицамъ: холопы, люди невольные, не могли являться на судъ не только въ качествѣ свидѣтелей и отвѣтчиковъ, но и истцовъ 2).

Смягченіе строгихъ правилъ древняго права принадлежитъ литовскому законодательству XVI столѣтія, запрещавшему холопамъ сочить только противъ своихъ государей (владѣльцевъ) 3). Въ Литовскихъ Статутахъ прежнія различія, повидимому, исчезаютъ: законодательство признаетъ право иска за лицами всѣхъ „становъ и рядовъ, почонши отъ вышнего стану ажъ до нижнего“,—за убогими и богатыми, тубыльцами и заграничниками, чужоземцами, людьми прибылыми 4). Но изъ общаго направленія статутовыхъ постановленій о процессѣ ясно видно, что равенство суда, вмѣстѣ съ другими юридическими гарантіями, имѣло исключительный характеръ привилегіи только привилегированныхъ становъ, людей „шляхетскаго народу“. Хлопское населеніе, въ особенности невольники и челядь, оставались при прежнихъ порядкахъ,—на людей отчизныхъ, по давнему обычаю, не распространялось право непосредственно пользоваться судебными гарантіями. Они могли искать и отвѣчать по суду не сами собою, но отъ имени и при посредствѣ пановъ, заступавшихъ на судѣ своихъ людей 5).

---

1) За убійство холопа платилась только цѣна его господину и княжая продажа, наравнѣ со всякою вещію. Изслѣд. Калачова, ст. LX. XLVI—XLVIII. LXXXIV.

2) Въ привилеѣ кіевскимъ мѣщанамъ 1494 г., напр., говорится: „а холопу и робѣ не вѣрити, а ни на свѣточьство ихъ не пущати, а *ни суда съ неволнымъ не надобѣ*“. Ак. I. 120.

3) Ак. II. 30. 164.

4) Въ первомъ Статутѣ постановлено: „Хочемъ и уставуемъ вечными часы быти хованы, ижъ *вси* подданные наши такъ убогіи яко и богатые котораго бы колвекъ ряду або стану было *ровно* а *одностайно* тымъ писанымъ правомъ (Статутомъ) маютъ сужоны быти“. Ст. 1529. I. 9. Ср. Ст. 1566 и 1588. I. 1.

5) Мы указывали на привилей 1494 г., устраняющій холоповъ

По Русской Правдѣ „тяжа" направлялась не только противъ *виновнаго*, но иногда и противъ другихъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Правда призываетъ къ суду всю общину по дѣламъ отдѣльныхъ ея членовъ, возводитъ въ общее правило отвѣтственность господина за холоповъ. По литовскимъ законамъ судится только тотъ, кто „згрѣшитъ, выступитъ съ права": за чужую вину никто не отвѣчаетъ 1). Это правило представляетъ, такимъ образомъ, отступленіе отъ Русской Правды. Но мы и здѣсь должны сказать то же, что говорили о правѣ судебной защиты: оба положенія литовскаго законодательства имѣютъ прямое отношеніе только къ привилегированнымъ сословіямъ 2). Мы видѣли, какъ иногда широка была отвѣтственность общины за своихъ членовъ или пана за своихъ людей. Въ этомъ случаѣ положенія древне-русскаго права нисколько не измѣнились въ быту низшихъ классовъ; они теряются только въ шляхетскомъ „народѣ", развившемъ свой бытъ по системѣ разнообразныхъ вольностей.

Русская Правда и литовское законодательство различаютъ нѣсколько процессуальныхъ дѣйствій. Мы скажемъ прежде всего объ общемъ ходѣ процесса, потомъ укажемъ различія, замѣчаемыя въ процессѣ по нѣкоторымъ дѣламъ.

I. *Общій порядокъ процесса.* Процессъ установлялся различно, смотря по тому, пойманъ ли виновный „при лицы" или на него возводится одинъ поклепъ, обвиненіе. Въ обоихъ случаяхъ Русская Правда и литовское законодательство принимаютъ особенные процессуальные порядки.

Русская Правда, впрочемъ, почти ничего не говоритъ о порядкѣ процесса при поимкѣ преступника *при лицы*. Видно только, что пре-

---

отъ суда. Въ XVI стол., когда вполнѣ развилась наслѣдственная зависимость крестьянъ, то же начало было примѣнено къ послѣднимъ, какъ это ясно видно изъ Литовскаго Статута 1588 (IV. 68. 102).

1) Суду не подлежатъ супруги, дѣти, братья и слуги, не участвовавшіе въ преступленіи другаго супруга, отца, брата или пана, и наоборотъ. Вся семья отвѣчаетъ только по государственнымъ преступленіямъ (ображенью маестата и здрадѣ рѣчи посполитой). Zbiór, стр. 30. 59. Ст. 1529. I. 7. Ст. 1566. I. 14. Ст. 1588. I. 18.

2) Это видно изъ того, что они развиты въ земскихъ привилеяхъ, дававшихся преимущественно шляхтѣ, и цѣликомъ перешли отсюда въ Литовскій Статутъ.

ступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, подвергался суду и наказанію, безъ особеннаго изслѣдованія дѣла. Литовское законодательство, въ этомъ случаѣ, не требуетъ „позва": *лицованный* мужебойца или вообще злочинца (homo facionatus) немедленно представлялся въ урядъ, гдѣ и судился на основаніи доводовъ истца 1).

Въ другихъ случаяхъ, т. е. когда преступникъ не пойманъ на преступленіи, судъ предполагаетъ предварительныя судебныя дѣйствія. Первоначальнымъ актомъ Правда принимаетъ здѣсь *поклепъ*, Литовскіе Статуты — *обвиненье* (*воланье*, accusatio publicum). Имъ соотвѣтствуетъ чешскій *нарокъ* (narok, accusatio) 2).

Русская Правда не опредѣляетъ сущности поклепа. Только по догадкамъ можно заключать, что подъ поклепомъ разумѣлось *обвиненіе безъ лица* — первоначальный актъ процесса, посредствомъ котораго уличали преступника, не пойманнаго „при лицы". Правда не объясняетъ также тѣхъ формъ, въ какихъ производился поклепъ; встрѣчаемъ въ ней только отрывочныя указанія на закличъ или заповѣдь, призывъ на сводъ, какъ на поклепные акты 3).

---

1) См. Изслѣдов. Ланге, стр. 256. Ср. Литов. Ст. 1566. IV. 20. Ст. 1588. IV. 37. — Подобный же порядокъ замѣчаемъ въ старое время у другихъ славянъ. См. Калачова Архивъ, кн. 6, стр. 44.

2) *Нарокъ*, въ смыслѣ поклепа Правды, извѣстенъ также нѣкоторымъ изъ литовскихъ памятниковъ. См. напр. жмудскіе привилеи 1492 и 1549 г.

3) Неясность и сжатость постановленій Правды были причиною того, что изслѣдователи Правды опредѣляютъ поклепъ не совсѣмъ точно, даютъ ему иногда значеніе простаго доноса (Фогель), или иска, жалобы въ судѣ (Эверсъ, Калачовъ). См. Демченка Историч. Изслѣдов. о показ. свидѣтелей, стр. 16—17. Ланге Изслѣд., стр. 239. 248—249. Мы считаемъ также невѣрнымъ положеніе о томъ, что изслѣдованіе по поклепу производили *сами* истцы. Видоковъ, послуховъ, чужихъ людей, нельзя понимать въ смыслѣ понятыхъ или обыскныхъ людей, какъ думаетъ напр. Ланге (См. его Изслѣд. стр. 228). Мы увидимъ, что они принимали самое дѣятельное участіе въ цѣломъ процессѣ. Если при изслѣдованіи преступленій не было особыхъ чиновниковъ, то это не значитъ, что самъ истецъ велъ искъ. Напротивъ, съ нимъ постоянно конкурировали общинныя учрежденія —сосѣди, послухи, чужіе люди, и даже иногда учрежденія урядовыя, ябетники и дѣцкіе. Въ Правдѣ преобладаютъ общинныя учрежденія. Такъ было и у другихъ славянъ. Тотъ же порядокъ очень долго удерживался въ литовскомъ законодательствѣ.

Сущность и формы поклепа вполнѣ объясняются литовскимъ законодательствомъ. Оно относитъ сюда *поводъ* и *позовъ* — первоначальныя дѣйствія, безъ которыхъ не можетъ обходиться ни одинъ процессъ по обвиненію безъ лица. Оба дѣйствія имѣютъ значеніе актовъ вчинанія процесса, съ тѣмъ различіемъ, что спеціальною цѣлью повода было *заявленіе* общинѣ или уряду о фактахъ, требующихъ судебнаго разбирательства, и *открытіе* виновнаго, — цѣлью же позва былъ *вызовъ* виновнаго къ суду.

1. *Поводъ.* Онъ состоялъ въ объявленіи (осокѣ, сочевьи, усочевьи, оповѣданьи, поволаньи, заповѣди, закличѣ, publicatio или proclamatio) и осмотрѣ (оказываньи, огледеньи, освѣтченьи) шкоды или кривды. Оба дѣйствія носятъ общее названіе повода или *сведома*, входившаго послѣ въ число главныхъ судебныхъ доказательствъ. Сведому литовскаго процесса соотвѣтствуетъ объявленіе (заповѣдь, закличъ) на торгу Правды.

По древнимъ литовскимъ актамъ, соченье, поволанье, закличъ, производились сокомъ или истцомъ, обыкновенно предъ *общиною* — на торгу, in foro publico, или предъ околицею, околичными сосѣдями, „стороною добрыхъ людей". Околица, по воланью истца или указанію сока, осматривала шкоду, розыскивала виновнаго и о результатахъ „сознавала" судьямъ. Истецъ вообще „обводилъ, освѣтчивалъ" стороною, околицею, причиненное ему злочинство, и за тѣмъ требовалъ судебной защиты 1).

Такимъ образомъ, главнымъ дѣятелемъ при сведомѣ были въ старое время сосѣди, община. Объ участіи вижа, дѣцкаго, въ сведомѣ (собственно осмотрѣ) нигдѣ не говорится въ древнѣйшихъ памятникахъ; даже первый Литовскій Статутъ почти не упоминаетъ о вижахъ 2).

---

1) Zbiór, стр. 39. 41. 47. 48. 49. 53. Ст. 1529. VII. 2. 7. 8. 17. 21. XIII. 2. 20. 25. 26. На торгу закликали, вѣроятно, при совершеніи преступленія въ городѣ; соченье предъ околицей имѣло мѣсто по селамъ.

2) Статутъ говоритъ о вижѣ только въ одной статьѣ, и то какъ бы мимоходомъ, нисколько не уменьшая значенія стороны. См. Ст. 1529. XIII. 2.

Участіе вижовъ *(возныхъ)* въ огледеньи и обыскахъ становится замѣтнымъ только съ Волынскаго Статута. Онъ допускаетъ, правда, первоначальное оповѣданье предъ околичными сосѣдями, но этимъ не довольствуется, требуетъ также поволанья предъ урядомъ. Только урядовый сведомъ считается судебнымъ актомъ. Поволанье истца съ стороною вносится въ урядовыя книги, извѣстныя подъ именемъ „чорныхъ" 1). На основаніи поволанья, урядъ отряжаетъ на мѣсто вознаго для осмотра, въ присутствіи стороны добрыхъ людей, а по „некровавымъ" шкодамъ — и безъ нихъ. О результатахъ осмотра возный докладываетъ уряду, имѣя въ добрыхъ людяхъ „подпору вызнанья и свѣдецства своего" 2).

2. *Позовъ* (позыванье, обосланье, подаванье, citatio). Изъ Русской Правды видно, что вызовъ къ суду виновнаго производился иногда истцомъ, иногда дѣцкимъ 3); но нельзя сказать съ точностію, когда вызывалъ одинъ истецъ и когда — дѣцкій. Институтъ позва вполнѣ развитъ литовскимъ законодательствомъ, и именно въ духѣ Русской Правды. Польскія учрежденія являются только въ позднѣйшее время.

Вызовъ къ суду называется въ древнемъ литовскомъ законодательствѣ *позвомъ* (позываньемъ, обосланьемъ, подаваньемъ). Позовъ былъ принадлежностію только такихъ дѣлъ, при которыхъ преступникъ не былъ пойманъ „на горячомъ учинку" или „съ лицомъ", но предъявлено противъ него одно соченье (поволанье). Другими словами, позовъ начинался только тогда, когда по соченью открывался виновный, при неимѣніи несомнѣнныхъ и очевидныхъ доказательствъ его вины. На этомъ основаніи Литовскіе Статуты постановляютъ, что судъ начинается безъ позва, при поимкѣ преступника „на горя-

---

1) Чорныя книги были въ обычаѣ еще до Волынскаго Статута. См. Ст. 1566. XIV. 9.

2) Ст. 1566. IV. 4. XI. 6. XIV. 9. Ст. 1588. IV. 8—11. XI. 19. XIV. 12. По древнему польскому праву, кривды издавна оказывались служебникамъ. Извѣстно было также досвѣтченье, свѣдечство сосѣдей; но оно не имѣло такого значенія, какъ въ древнемъ литовскомъ правѣ. Вислиц. Стат. п. 35. 65. 93.

3) См. Ланге Изслѣд., стр. 73—75. 227—228.

чомъ учинку" (на мѣстѣ преступленія) 1). Въ дѣлахъ, начинавшихся соченьемъ, позовъ принадлежалъ къ главнымъ основаніямъ процесса (гражданскаго и уголовнаго).

По древнѣйшимъ памятникамъ, позовъ производится истцомъ съ стороною, добрыми людьми, безъ посредничества судебныхъ органовъ. Истецъ обращался къ помощи дѣцкихъ только при рѣшительномъ отказѣ отвѣтчика явиться къ суду 2).

Тѣ же правила удержаны первымъ Литовскимъ Статутомъ. Онъ только развилъ ихъ подробнѣе. Истецъ, по давнему обычаю, позываетъ отвѣтчика самъ съ стороною (2-мя или 3-мя добрыми людьми); но позовъ могъ быть посланъ съ одною стороною. Кто не являлся на судъ послѣ двухъ позвовъ, того истецъ могъ „ожаловать" судьямъ, которые посылали позовъ дѣцкимъ вмѣстѣ съ стороною. Если отвѣтчикъ не являлся на судъ и послѣ позва дѣцкаго, то истцу давалось „увязанье" (грабежъ) въ имѣніе отвѣтчика: послѣдній присуждался къ наказанію по одному обвиненію истца 3).

Порядокъ позва значительно измѣнился со времени учрежденія возныхъ. Позовъ отнесенъ къ числу главныхъ ихъ обязанностей. Возный позываетъ безъ истца и даже безъ вѣдома судей, имѣя при себѣ только добрыхъ людей. Если отвѣтчикъ не принималъ позва, то возный оставлялъ его на дворѣ отвѣтчика или въ воротахъ, или же прочитывалъ его публично, сосѣдямъ (сторонѣ). Вмѣстѣ съ тѣмъ

---

1) Ст. 1566. IV. 20. Ст. 1588. IV. 37.
2) Ак. II. 30. 54. 164.
3) Ст. 1529. VI. 3—4. 6. 20. Иначе производился позовъ по московскому и польскому законодательствамъ. Онъ отличался приказнымъ, урядовымъ характеромъ, производился только недѣльщиками и приставами (по Судебникамъ и Уложенію), служебниками (по польскимъ Статутамъ). Тѣ и другіе могли позывать не иначе, какъ по приказанію судей. Въ Вислицкомъ Статутѣ, кромѣ того, постановлено, что, при неявкѣ отвѣтчика на первый вызовъ къ суду, служебникъ беретъ у судьи двухъ слугъ, является съ ними къ отвѣтчику и производитъ позыванье вмѣстѣ съ грабежомъ (взятіемъ „заклада", обезпеченія явки). Послѣ третьяго позва отвѣтчикъ обвиняется по доказательствамъ одного истца. Ак. I. 2. п 14. 16. 18. 21. 23—25. 48.

удержаны старыя правила о троекратномъ объявленіи позва, съ тѣмъ различіемъ, что отвѣтчикъ, не явившійся ни на одинъ позовъ, подвергался выволанью (пока не разсчитается съ обиженнымъ) 1).

Поводъ и позовъ были актами *вчинанія* процесса. Результатомъ ихъ была явка сторонъ къ суду. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о *судебныхъ доказательствахъ*, какъ главныхъ основаніяхъ всякаго суда, и о постановленіи и исполненіи *судебныхъ рѣшеній*.

1. *Судебныя доказательства.*—Русская Правда относитъ къ нимъ: показанія свидѣтелей (видоковъ, послуховъ, людей), знаменія (лицо, слѣдъ), роту, испытанія (желѣзо, воду) и муки. Система доказательствъ Правды носитъ на себѣ отпечатокъ глубокой древности. Та же система удерживается въ литовско-русскомъ законодательствѣ: оно только полнѣе развило древне-русскій процессъ и свойственную ему систему доказательствъ.

Доводъ и *отводъ* литовскаго процесса состоитъ изъ свѣдецства (досветченья светковъ, стороннихъ людей, добрыхъ людей, стороны), поличнаго и признаковъ (лица, слѣда, знаковъ, знаменій), присяги и мукъ. Въ періодъ Литовскихъ Статутовъ становится извѣстнымъ также листовный доводъ (листы, записи и другіе письменные акты). „Певнымъ“ доводомъ и отводомъ считается главнымъ образомъ свѣ-

1) См. 1566. IV. 4. 9. 12. 20. Ст. 1588. IV. 8. 17—20. 37. Изложенныя нами судебныя дѣйствія вполнѣ напоминаютъ оповѣдь (opowidani), осмотръ (ohledani, opatreni) и погонъ (pohon) чешскаго процесса. Необходимымъ условіемъ всякаго нарока (narok, поклепъ Правды) была *оповѣдь* (notificatio, significatio). Обиженный созывалъ сосѣдей (осаду) и объявлялъ имъ о понесенной имъ кражѣ или другой потерѣ и обидѣ, съ тѣмъ, чтобы осада послѣ засвидѣтельствовала искъ обиженнаго во время суда. Оповѣдь производилась třhem, публично, на осадѣ сосѣдей. Послѣ оповѣди истецъ звалъ урядника на *осмотръ*, производимый осадою. На основаніи огледанья урядникъ назначалъ *погонъ* (citatio)—формальный вызовъ отвѣтчика на судъ. Погонъ, какъ и оповѣдь, объявлялся публично, на торгу, что называлось *свѣдченіемъ* (svêdcêni). Погончій (pohonci, урядникъ) не могъ „погнать“ безъ свидѣтелей. Вызовъ къ суду первоначально производился истцомъ съ осадою, потомъ чрезъ посредство урядника, въ присутствіи пословъ жупана и судьи, также близкихъ сосѣдей. Они составляли осаду. Погонъ повторялся нѣсколько разъ, если отвѣтчикъ не являлся на судъ,—по нѣкоторымъ дѣламъ допускались двукратные позвы, по другимъ—троекратные. Въ XIV стол. осады перестаютъ участвовать въ погонахъ; ихъ производили одни урядники. См. Архивъ Калачова, кн. 6, стр. 25. 43. 45—49. 54 (примѣч.).

децство; другія доказательства принимаются въ значеніи довода только при недостаткѣ свѣдецства 1).

а. *Свидѣтели.* Русская Правда и литовское законодательство установляютъ общія условія дѣйствительности свидѣтельскихъ показаній и условія специальныя для светковъ простыхъ и присяглыхъ (очистниковъ).

Къ общимъ условіямъ принадлежатъ:

1) *Свободное состояніе* свидѣтелей. Правда допускаетъ въ свидѣтели свободныхъ лицъ и только „по нужѣ"—боярскихъ и дворскихъ тіуновъ и закуповъ; прочіе холопы вовсе не могутъ быть свидѣтелями. Тѣ же правила имѣли силу въ древнемъ литовскомъ процессѣ, съ его основнымъ положеніемъ: „а холопу и робѣ не вѣрити (вѣры не няти), а ни на свѣточьство ихъ не пущати" 2). Въ старомъ Статутѣ нѣтъ подобнаго правила, но оно встрѣчается въ другихъ актахъ (напр. въ привилеѣ Полоцкой земли 1547) 3). Только со времени Волынскаго Статута смягчаются прежнія строгія правила: невольникамъ, слугамъ и крестьянамъ запрещалось светчить только въ дѣлахъ своихъ пановъ. Въ светки допускалась впрочемъ домашняя челядь по нуждѣ, особенно когда дѣло шло о домовыхъ гвалтахъ и другихъ важныхъ преступленіяхъ 4).

2) *Хорошая репутація.* Въ Правдѣ говорится, что свидѣтели должны быть „добрые люди", не тати и лица, злоупотребившія довѣріемъ 5). Литовскіе Статуты не допускаютъ въ светки людей, бывшихъ „у злой славе межи околицы". Светки должны быть люди добрые, „доброе славы, вѣры годные, неподойзрѣнные, цнотливые, богобойные,—люди, не бывшіе никогда въ поволаньи околицы и въ фальшерствѣ". Светкомъ наконецъ не можетъ быть тотъ, кто уличенъ въ воровствѣ, не оправданъ по суду, наказанъ шыею (кто выпроханъ или выкупленъ), выволаньемъ, вообще кто по суду лишенъ чести 6).

---

1) Ст. 1529. VI. 27—30. VIII. 1. 4. 6. 7. Ст. 1566. IV. 51—57. IX. 3—5. Ст. 1588. IV. 76—82.

2) Ак. I. 120. II. 70. Сборникъ Муханова, стр. 132. Zbiór, стр. 100.

3) Ак. III. 5.

4) Ст. 1566. IV. 53. Ст. 1588. IV. 78. IX. 14. XI. 2.

5) Демченка Истор. изслѣд. о свидѣт. показ., стр. 26.

6) Ст. 1529. VIII. 7. Ст. 1566. IV. 51. 53. IX. 3. Ст. 1588. IV. 76. 78. IX. 14.

Литовское законодательство, кромѣ того, установляетъ другія условія, не извѣстныя Правдѣ. Такимъ образомъ, въ светки не допускаются: a) невѣрные 1); b) христiане, не бывшіе на исповѣди у плебановъ и поповъ, не принимавшіе причастія и не знавшіе главныхъ молитвъ (патеръ и вѣрую) 2); c) шаленые (которые розуму не маютъ); d) люди „незнаемые", не тубыльцы (чужоземцы); e) участники въ дѣлѣ. Литовское законодательство принимаетъ за правило, что никто не можетъ быть светкомъ по нѣсколькимъ дѣламъ, въ одно время, но въ различныхъ мѣстахъ 3).

Правда и Статуты различаютъ *простыхъ* свидѣтелей отъ *очистниковъ*. Въ этомъ случаѣ Статуты даютъ свидѣтельскимъ показаніямъ специальное названіе довода и отвода.

Доводъ состоялъ въ показаніяхъ простыхъ светковъ, „подпиравшихъ" ту или другую сторону, утверждавшихъ на судѣ достовѣрность извѣстныхъ имъ по чему-либо фактовъ суднаго дѣла 4).

Отводъ, напротивъ, означалъ отрицаніе отвѣтчикомъ взводимаго противъ него обвиненія, при помощи присяглыхъ светковъ, „отводившихъ, очищавшихъ невинность" отвѣтчика 5).

Оба института коренятся въ Русской Правдѣ, въ которой уже установилось различіе между простыми свидѣтелями и свидѣтелями-очистниками 6).

1) *Простые свидѣтели*. И Правда, и Статуты требуютъ отъ нихъ знанія обстоятельствъ, о которыхъ даютъ показанія, и допускаютъ ихъ со стороны истца и отвѣтчика 7). Требуется также нѣсколько

---

1) По старому Статуту они не допускаются въ светки только въ поземельныхъ спорахъ, а по Волынскому и третьему Статутамъ —во всѣхъ дѣлахъ. Исключеніе сдѣлано только для татаръ, состоявшихъ въ господарской службѣ и допущенныхъ къ свѣдецству по особымъ привилегіямъ. Ст. 1529. VIII. 7. Ст. 1566. IV. 51. 53. IX. 3. Ст. 1588. IV. 76. 78. IX. 14.

2) Это правило встрѣчается только въ первыхъ двухъ Статутахъ Ст. 1529. VIII. 7. Ст. 1566. IX. 3. Ст. 1588. IX. 14.

3) Ст. 1566. IV. 53. Ст. 1588. IV. 78. XIV. 10.

4) Ст. 1529. VII. 4. 17 и др.

5) Ст. 1529. VI. 27. VII. 4. XIII. 7—9. Ст. 1566. IV. 6. XIV. 18. Ст. 1588. XI. 19. XII. 1. 11.

6) См. Демченка Историч. изслѣд. о показан. свид., стр. 9—22.

7) Ibid. стр. 23. Ср. Ст. 1529. VI. 28. VII. 4. 17. Ст. 1566. IV. 56 Ст. 1588. IV. 81. XIV. 17. При „подобенствѣ" (равенствѣ) светковъ обѣихъ сторонъ, Статуты допускаютъ къ доводу сторону

свидѣтелей. Правда иногда требуетъ ихъ въ числѣ двухъ, въ большинствѣ же случаевъ не опредѣляетъ числа свидѣтелей. Литовское законодательство требуетъ светковъ всегда въ опредѣленномъ числѣ. Доводъ считается полнымъ, когда истецъ представитъ трехъ светковъ (при неимѣніи со стороны отвѣтчика стольких же свидѣтелей) 1). Только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о чести и жизни отвѣтчика, истецъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ имѣть 6 светковъ 2).

Полная дѣйствительность показаній свидѣтелей обезпечивалась *присяжнымъ* ихъ характеромъ. Это правило равно извѣстно Правдѣ и Статутамъ. Послѣдніе только точнѣе его формулируютъ, не дѣлаютъ присягу непремѣннымъ условіемъ свидѣтельскихъ показаній 3).

Литовское законодательство касается также другихъ вопросовъ, не рѣшаемыхъ Правдою.

Такимъ образомъ, светковъ должно представлять изъ людей, „себѣ *равныхъ*". Для шляхты впрочемъ, по нуждѣ, допускались въ светки и лица низшихъ сословій, даже слуги и челядь. Точно также простолюдины, въ дѣлахъ съ шляхтою, должны имѣть въ числѣ светковъ нѣсколько шляхтичей 4).

Статуты допускаютъ „ганевье" (отводъ) светковъ, но только до суда и привода светковъ къ присягѣ (если она требуется) 5).

Послѣдствіемъ представленія светковъ было „одержанье речи" стороною, ихъ представившею, если только светки не откажутся отъ дачи показаній, или „не учинятъ розность у сведецстве" 6).

2) *Свидѣтели-очистники.* Институтъ очистниковъ былъ въ ста-

обжалованную. „вѣдже судьи подобенства всякіе на доброй бачности маютъ мети, и въ речахъ вонтпливыхъ склоннѣйшій маетъ быти ку вызволенью нижьли ку каранью". Ст. 1566. XIV. 2. Ст. 1588. XIV. 1. 3.

1) При двухъ светкахъ истецъ „одерживалъ свою речъ" съ помощію собственной присяги.

2) Ст. 1529. VI. 28. VII. 2. 7. XI. 2. Ст. 1566. IV. 56. XI. 2. 23. XIII. 16. Ст. 1588. IV. 81. XI. 30 и др.

3) По поземельнымъ тяжбамъ светки даже по закону светчили безъ присяги, „подле давного звычаю земскаго". Ст. 1529. VIII. 2. Ст. 1566. IV. 56. Ст. 1588. IV. 81.

4) Ст. 1529. VII. 2. 4. 8. XI. 2. Ст. 1566. XI. 2. 6. XIV. 17. Ст. 1588. XII. 1. XIV. 11.

5) Ст. 1566. IV. 54. Ст. 1588. IV. 79.

6) Ст. 1529. VI. 28. Ст. 1566. IV. 55. Ст. 1588. IV. 80.

рое время существенною принадлежностію процесса у всѣхъ славянъ 1). Русской Правдѣ вполнѣ извѣстенъ этотъ институтъ, хотя она и не представляетъ всѣхъ его деталей. Правда говоритъ, главнымъ образомъ, объ очистникахъ и почти не касается помочниковъ, умалчивая вмѣстѣ съ тѣмъ о многихъ существенныхъ вопросахъ (напр. объ общихъ условіяхъ допущенія очистниковъ, о послѣдствіяхъ ихъ показаній и пр.) 2).

Всѣ эти вопросы съ полною опредѣлительностію рѣшаются Литовскими Статутами. Въ нихъ очень ясно говорится о сущности института очистительныхъ светковъ (очистниковъ и помощниковъ), о дѣлахъ, при которыхъ они требуются, объ условіяхъ ихъ допущенія и о послѣдствіяхъ ихъ показаній.

---

1) По изслѣдованіямъ г. Ирѣчька, очистники, существовавшіе у чеховъ издавна, подтверждали хорошую или дурную репутацію (dobra или zlà povest) отвѣтчика или истца. *Очистники* (očistnici) въ собственномъ смыслѣ были свидѣтели отвѣтчика, подтверждавшіе справедливость его присяги, принесенной имъ въ удостовѣреніе своей невинности. *Помочниками* (pomocnici) назывались свидѣтели истца, присягавшіе съ нимъ въ подтвержденіе предъявленнаго имъ нарока (обвиненія). Тѣ и другіе избирались изъ сосѣдей, осады. Сосѣди, знавшіе фактическія обстоятельства, показывали въ качествѣ простыхъ свидѣтелей; прочіе члены осады избирали изъ себя очистниковъ или помочниковъ, которые подтверждали или отрицали сочевье общимъ голосомъ (testimonio fori communis). Очистники держались у чеховъ до конца XVI стол. См. Архивъ Калачова, кн. 6, стр. 26. 53—56. Объ очистникахъ говорятъ также древніе польскіе акты, напр. Вислицкій Статутъ. См. Ак. I. 2. п. 109. 130. 131.

2) Ланге даетъ очистникамъ, по нашему мнѣнію, самыя произвольныя названія. Очистниковъ онъ называетъ *послухами — доброй славы*, основываясь на Литовскомъ Статутѣ 1529 г. (въ которомъ будто бы говорится о томъ, что свидѣтели показываютъ о доброй славѣ отвѣтчика). Между тѣмъ, Статутъ говоритъ только о томъ, что светки должны быть люди „доброе славы, во чти захованные“ (Ст. 1529. XIII. 8. 9). При томъ, изъ предъидущаго примѣчанія видно, что очистники могли показывать о „доброй и *злой* повести“.— Помочники истца названы у Ланге *послухами—запы*, на основаніи одного выраженія Правды (запананъ), какъ видно, не вѣрно понятаго Ланге. Запананъ значитъ *задержанъ* (заппенъ помалороссійски). Ниже мы увидимъ, что Правда, говоря о задержаніи татя, имѣетъ въ виду не помочниковъ, а простыхъ видоковъ, присутствовавшихъ или видѣвшихъ такое задержаніе. См. Ланге Изслѣд., стр. 240. 258—259.

Сущность института очистниковъ, по Литовскимъ Статутамъ, состоитъ въ томъ, что очистительные или *присяглые* светки (иногда просто светки, сосѣди, добрые люди, testes iurati) „очищали невинность" отвѣтчика. Не касаясь никакихъ обстоятельствъ дѣла, они своимъ показаніемъ „отводили поволанье", подкрѣпляли отводъ— отрицаніе отвѣтчикомъ взводимаго противъ него „обвиненья" (поклепа Правды) 1).

Подобный отводъ допускается также для истца: онъ могъ обратиться къ своимъ помочникамъ, при недостаткѣ отвода или довода отвѣтчика 2). Такъ могло быть и во время Русской Правды, хотя она и неясно говоритъ о помочникахъ истца. И литовское законодательство говоритъ о нихъ только въ третьемъ Статутѣ, такъ сказать, мимоходомъ, какъ объ учрежденіи, коренившемся въ стародавнихъ обычаяхъ. Для насъ важно указаніе на позднее существованіе этого института въ литовскомъ законодательствѣ, безспорно удержавшемъ его еще отъ временъ Русской Правды.

Очистники не допускались въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ и отвѣтчикъ, по самому существу дѣла, должны были имѣть положительныя доказательства, или когда законъ установлялъ опредѣленную систему доказательствъ безъ помощи очистниковъ.

Русская Правда относитъ сюда вещные иски, споры по договорамъ и иски по личнымъ обидамъ. Очистники не допускаются и въ другихъ искахъ, когда есть положительныя доказательства, напр., лицо, слѣды преступленія и пр. Очистники допускаются только тамъ, гдѣ дѣло начиналось *поклепомъ,* при недостаткѣ поличнаго: „оже не будеть лица" 3).

---

1) Ст. 1529. VI. 27. VII. 4. 5. XIII. 7—9. Ст. 1566. IV. 6. XI. 6. XIV. 18. Ст. 1588. XI. 19. XII. 1. 11.

2) Это видно изъ слѣд. мѣста Статута 1588 (XII. 1): „Паклижъ бы жалобная сторона (истецъ) не маючи зуполного доводу (простыхъ светковъ)... менуючи быти ижъ се то *на безъ людьи* стало, тогды вжо предъ се тотъ шляхтичъ (отвѣтчикъ) близши будеть зъ своимъ доводомъ... а естлибы тежъ и шляхтичъ светковъ къ присязе не мелъ, а толко самъ присегнути хотелъ, то вжо *сторона жалобливая* близшая будеть *само—треть* присегнути". Истецъ, не имѣвшій простыхъ светковъ (дѣло на безлюдьи стало), подкрѣплялъ свой доводъ светками-помочниками, если отвѣтчикъ не представлялъ очистниковъ.

3) См. Демченка Истор. изслѣд., стр. 37—39.

То же самое встрѣчаемъ въ Литовскихъ Статутахъ. Они допускаютъ очистниковъ преимущественно по дѣламъ объ убійствѣ, разбоѣ, домовыхъ и дорожныхъ гвалтахъ и татьбѣ 1), не иначе однакожъ, какъ при извѣстныхъ условіяхъ. Къ такимъ условіямъ принадлежатъ:

a) *Поволанье* и *позовъ* (поклепъ Правды). Въ Статутахъ очень часто говорится о поволаньи, обвиненьи, какъ основаніи допущенія очистниковъ 2). Отвѣтчикъ представляетъ очистниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не пойманъ „на горячомъ учинку", или когда обвиняется безъ лица, но не голословно (не згола), а на основаніи какихъ-либо уликъ—признакахъ, „слушныхъ, певныхъ причинахъ" 3). Истецъ, напротивъ, можетъ представить, въ тѣхъ же случаяхъ, помочниковъ, при неимѣніи со стороны отвѣтчика слушнаго отвода 4).

b) Недостатокъ *сведома* и *зуполнаго довода*. Отвѣтчикъ, кромѣ предъидущаго условія, могъ опираться на своихъ очистниковъ не иначе, какъ при недостаткѣ у истца простыхъ светковъ, или при отказѣ истца отъ довода, когда онъ „поступитъ присягать позванному" 5).

Очистительные светки должны были удовлетворять также общимъ условіямъ. Они представлялись въ опредѣленномъ *числѣ*: самъ вторъ,

---

1) Ст. 1529. VII. 4. 16—17. XIII. 7—9. Ст. 1566. XI. 6. 19. 23. XIV. 7. 17—18. Ст. 1588. XI. 19. 30—31. XII. 1. XIV. 10. 20.

2) См. Ст. 1529. XIII. 7—9. Ст. 1566. XIV. 14. 18. Ст. 1588. XIV. 10. 20. Въ этомъ случаѣ замѣчательно различіе между шляхтою и простолюдинами. „Неповоланный и неподойзрѣнный" шляхтичъ, при первомъ обвиненіи, очищается только своею присягою,—очистники требуются при второмъ и третьемъ обвиненіи. Право на очистниковъ теряетъ шляхтичъ при четвертомъ поволаньи (Ст. 1529. XIII. 7—9). По послѣднимъ двумъ Статутамъ, шляхтичъ неповоланный, человѣкъ добрый, вѣры годный, при первомъ обвиненіи безъ слушнаго довода, не обязанъ очищаться ни светками, ни своею присягою,—истецъ платитъ ему навезку, „яко бы ранилъ" (Ст. 1566. XIV. 7. 18. Ст. 1588. XIV. 10). Неповоланный простолюдинъ, напротивъ, уже при первомъ поволаньи, обязанъ представить очистниковъ и лишается этого права при второмъ позвѣ. (Ст. 1566. XIV. 17. Ст. 1588. XIV. 20).

3) Ст. 1529. VII. 17. XIII. 7—9. Ст. 1566. XI. 23. XIV. 7. Ст. 1588. XI. 30. XII. 1. XIV. 10.

4) См. напр. Ст. 1588. XII. 1.

5) Ст. 1529. VII. 16. 17. Ст. 1556. XI. 19. 23. Ст. 1588. XI. 30. 31. XI. 1.

треть, четверть и сёмъ (простые светки допускались не менѣе, какъ въ числѣ 2-хъ, 3-хъ и 6-ти), изъ людей *добрыхъ*, вѣры годныхъ, „доброе славы, во чти захованныхъ". Очистники, подобно простымъ светкамъ, избирались изъ людей *себѣ равныхъ* и *осѣдлыхъ*. Допускаются, впрочемъ, очистники и неравнаго состоянія; простолюдинъ даже въ дѣлахъ съ шляхтою могъ ограничиться равными себѣ очистниками.—Очистники *присягали* вмѣстѣ съ тѣмъ, кого они очищали отъ обвиненія, и избирались обыкновенно изъ околичныхъ *сосѣдей*. Простолюдинъ избиралъ ихъ изъ „чужоволостцевъ" или изъ людей, принадлежавшихъ одному пану, но жившихъ въ особыхъ домахъ.—Наконецъ, если очистники по чему-либо не допускались къ присягѣ, то отвѣтчикъ считался виновнымъ, подлежалъ однакожъ меньшей пенѣ и удерживалъ за собою право „винного искати" 1).

Литовское законодательство, наконецъ, опредѣляетъ въ смыслѣ Правды общее процессуальное значеніе светковъ, какъ органовъ суда.

Послухи Правды являются на судѣ въ качествѣ его *органовъ*—постороннихъ знатоковъ дѣла. Показанія ихъ имѣли силу независимо отъ тяжущихся,—послухи были какъ бы судьи факта и потому принимали весьма важное участіе въ цѣломъ процессѣ 2).

Такимъ же характеромъ отличались въ старое время послухи у западныхъ славянъ 3).

---

1) Ст. 1529. VII. 4. 5. 16—17. XIII. 7—9. Ст. 1566. XI. 6. 19. 23. XIV. 7. 17. 18. Ст. 1588. XI. 19. 30. 31. XII. 1. XIV. 10. 20.

2) См. Демченка Истор. изслѣд., стр. 22. 47. 53.

3) У древнихъ чеховъ свидѣтели избирались изъ сосѣдей, созванныхъ на осаду для „оповѣди" и пр. Въ значеніи очистниковъ, сосѣди утверждали справедливость присяги обвиненнаго, уличали сока или истца общимъ голосомъ (testimonio fori communis). Сосѣди вообще созывалась на осады (testes publici), въ значеніи добрыхъ людей, свидѣтелей, для осмотра, погоновъ, свода, и пр. Изъ нихъ составлялась порота (commune forum), общинный судъ изъ свидѣтелей и вмѣстѣ судей. См. Калачова Архивъ, кн. 6, стр. 24—26. 41—47. 53—55. Такое же значеніе дается свидѣтелямъ древнимъ польскимъ правомъ, хотя въ немъ, съ Вислицкаго Статута, главное процессуальное значеніе имѣли органы общественной власти. Ак. I. 2. п. 35. 65. 109. 130. 131.

То же самое нужно сказать о светкахъ Литовскихъ Статутовъ. Люди, сосѣди (чужіе люди) Правды формулированы литовскимъ законодательствомъ въ институтѣ *добрыхъ людей, стороны* (стороннихъ, околичныхъ сосѣдей, околицы, копы или купы). Они участвовали во всѣхъ почти процессуальныхъ актахъ въ значеніи судей факта и свидѣтелей. Изъ нихъ избирались светки простые и очистительные, — обязанность сосѣдей, околицы, состояла въ „допираньи"— утвержденіи довода истца (если онъ справедливъ) и отвода отвѣтчика. Сведомъ считается въ литовскомъ процессѣ главнымъ основаніемъ довода истца: его „допирали" прежде всего сосѣди, осматривавшіе по воланью истца шкоду или кривду. Сосѣди же подкрѣпляли отводъ обвиненнаго, пользующагося въ околицѣ доброю славою. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сосѣди имѣли значеніе добрыхъ людей, не сторонниковъ тяжущихся, но судебныхъ органовъ.

b) *Поличное и улики.* Поличное, лицо, составляло по Русской Правдѣ и литовскому законодательству такое же рѣшительное доказательство, какъ и показанія свидѣтелей, и отличалось отъ уликъ въ собственномъ смыслѣ—слѣда, знаковъ, знаменій.

Лицо занимало очень важное мѣсто въ процессѣ всѣхъ славянъ, считалось явнымъ признакомъ преступленія, само по себѣ служило обвиненіемъ для того, кто пойманъ былъ „при лицы" (pri lici—по древнему чешскому праву) 1).

Того же воззрѣнія держится Русская Правда, хотя она въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не ясно формулируетъ институты 2).

Литовское законодательство рѣшаетъ вопросъ о „лицованномъ злочинцѣ" въ смыслѣ древне-русскаго права, принимаетъ поимку при лицѣ за полное доказательство. По Литовскому Судебнику 1468 и Витебскому привилею 1509 г., поимка татя съ лицомъ, сама собою, изобличаетъ его въ татьбѣ 3). Литовскіе Статуты тоже наказы-

---

1) Преступникъ *лицованный* (prilicny, licovany, licny), пойманный „при лицы", на мѣстѣ преступленія, извѣстенъ чешскому праву. Для изобличенія его, оно не требуетъ никакихъ доводовъ, кромѣ лица. См. Архивъ, кн. 6, стр. 44.

2) О лицѣ Правда говоритъ только въ статьяхъ о татьбѣ. См. Калачова Изслѣд., LXXXVI. CX. CXIV.

3) Zbiór, стр. 37. 47. 54. 100.

ваютъ злодѣя безъ особенныхъ доказательствъ, если онъ пойманъ съ лицомъ 1). Если преступникъ не взятъ въ самый моментъ преступленія, то лицо служитъ главнымъ поводомъ процесса, требуетъ еще дополнительныхъ доказательствъ 2).

Улики (знаки, слѣдъ, знаменія) ясно отличаются Правдою и литовскимъ законодательствомъ отъ лица въ предъидущемъ смыслѣ 3). Какъ простыя улики, знаки требуютъ еще другихъ доказательствъ. Литовское законодательство называетъ „слушными, добрыми" знаками только тѣ, которые „врядовне переведены, пописаны", предъявлены добрымъ людямъ и уряду, для внесенія ихъ въ книги (чорныя) 4).

c) *Присяга.* Рота допускается Правдою въ значеніи главнаго и дополнительнаго доказательства, смотря по тому, есть ли или нѣтъ другихъ доказательствъ.

Положенія Правды вполнѣ развиты Литовскими Статутами. „Достаточнымъ" доводомъ считается присяга, когда нѣтъ свидѣтелей и лица 5). Присяга, какъ дополнительное средство, требуется, когда другія доказательства не полны 6). Присяга дозволяется отвѣтчику предпочтительно предъ истцомъ, если только отвѣтчикъ—неповоланный человѣкъ, и истецъ „пуститъ" его на присягу. Отвѣтчикъ очищается „тѣлесною" присягою, „своею особою", или съ свидѣтелями. Послѣ присяги отвѣтчика, истецъ не можетъ вчинать новаго процесса, „бо его самъ ку присязѣ пустилъ". Если тяжущіеся не имѣютъ никакихъ доказательствъ, кромѣ присяги, и „оба ся торгнули къ присязе", то судъ допускаетъ ихъ къ жребію. Кто первый возьметъ жребій, тотъ и допускается къ присягѣ. Результаты при-

---

1) Ст. 1529. XIII. 1. 4. 5. Ст. 1566. XIV. 1. и др.

2) Ст. 1566. IV. 20. Ст. 1588. IV. 37.

3) Въ Статутахъ часто говорится о „знакахъ не при лицы". См. напр. Ст. 1566. XIV. 14. 15.

4) Zbiór, стр. 49. Ст. 1529. VII. 17. 18. VIII. 4. 6. XIII. 13. 22. 25. Ст. 1566. XI. 1. 20. 21. XIV. 14. 15 и др.

5) *Ротою* въ Статутахъ называется присяжный листъ. Пошлина съ присяги иногда называется по старому *ротнымъ*. См. Zbiór, стр. 85. Ст. 1529. VI. 30. VII. 8. 9. 12. 23. XIII. 7. Ст. 1566. XI. 26. Ст. 1588. IX. 16. XI. 10.

6) См. напр. Ст. 1529. VI. 28.

сяги были тѣ же, какъ и всякаго слушнаго довода: кто присягаетъ, тотъ „одерживаетъ речъ“ 1).

d) *Мука* (мученье, tortura). Божьи суды, испытанія — старый обще-славянскій обычай—коренятся въ вѣрованіи въ сверхъестественную помощь къ раскрытію истины въ дѣлѣ, нерѣшаемомъ обыкновенными судебными средствами. Путемъ ордалій „искушали Бога“ (по выраженію одного древняго чешскаго закона) съ цѣлью открытія виновнаго 2).

Испытанія раздѣлялись у славянъ на *поединки*, *желѣзо* и *воду* (zelezo, boj и voda). Желѣзо было тягчайшимъ испытаніемъ и допускалось въ болѣе важныхъ случаяхъ. Въ позднѣйшее время ордаліи отчасти замѣняются присягою, отчасти превращаются въ простыя пытки, имѣвшія цѣлью довести обвиненнаго до сознанія 3).

Русская Правда допускаетъ испытанія желѣзомъ и водою, подъ общимъ названіемъ *мукъ*. Къ испытаніямъ прибѣгали только при поклепѣ. Желѣзо допускалось въ дѣлахъ по убійству,—въ другихъ случаяхъ только тогда, когда тяжа, по цѣнѣ, не менѣе полгривны золота. Въ меньшихъ тяжахъ употреблялась вода. Кто вытерпитъ муку, тотъ считается правымъ. Испытанія имѣли въ виду не сознаніе виновнаго, а только внѣшнее подтвержденіе его вины или пра-

1) Ст. 1529. VI. 26. 28. 30. VII. 2. 4. 5. 8. 9. 12. 16. 17. 23. VIII. 1. 2—5. XIII. 7—9. Ст. 1566 IV. 50. 52. 56. XI. 26. Ст. 1588. XI. 10 и др.

2) Архивъ, кн. 6, стр. 52.

3) Древнее чешское право допускало испытанія желѣзомъ (judicium ferri, zelezo), водою (jud. aquae, voda) и бой (mece, kyj—судебный поединокъ). *Желѣзо* было двухъ родовъ: judicium ferris manualis и jud. vomerum. Первое состояло въ испытаніи ручнымъ желѣзомъ: обвиняемый бралъ въ голыя руки раскаленное желѣзо и переносилъ его въ другое мѣсто или держалъ въ рукахъ въ теченіи опредѣленнаго времени. Позже обвиняемый присягалъ, положивъ два пальца на ярко раскаленное желѣзо. Кто не выдерживалъ испытанія, тотъ считался виновнымъ. Judicium vomerum состояло въ хожденіи по раскаленному желѣзу (сошникамъ). Желѣзо допускалось сначала только по дѣламъ объ убійствѣ, потомъ и о другихъ важныхъ преступленіяхъ. *Вода* допускалась въ легкихъ нарокахъ, въ двухъ видахъ: испытанія холодною водою (aquae frigidae) и кипяткомъ (aq. ferventis). *Бой* (judicium duelli, soudnj souboj) производился въ видѣ поединка между истцомъ и отвѣтчикомъ, на мечахъ или палкахъ. Архивъ Калачова, кн. 6, стр. 51—53.

воты—перенесеніе мукъ съ послѣдствіями или безъ нихъ 1).—Кромѣ испытаній, Правда говоритъ еще о мукахъ другаго рода—о битьи кнутомъ у колокольницы. Здѣсь нужно видѣть *пытку* въ строгомъ смыслѣ. Мука, въ значеніи пытки, допускалась только по „княжему слову“ 2).

Литовское законодательство удерживаетъ *муку (мученье)* только съ послѣднимъ значеніемъ, какъ средство достигнуть матеріальной истины, довести выданнаго на муку до сознанія въ винѣ, „домучиться“ злочинства 3).

Испытанія Правды замѣняются въ литовскомъ процессѣ *присягою*. Въ дѣлахъ по татьбѣ допускается *пытка* — остатокъ мукъ Правды. Самыя формы совершенія мукъ и условія ихъ допущенія — тѣ же, какія установлялись Правдою по испытаніямъ.

Муки допускаются Статутами, главнымъ образомъ, при поволаньи: человѣка неповоланнаго дозволялось мучить только при слушныхъ знакахъ и при присягѣ или светкахъ истца. Муки дозволяются вообще при сильномъ подозрѣніи; безъ поволанья сосѣдей, хотя бы и были знаки, никто не выдается на муку. Злодѣй „приличной“, при упорствѣ въ сознаніи, подвергается усиленной мукѣ: его дозволялось мучить „трикроть“ одного дня, тогда какъ человѣка неподозрѣннаго запрещалось мучить больше одного раза. Мучить дозволяется безъ увѣчій, „не образивши, не охромивши ни одного члонка“ 4).

Муки сопровождались одинаковыми послѣдствіями, наравнѣ съ другими слушными доводами. Полное наказаніе назначалось, если домучатся злодѣйства; въ противномъ случаѣ истецъ платилъ отвѣтчику за каждую муку. Если послѣдствіемъ муки будетъ смерть или хромота и не получится сознаніе, то истецъ за „умерлаго“ платитъ головщину, за хромоту — полчеловѣка. Мукѣ не дается ни-

---

1) Ланге Изслѣд., стр. 259—263.

2) См. Карамз. спис. Правды, ст. 89. 135. Ланге смѣшиваетъ эти муки съ испытаніями, относитъ къ послѣднимъ требованіе княжаго слова, что рѣшительно не вѣрно. См. его Изслѣд., стр. 263.

3) Zbiór, стр. 47. Ст. 1529. XIII. 14. Ст. 1566. XIV. 15. Ст. 1588. XIV. 18.

4) Ст. 1529. XIII. 13. 14. 25. Ст. 1566. XIV. 14. 15. Ст. 1566. XIV. 17. 18.

какого значенія только, когда выданный на муку „зналъ зелье“, имѣлъ *чары*, „во оной муцѣ для чаровъ якобы спалъ“. Зелейникъ, у котораго найдены чары въ устахъ, волосахъ, подъ пахою или въ другомъ мѣстѣ, подлежалъ полному наказанію и безъ сознанія въ преступленіи 1).

2. *Судебный приговоръ*.—Русская Правда почти не касается вопроса о постановленіи и исполненіи судебныхъ рѣшеній. Есть только указанія на то, что судьи признавали отвѣтчика обвиненнымъ или оправданнымъ и сообразно съ этимъ подвергали его наказанію или освобождали отъ него. Самый порядокъ постановленія и исполненія приговоровъ основывался на обычаяхъ 2).

Тѣ же обычаи долго удерживались въ литовскомъ законодательствѣ. Законодательство касается судебныхъ приговоровъ только въ періодъ послѣднихъ двухъ Статутовъ. Въ нихъ встрѣчаемъ нѣсколько постановленій о составленіи и исполненіи приговоровъ.

Доводъ и отводъ сторонъ, вмѣстѣ съ „сознаньемъ“ добрыхъ людей и вижовъ, были по литовскимъ законамъ главнымъ основаніемъ судебныхъ приговоровъ. Судьи излагаютъ свои рѣшенія въ *декретахъ*, обнимавшихъ всякія урядовыя „сказанья и отправы“. Въ земскомъ урядѣ декреты постановлялись по „вотамъ“ судьи и подсудка,—въ гродскомъ по вотамъ воеводы или старосты „посполу“ съ замковымъ урядомъ (намѣстникомъ или подстаростою и замковымъ судьею). Писари (земскіе и замковые) составляли „цедулы“—акты судебныхъ приговоровъ, за подписью уряда, и вносили ихъ въ книги гродскія или земскія, изъ коихъ послѣ дѣлались всякія судовыя выписи и отправы 3).

Постановленія Литовскихъ Статутовъ объ *исполненіи* судебныхъ рѣшеній особенно важны для насъ. Основанные на древне-славянскихъ обычаяхъ 4), они даютъ, по крайней мѣрѣ, общее понятіе о

1) Ibid. См. также Zbiór, стр. 49.

2) Калачова Изслѣд., стр. 126. Ланге Изслѣд., стр. 127—128. 264.

3) Ст. 1529. VI. 2—7. Ст. 1566. IV. 1—4. 11. 20—21. Ст. 1588. IV. 1. 3. 4. 11. 37.

4) У чеховъ и моравовъ, напр., исполненіе рѣшеній судей зависѣло очень долго отъ истца. По словамъ Ирѣчька, частная расправа преобладала у нихъ даже въ XIII стол. Ограниченія мести являются только въ позднѣйшее время. Приговоръ обыкновенно

порядкахъ, какіе могли существовать въ періодъ Правды при исполненіи приговоровъ. Мы уже указывали на слѣды *частной расправы* въ литовскомъ законодательствѣ. Дозволяя истцу распоряжаться осужденнымъ по своему усмотрѣнію, законодательство слѣдовало старымъ порядкамъ, которые безспорно имѣли силу еще во время Русской Правды. Позже эти порядки совершенно исчезаютъ въ московскомъ законодательствѣ и ослабляются въ литовскомъ; но обычай еднанья и грабежа, узаконенный Литовскими Статутами, существовалъ въ западной Россіи во все время дѣйствія Статутовъ.

По „правѣ и всказанью" Литовскіе Статуты допускаютъ *еднанье* (umluva чешскаго права) между истцомъ и отвѣтчикомъ Какъ видно изъ Статутовъ, еднанье допускалось преимущественно тамъ, гдѣ дѣло шло о нарушеніи *правъ отдѣльныхъ лицъ.* Государственные преступники (зрадцы), подвергавшіеся или выволанью (если они до суда уходили изъ отечества), или смертной казни, не подлежали частной расправѣ,—приговоръ исполнялся надъ ними тотчасъ послѣ суда органами общественной власти (возными). Гдѣ преступленіе касалось отдѣльныхъ лицъ, тамъ исполненіе приговора зависѣло прежде всего отъ нихъ. Посредствомъ еднанья, преступникъ, къ какому бы наказанію ни былъ приговоренъ судомъ, могъ освободиться отъ него по согласію съ обиженнымъ. Послѣдній могъ требовать исполненія наказанія надъ виновнымъ (преступникъ тогда выдавался ему на казнь), но могъ и мириться съ преступникомъ, путемъ выкупа или другимъ образомъ. Единственное ограниченіе еднанья состояло въ томъ, что оно могло совершаться не иначе, какъ предъ вижемъ (дѣцкимъ, позже вознымъ).

исполнялся путемъ *сговора* (umluwa) тяжущихся о платѣ за обиду. Если виновный не соглашался съ истцомъ о платѣ, то допускался *vsvod*—то же, что по литовскому праву означалъ грабежъ, увязанье въ имѣніе виновнаго. При упорствѣ виновнаго и послѣ взвода, допускалось *ponovàni* (dominatio), вслѣдствіе котораго имѣніе виновнаго оставлялось въ пользованіи истца. Если виновный и за тѣмъ сопротивлялся, то наступалъ послѣдній актъ исполненія приговора—*odhadani* или *vdedeni* (прасужденіе имѣнія въ полную собственность истца). См. Архивъ Калачова, кн. 6, стр. 60—61.—Подобные же порядки можно отчасти замѣчать въ польскомъ правѣ: *досыть-учиненье* и *закладъ* Вислицкаго Статута напоминаютъ взводъ и другіе акты чешскаго права. См. Ак. I. 2, п. 25, 26.

Присутствіе вижа вообще было необходимо при исполненіи судебныхъ рѣшеній. По первому Статуту *„расправа"* производится самимъ истцомъ, въ присутствіи добрыхъ людей и вижа; въ послѣдующихъ Статутахъ возный выступаетъ на первый планъ, самъ (при добрыхъ людяхъ) производитъ всякую „отправу рѣчей суженныхъ" 1).

Литовское законодательство объясняетъ также старинные русскіе порядки, наблюдавшіеся въ случаѣ уклоненія осужденнаго отъ исполненія судебнаго приговора или вообще удовлетворенія обиженнаго. Главною мѣрою здѣсь издавна былъ *грабежъ* (vsvod чешскаго права)—конфискація имѣнія осужденнаго съ отдачей его во владѣніе истца. Посредствомъ грабежа исполнялись въ старое время приговоры урядоваго и общиннаго суда. Въ XVI столѣтіи, вмѣстѣ съ запрещеніемъ заповѣди на торгу, стали запрещать и безврядные грабежи, учиненные безъ вѣдома уряда 2). Въ періодъ Статутовъ допускался только урядовый грабежъ, производимый истцомъ въ присутствіи судей и дѣцкаго. По первому Статуту, судьи, присутствовавшіе при грабежѣ, назначаютъ срокъ *выкупа* пограбленнаго имѣнія, подъ угрозою „страченья" его въ случаѣ невыкупа въ срокъ 3).

Со времени Волынскаго Статута грабежъ получилъ новую форму. При „впорѣ и непослушенствѣ" виновнаго, замковый урядъ долженъ обослать всю шляхту того повѣта, гдѣ живетъ виновный, приглашая ее на *„повѣтовое взрушенье"*, для поимки ослушника и для грабежа его имѣнья (половины въ пользу истца, другой—въ пользу господаря). По урядовому воланью, шляхта должна являться на взрушенье, какъ на войну. Если виновный не явится въ судъ и послѣ взрушенья,

---

1) Еднанье не было нововведеніемъ во время Статутовъ. Это видно изъ того, что о еднаньи, или *мирщинѣ*, говорится еще въ актахъ, изданныхъ до Статута, напр. въ Витебскомъ привилеѣ 1503 г. См. Ак. I. 204. Ср. Ст. 1529. VI. 34—36. Ст. 1566. IV. 67—68. Ст. 1588. IV. 93—98.

2) По первому Статуту, общинные судьи должны производить грабежъ съ вѣдома уряда, брать урядоваго вижа и при немъ грабить. Ст. 1529. VI. 31.

3) Ак. II. 30. 164. Ст. 1529. VI. 31. XII. 4. 5. Ст. 1566. XIII. 4.

то, за явное сопротивленіе „рамени и звирхности“ уряда, онъ карается *горломъ или выволаньемъ* 1). Впрочемъ, повѣтовое взрушенье вскорѣ отмѣнено конституціею 1578 г. Грабежъ оставленъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ издавна, съ тѣмъ различіемъ, что послѣ грабежа виновный зовется на господарскій судъ, а если не явится, то подвергается выволанью 2).

II. *Особенные порядки процесса.* Переходя къ процессуальнымъ различіямъ, установленнымъ Правдою и литовскимъ законодательствомъ въ производствѣ суда по нѣкоторымъ дѣламъ, обратимъ вниманіе на сходные институты процесса по убійству, татьбѣ, поземельнымъ, долговымъ и другимъ вещнымъ искамъ. Мы увидимъ, что литовское законодательство очень долго удерживаетъ здѣсь почти всѣ главныя положенія Правды, безъ особенно важныхъ перемѣнъ.

1. *Процессъ по убійству.* Русская Правда ничего не говоритъ о порядкѣ процесса въ случаѣ поимки убійцы на мѣстѣ преступленія. Въ ней все вниманіе обращено на процессъ по поклепу. Литовское законодательство восполнило пробѣлы Правды, хотя въ немъ и сгладились нѣкоторыя особенности процесса Правды (напр., желѣзо и договоръ виры).

a) Въ старомъ Статутѣ еще не встрѣчаемъ постановленій о процессѣ въ случаѣ *поимки убійцы на преступленіи.* О немъ говорится въ слѣдующихъ Статутахъ. Преступникъ, пойманный „на горячомъ учинку“, судится безъ позва, на основаніи одной *присяги* истца съ свидѣтелями. Обвиненный допускается къ отводу, когда жалобная сторона не будетъ имѣть полнаго довода 3).

b) Другіе порядки наблюдались, когда убійца не пойманъ на преступленіи, но есть *улики* противъ него. Русская Правда принимаетъ въ этомъ случаѣ поклепъ за основаніе процесса. Виновнаго уличали „рѣчами *свободныхъ людей*“ и даже холоповъ (по нужѣ). Для обвиненнаго допускался отводъ посредствомъ *очистниковъ* (7-ми,

---

1) Ст. 1566. IV. 67.

2) См. Статутовыя поправы предъ третьимъ Статутомъ, въ Временникѣ 1855, кн. 23, стр. 207—210. Ср. Ст. 1588. IV. 93—98.

3) Обвиненный допускался къ доводу съ тѣмъ, чтобы онъ доказалъ свидѣтелями (двумя), что убійство сдѣлано имъ въ оборонѣ, „за початкомъ“ убитаго. Ст. 1566. IV. 20. Ст. 1588. IV. 37. XII. 1.

если онъ мѣстный житель, и *2-хъ,* если—варягъ, колбягъ и вообще чужеземецъ) При недостаткѣ очистниковъ, допускается испытаніе *желѣзомъ* 1).

Въ тѣхъ же случаяхъ литовское законодательство требуетъ немедленнаго поволанья и оказыванья убійства или гвалта *околичнымъ сосѣдямъ, сторонѣ.* За тѣмъ истецъ посылаетъ сторону въ урядъ, „волаетъ къ праву, ожалуетъ стороною вряду замковому", беретъ урядоваго вижа, для оказыванья и осмотра преступленія на мѣстѣ, при сосѣдяхъ, и наконецъ позываетъ къ суду убійцу или вообще того, на кого падаетъ подозрѣніе въ убійствѣ. *Сведомъ* (показанія сосѣдей и вижа) служитъ главнымъ доводомъ истца, который „допиралъ" имъ свое обвиненье (воланье). Если не было сведома, то истецъ могъ искать удовлетворенія другимъ путемъ. Истецъ могъ представить поличное, знаки и всякія *улики,* указывающія на извѣстное лицо, какъ на убійцу, могъ этимъ „поконать" отвѣтчика, при помощи своей присяги съ домашними (женою, дѣтьми и слугами). Отвѣтчикъ допускается къ отводу, когда онъ неповоланный, неподозрѣнный человѣкъ, и когда близкіе убитаго (главные истцы) не присягнутъ, „ижъ при томъ не были", поступятся присягою отвѣтчику. Послѣдній долженъ въ такомъ случаѣ представить шесть *очистниковъ,* съ которыми и *присягаетъ;* иначе онъ осуждается по доводу истца.

---

1) Русская Правда, какъ мы видѣли, допускаетъ договоръ виры: члены общины, „влагавшіеся" въ виру, обязывались помагать взаимно въ платежѣ виры. Если поклепъ направлялся противъ одного изъ членовъ, вложившихся въ виру, то, очевидно, въ интересѣ всѣхъ членовъ было „отсочить" поклепъ; иначе, при неотсоченьи, они обязаны были платить виру вмѣстѣ съ виновнымъ. *Для такого-то отсоченья поклепа, касавшагося общины,* послѣдняя и выставляла очистниковъ. Въ ихъ лицѣ вся община, влагавшаяся въ виру, принимала самое дѣятельное участіе въ процессѣ.—Такимъ образомъ, институтъ очистниковъ процесса по убійству состоялъ въ самой тѣсной связи съ институтомъ договорной виры. Въ интересѣ же общины, Правда установляетъ другой способъ отсоченья поклепа (желѣзо), когда, по какой-либо причинѣ (въ особенности если обвиняемый не пользуется въ общинѣ доброю славою), не окажется на лицо очистниковъ и общинѣ будетъ угрожать взысканіе за члена, не пользующагося въ ней доброю славою, преступленіе котораго не совсѣмъ однакожъ доказано. Въ такихъ случаяхъ обвиняемый подлежалъ испытанію желѣзомъ.

Очистниковъ и желѣзо Правды литовское законодательство соединяетъ въ одномъ институтѣ очистительной присяги (самъ-семъ) 1).

с) Если вовсе *неизвѣстенъ убійца*, то по Русской Правдѣ „голову" отводитъ вся община, вервь, на землѣ которой „лежала голова": вервь должна была выдать убійцу, или платить дикую виру. Какія наблюдались при этомъ судебныя дѣйствія, Правда ничего не говоритъ. Она выставила только общее положеніе объ отвѣтственности общины,—самый процессъ основывался на обычаѣ. Извѣстно только, что процессъ не всегда вчинался при неизвѣстности убійцы. Община отвѣчала только тогда, когда самъ убитый извѣстенъ, и не отвѣчала „на костехъ и по мертвеци, оже имени не вѣдаютъ и не знаютъ его" 2).

Общія правила Правды удерживаются въ литовскомъ законодательствѣ, съ тѣмъ различіемъ, что оно не оставляетъ безъ изслѣдованія и наказанія убійства людей „*безплеменныхъ* и *перехожихъ*", т. е. неизвѣстныхъ мѣстнымъ жителямъ и не имѣвшихъ „близкихъ" (которые могли бы явиться обвинителями и искать по убитомъ удовлетворенія). Кромѣ объясненія выраженія Правды „на костехъ и по мертвеци" 3), статутовыя постановленія объ убійствѣ безплеменныхъ

---

1) Ст. 1529. VII. 2. 16. 17. 21. 23. Ст. 1566. XI. 1. 10. 18. 19. 23. 35 Ст. 1588. XI. 2. 10. 21. 30. 31. Въ литовскомъ законодательствѣ исчезло уже учрежденіе договорной виры: наличный преступникъ отвѣчалъ самъ, безъ подмоги общины въ платежѣ пени. Отсюда и процессъ по убійству долженъ былъ упроститься. Литовское законодательство уравновѣшиваетъ судебныя средства защиты истца и отвѣтчика, не даетъ отвѣтчику нѣсколькихъ способовъ къ отсоченью обвиненія, предоставляемыхъ ему Правдою, какъ мы видѣли, прежде всего въ интересахъ общинныхъ. Испытанія, допускавшіяся въ такихъ интересахъ, исчезаютъ въ литовскомъ процессѣ, или, какъ мы сказали, сливаются съ присягою. За то, остальныя части процесса Правды вполнѣ удерживаются въ процессѣ литовскомъ. Кромѣ очистниковъ, литовскій процессъ полнѣе и отчетливѣе развилъ первоначальныя судебныя дѣйствія—поволанье, осмотръ, позовъ, доводъ истца и отводъ отвѣтчика, въ главномъ оставаясь вѣрнымъ процессу Правды.

2) Калачова, стр. 127. Ланге, стр. 247—253.

3) Безотвѣтственность общины „на костехъ и по мертвеци", по словамъ Чебышева-Дмитріева (см. его Изслѣд. о преступномъ дѣйствіи по рус. до-петров. праву), объясняется розныю общинъ,—тѣмъ, что лицо неизвѣстное, не принадлежавшее къ общинѣ, не

людей для насъ важны въ особенности потому, что они объясняютъ старинные процессуальные порядки, наблюдавшіеся издавна при неизвѣстности убійцы.

Въ случаѣ открытія трупа, при неизвѣстности самаго убійцы и близкихъ убитаго, главнымъ обвинителемъ является урядъ. По давнему обычаю, онъ прежде всего обращается къ общинѣ, на землѣ которой найденъ трупъ, съ требованіемъ выдать убійцу, отвести отъ себя обвиненіе или платить головщину. Верви Правды соотвѣтствуетъ въ этомъ случаѣ *копа (купа)*, созванная „въ околъ по две мили" изъ жителей околичныхъ селъ и мѣстечекъ. Послѣ открытія трупа, „того жъ часу", замковый урядъ обсылаетъ мѣщанъ и людей сельскихъ (шляхетскихъ и господарскихъ), приглашая ихъ на копу „для опыта". Копа созывалась вознымъ посредствомъ „оголошанья" на торгу и въ другихъ многолюдныхъ мѣстахъ. На копѣ урядъ „вывѣдывалъ" о забитьи и убійцѣ. Если опытъ не былъ успѣшенъ, то созывалась другая копа, а если и она не давала никакихъ результатовъ, то составлялась „присяжная" копа изъ „старшихъ"

считалось правоспособнымъ, и потому его убійство не влекло никакихъ взысканій. Намъ кажется, что изложенное положеніе Правды объясняется гораздо проще, именно преобладаніемъ въ Правдѣ обвинительныхъ началъ гражданскаго процесса. Процессъ во время Правды возникалъ всегда по иску обиженнаго или его близкихъ,— гдѣ не было истца и не извѣстенъ самъ преступникъ, тамъ не могъ имѣть мѣста и процессъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ: „на костехъ и по мертвеци" некому было искать. Лит. Статутъ, въ статьѣ о „забитьи человѣка безплеменнаго и переѣждчого", объясняетъ значеніе послѣдняго, какъ человѣка, „*котораго головщины искати не будетъ кому*". Такое же значеніе, очевидно, нужно давать „костямъ и мертвецу" Правды. При убійствѣ человѣка, не имѣвшаго близкихъ и вообще „отместниковъ", процессъ могъ возникнуть только въ одномъ случаѣ, когда извѣстенъ убійца и преступленіе совершено явно: ябетникъ, сокъ, очевидно могъ являться тогда обвинителемъ (сокъ сочилъ только противъ извѣстныхъ или подозрѣваемыхъ преступниковъ). Если не извѣстенъ убійца и нѣтъ отместниковъ убитаго, то преступленіе, само собою, оставалось не наказаннымъ, тѣмъ менѣе могла падать отвѣтственность на общину. Въ этомъ случаѣ мало имѣла значенія общинная рознь и еще меньше положеніе о безправности лицъ, не принадлежавшихъ къ общинѣ. Отмѣна подобнаго положенія въ жизни и правѣ, напротивъ, есть существенная заслуга Правды.

всѣхъ околичныхъ селъ и мѣстечекъ — изъ войтовъ, лавниковъ и другихъ мужей добрыхъ, вѣры годныхъ. Каждое село выставляло по три „обранныхъ мужа, копника". Они приводились къ присягѣ и давали показанія о томъ, что не они причиною забитья и не знаютъ мужебойца. Если копники не явятся на копу или не присягнутъ, то они платятъ головщину, а сами могутъ искать виновнаго. Головщина хранится урядомъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ, для отдачи ея близкимъ убитаго (если явятся), и за тѣмъ поступаетъ въ пользу уряда и госпиталя (пополамъ) 1).

2. *Процессъ по татьбѣ (злодѣйству).* Здѣсь встрѣчаемъ еще больше процессуальныхъ особенностей. Правда, впрочемъ, содержитъ почти одни намеки по многимъ существеннымъ вопросамъ. Для объясненія такихъ намековъ, литовское законодательство можетъ служить очень важнымъ пособіемъ: въ немъ институты Правды приняли законченныя формы.

Процессъ по татьбѣ установляется различно, смотря по тому, пойманъ ли тать „при лицы", или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ стоитъ на первомъ планѣ, или открытіе поличнаго въ постороннихъ рукахъ, или слѣды, оставленные воромъ, или наконецъ обвиненіе въ татьбѣ, направленное противъ отдѣльныхъ лицъ и даже общины.

а) Правда говоритъ не ясно о порядкѣ процесса, въ случаѣ поимки татя *при лицы* 2). Изъ Литовскаго Судебника можно заключать, что въ этомъ случаѣ тать считался виновнымъ, въ силу самаго факта поимки его при лицы 3). Статуты требуютъ при этомъ довода, но безъ позва. Доводъ производится на общемъ основаніи 4).

b) Если тать не пойманъ на мѣстѣ кражи, то по Правдѣ истецъ долженъ прежде всего „заповѣсть, закликать на торгу". Объявленіе на торгу имѣло важное значеніе: хозяинъ пропавшей вещи, объявивъ о ней, могъ послѣ брать ее у всякаго, у кого она отыскивалась, безъ особенныхъ судебныхъ формъ 5).

---

1) Эти постановленія, взятыя изъ обычаевъ, принадлежатъ послѣднимъ двумъ Статутамъ. Ст. 1566. XI. 31. Ст. 1588. XI. 26.

2) Извѣстно только, что тать отводился на княжъ дворъ. См. Ланге, стр. 240—241.

3) Zbiór, стр. 37. 40. 47. 48. Ак. I. 67.

4) Ст. 1529. XIII. 12. Ст. 1566. XIV. 13. Ст. 1588. XIV. 16.

5) Калачова, стр. 128. 129. Въ старое время объявленіе на торгу составляло обще-славянскій обычай. Такъ, по древнему чеш-

Институтъ публичнаго объявленія о кражѣ вещей удерживается также литовскимъ законодательствомъ, хотя и не съ тѣмъ значеніемъ, какое дается ему Правдою. Литовскій Судебникъ и Статуты требуютъ *заклича* или *объявленія* на торгу, — *поволанья*, объявленія о татьбѣ сосѣдямъ, околицѣ: поволанье послѣ принимается за одинъ изъ важныхъ доводовъ истца 1). Но ни откуда не видно, чтобы литовское законодательство придавало поволанью, въ дѣлахъ по татьбѣ, такую рѣшительную силу, какая допускается Правдою. Законъ принимаетъ за общее правило, чтобы истецъ, познавъ свою вещь въ рукахъ другаго лица, представлялъ его въ урядъ, для разбирательства дѣла на общемъ основаніи 2).

c) Иной порядокъ имѣлъ процессъ, когда истецъ, не сдѣлавъ объявленія о пропажѣ, познавалъ послѣ свою вещь у другаго. Процессъ иначе производился, когда отвѣтчикъ не зналъ, отъ кого именно

скому законодательству (XI—XIII стол.), хозяинъ пропавшей или украденной вещи долженъ былъ сдѣлать оповѣдь (rhem), показать созванному народу особенности вещи, чтобы каждый ее зналъ, и за тѣмъ могъ брать ее, у кого найдетъ, безъ суда, вслѣдствіе одного объявленія. Безъ суда нельзя было брать познанной вещи только тогда, когда не объявлено о ея пропажѣ. См. Изслѣд. Ирѣчька, въ Арх. Калачова, кн. 6, стр. 39. 40.—Эти постановленія, какъ нельзя лучше, опровергаютъ мнѣніе Ланге о маловажномъ значеніи объявленія на торгу (см. его Изслѣд., стр. 242—243). Бытъ русскихъ и чеховъ въ XI — XIII стол. былъ одинаковъ. У нихъ объявленіе общинѣ дѣлалось по кражѣ, убійству и другимъ преступленіямъ, въ преслѣдованіи которыхъ требовалось участіе и помощь общины. Объявленіе на торгу было существенною принадлежностію стараго быта, когда община всецѣло обнимала жизнь своихъ членовъ, иногда должна была знать о каждомъ ихъ шагѣ (часто даже въ семейной жизни), была для нихъ тѣмъ, что теперь значитъ общественная власть. Институты стараго времени нельзя объяснять съ точки нашихъ воззрѣній на право и жизнь, какъ это нерѣдко дѣлаетъ Ланге. Въ наше время защищается фактъ владѣнія,—безъ суда нельзя его нарушать. Не такъ было въ старое время, какъ это ясно видно изъ вышеприведенныхъ постановленій объ объявленіи на торгу.

1) Zbiór, стр. 41. 48. 49. Ст. 1529. XIII. 25 и др.

2) Ст. 1529. XIII. 2. 17. Ст. 1566. XIV. 5. Ст. 1588. XIV. 5. Прежнее значеніе заклича на торгу съ его послѣдствіями (правомъ истца брать свою вещь безъ суда) удерживаетъ литовское законодательство, какъ мы видѣли, только по дѣламъ о бѣглыхъ челядникахъ. См. ниже.

досталась ему вещь, и иначе, когда онъ указывалъ на лицо, отъ котораго пріобрѣтена вещь.

Въ первомъ случаѣ отвѣтчикъ долженъ, по Правдѣ, представить двухъ *свободныхъ мужей* или *мытника*, при которыхъ пріобрѣтена вещь: лицо отдается истцу, а отвѣтчикъ теряетъ свои деньги. Точно также, по Литовскимъ Статутамъ, тотъ, у кого „застато" лицо, долженъ указать на „*боришниковъ*" 1) (соотвѣтствующихъ мытнику Правды), бывшихъ при покупкѣ вещи, или высвѣтчить себя *добрыми людьми* въ томъ, что онъ пріобрѣлъ вещь явно, на вольномъ торгу (in foro publico) или на войнѣ. Отвѣтчикъ возвращаетъ вещь ея хозяину, оставляя за собою право искать свои деньги на томъ, отъ кого пріобрѣтена имъ вещь. Если боришники не подтвердятъ показанія отвѣтчика о томъ, что вещь куплена предъ ними, и отвѣтчикъ не будетъ имѣть другаго довода, то онъ наказывается, „яко злодѣй" 2).

Если отвѣтчикъ ссылался на извѣстнаго ему продавца вещи, то въ такомъ случаѣ установлялся такъ называемый *сводъ* 3).

Русская Правда различаетъ сводъ въ городѣ и сводъ по землямъ или конамъ (кунамъ). Въ *городѣ* сводъ продолжается, пока не откроется настоящій тать; по *землямъ* же, или, какъ говорится въ другой статьѣ, по *конамъ* (кунамъ), истецъ идетъ только до 3-го свода: третій, на которомъ остановился сводъ, беретъ поличное, платитъ истцу его цѣну, или даетъ равноцѣнную вещь, и идетъ, при видокѣ, съ поличнымъ до конечнаго свода. Изъ своего города въ *чужую землю* нѣтъ свода: отвѣтчикъ въ этомъ случаѣ долженъ оправдаться двумя послухами или мытникомъ. Правда не опредѣляетъ

---

1) По латинскому тексту—*arbitri* или *mercipotores*. Zbiór, стр. 387.

2) Ст. 1529. XIII. 17. 18. 25. Ст. 1566. XIV. 2. Ст. 1588. XIV. 1. 3.

3) Ланге называетъ сводъ *очною ставкою*, на которой повѣрялась ссылка отвѣтчика на другое лицо. Такое понятіе свода не совсѣмъ точно опредѣляетъ сущность этого института. Сводъ нельзя уподоблять теперешней очной ставкѣ. Ставка—только часть процесса, имѣетъ такъ сказать партикулярное значеніе, уравнивается съ свидѣтельскими показаніями. Сводъ же обнималъ цѣлый процессъ. Ему нужно давать болѣе широкое значеніе, чѣмъ ставка,—значеніе *словеснаго суда*, разбирательства дѣла, на которомъ рѣшался фактическій и юридическій вопросъ. Сводъ былъ одною изъ главныхъ формъ *общиннаго* суда.

точно, самъ ли истецъ ведетъ сводъ, или тутъ требовалось еще присутствіе другихъ лицъ 1).

Сводъ Правды цѣликомъ встрѣчается въ древнемъ чешскомъ правѣ. У чеховъ и моравовъ, хозяинъ покраденной вещи, познавши ее у другаго, безъ объявленія на торгу, долженъ былъ звать отвѣтчика на сводъ (svod). Сводъ производился по осадамъ (конамъ Правды), состоявшимъ изъ близкихъ поселянъ, въ присутствіи пословъ (дѣцкихъ Правды). Сводъ состоялъ въ томъ, что новый владѣлецъ вещи (svodnik) былъ вызываемъ ея хозяиномъ (povod) на указаніе того лица, отъ котораго пріобрѣтена вещь. Этотъ третій, въ свою очередь, долженъ былъ показать своего предшественника (оправца, сукупа) въ владѣніи вещію. Сводъ шелъ отъ одного оправца къ другому до тѣхъ поръ, пока не доходили до „конечнаго", который не могъ сослаться на своего оправцу и потому признавался воромъ. Въ концѣ XII столѣтія принято было за правило—вести сводъ только

---

1) Только въ одномъ мѣстѣ говорится о *видокѣ*, при которомъ отвѣтчикъ, послѣ 3-го свода по конамъ, розыскиваетъ настоящаго татя челядина. См. Калачова Изслѣд., CXXVII.—Большинство нашихъ историковъ видитъ въ *конахъ* общинные (городскіе) суды изъ выборныхъ старцевъ, сходные съ институтомъ jury. См. Плошинскаго о городскомъ или среднемъ состояніи русскаго народа, стр. 27. Другіе, какъ Ланге, полагаютъ, что выраженіе „по кономъ" означаетъ „по закону", не приводя однакожъ никакихъ основаній своего мнѣнія. См. Ланге Изслѣд., стр. 234. Замѣтимъ прежде всего, что коны уравниваются не съ городомъ, а съ землею: въ городѣ искъ ведется до конца свода, по конамъ же, какъ и по землямъ, только до 3-го свода. Между тѣмъ, землею называется въ Правдѣ вообще область за чертою города—волости, сельскія общины (было и другое значеніе земли, но оно сюда не относится). Коны уравниваются съ землею, были слѣдовательно *волостными*, а не городскими учрежденіями, противополагались торгу—сходкѣ, которая имѣла мѣсто въ городѣ между городскими жителями. Подъ конами нужно разумѣть, какъ намъ кажется, *крестьянскіе суды*, производившіеся въ старое время на сходкахъ, какъ по городамъ—на торгу. Мы увидимъ, что по литовскому праву слѣдъ гонится такою же сходкою—*копою* (купою); кромѣ того, чешскія *осады* вполнѣ сходны съ конами Правды и купами литовскаго законодательства, а они имѣли общее значеніе сельскихъ сходокъ для оповѣди, позвовъ, свода и пр. Ничто не мѣшаетъ допустить тождественности коновъ съ чешскими осадами и литовско-русскими копами. По крайней мѣрѣ, на это указываютъ статьи Правды, уравнивающія земли съ конами.

до 3-го сводника и при немъ остановиться. Не видно, чтобы было различіе между сводомъ въ городѣ и по землямъ 1).

Сводъ не измѣнилъ своей сущности въ литовскомъ законодательствѣ. Перемѣну можно видѣть лишь въ томъ, что въ періодъ Правды сводъ удерживалъ чисто общинныя формы, производился на сходкахъ городскихъ и сельскихъ, тогда какъ, во время Литовскихъ Статутовъ (въ особенности послѣднихъ двухъ редакцій), такія сходки потеряли прежнее самостоятельное значеніе и сводъ производился урядовымъ порядкомъ, предъ судьями.

Въ старомъ Статутѣ говорится о сводѣ въ общихъ чертахъ. Отвѣтчикъ, у котораго „застато" лицо, долженъ былъ указать „*заводцу*"—лицо, отъ котораго досталась краденная вещь, представить его въ урядъ и отвести отъ себя обвиненіе. Статутъ удерживаетъ правило Правды о томъ, что въ *чужую землю* нѣтъ свода: стороны и заводцы (ихъ можетъ быть нѣсколько) должны жить въ одной „землѣ",—иначе, т. е. при ссылкѣ на заводцу чужой земли, истецъ доискивается своего права такъ же, какъ и при неизвѣстности лица, отъ котораго отвѣтчикъ пріобрѣлъ вещь 2).

Болѣе подробныя постановленія о сводѣ *(зводъ)* встрѣчаемъ въ Волынскомъ и третьемъ Статутахъ. Въ ихъ время исчезло уже различіе между сводомъ въ городѣ и по землямъ: истецъ во всякомъ случаѣ долженъ вести дѣло до „остатного или достаточного звода". Тотъ, у кого находится лицо, долженъ указать своего *заводцу*, представивъ его въ мѣстный урядъ. Если заводца заступитъ отвѣтчика, покажетъ, что послѣдній дѣйствительно досталъ отъ него вещь, то заводца становится „*заступцемъ*", обязанъ выкупить лицо, т. е. возвратить деньги, полученныя имъ за вещь, и указать новаго заводцу. Каждый оправдавшійся заводца получалъ отъ своего заступца, кромѣ „*выкупенья*", еще *навезку*, смотря по его стану. Если заводца не поставитъ предъ урядомъ *достаточнаго звода* и не очиститъ себя другимъ доводомъ (боришниками и пр.), то онъ наказывается, какъ злодѣй. Статуты запрещаютъ заводцамъ или заступцамъ „браться

---

1) См. Изслѣд. Ирѣчька, въ Архивѣ Калачова, кн. 6, стр. 40—41.

2) Въ литовскихъ памятникахъ землею называется иногда повѣтъ, иногда воеводство. Въ Статутахъ сводъ не допускается въ округъ другаго *уряда*. См. напр. Ст. 1529. XIII. 17. Заводца въ латинскомъ текстѣ называется *evictor*. См. Zbiór, стр. 387.

на *иншій зводъ*, хотечи вести отъ суда вяду нашего на иншого заступцу до иншого вряду". *Врядъ* соотвѣтствуетъ въ этомъ случаѣ чужой землѣ (въ смыслѣ области, страны) Правды и стараго Статута. По общему правилу, заводцы должны представлять своихъ заступцевъ, до *остатняго* звода, предъ тѣмъ урядомъ, „гдѣ ся *початокъ* сталъ зводу" 1).

d) Процессъ по татьбѣ могъ начинаться на основаніи *слѣдовъ*, оставшихся послѣ татьбы.

Правда установляетъ въ этомъ случаѣ гоненіе слѣда, съ цѣлью открытія или поимки татя. Истецъ гонитъ слѣдъ съ чужими людьми 2), послухами. Если слѣдъ приведетъ къ селу или „товару" 3), то жители села или хозяинъ товара должны „отсочить" 4) отъ себя слѣдъ или ѣхать съ истцомъ на слѣдъ: „а не отсочатъ отъ себе слѣда и ни ѣдутъ на слѣдъ или отобіються" — платятъ татьбу и продажу. Гоненіе слѣда прекращается и истецъ не получаетъ никакого воз-

---

1) Ст. 1566. XIV. 2. Ст. 1588. XIV. 1. 3.

2) Ланге называетъ чужихъ людей *понятыми*. Намъ кажется, что они имѣли болѣе широкое значеніе. Понятые—простые свидѣтели, показывающіе на судѣ объ извѣстныхъ имъ обстоятельствахъ. Напротивъ, чужіе люди Правды, соединяя въ себѣ значеніе понятыхъ, относились къ дѣлу, не только какъ простые свидѣтели, но и какъ судьи. См. Демченка, стр. 22—23. Чужіе люди соотвѣтствуютъ околичнымъ сосѣдямъ, сторонѣ литовскаго процесса, осадѣ чешскаго, а эти учрежденія имѣли важное значеніе въ процессѣ.

3) *Товаръ*, по мнѣнію Ланге, означаетъ обозъ, станъ. Изъ соображенія статей, въ которыхъ говорится о товарѣ, нужно скорѣе заключать, что товаръ означалъ вообще предметъ частной собственности. Въ настоящемъ случаѣ нужно видѣть въ немъ жилое мѣсто—домъ. Въ статьяхъ Лит. Статутовъ о слѣдѣ хозяинъ товара Правды замѣняется хозяиномъ дома. То же видно изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи, приводимаго у Ланге: „и принесоша й еле жива въ товары" (домъ). См. Ланге, стр. 214.

4) *Отсоченье* слѣда отъ села или товара нельзя смѣшивать съ выѣздомъ на слѣдъ, какъ это дѣлаетъ Ланге. Правда ясно отличаетъ отсоченье отъ выѣзда на слѣдъ: они исключаютъ другъ друга. Отсочить, отвести, значило по древнему русскому праву отклонить обвиненіе обнаруженіемъ настоящаго преступника. Если село ѣхало на слѣдъ, то оно еще не отводило отъ себя обвиненія. Отсоченье слѣда равнозначительно съ выдачею или указаніемъ настоящаго татя, такъ что, если село не выдаетъ его, не отсочитъ слѣда, то должно, или помогать истцу въ отысканіи вора, выѣздомъ на слѣдъ, или платить татьбу. Гоненье слѣда съ общиною и дикая вира имѣютъ

награжденія, когда слѣдъ теряется на большой дорогѣ (гостинцѣ велицѣ) или въ пустомъ, безлюдномъ мѣстѣ 1).

Въ Литовскихъ Статутахъ встрѣчаемъ подобныя же постановленія о „*гоненьи слѣда* (vestigium) въ якой кольвекъ шкодѣ покраденной". Въ первомъ Статутѣ говорится о преслѣдованіи вора по слѣду, какъ объ учрежденіи, основанномъ на обычаяхъ 2). Подробныя постановленія принадлежатъ послѣдующимъ Статутамъ. Гоненіе слѣда производилось слѣдующимъ образомъ. Истецъ, „поднявъ" слѣдъ своей шкоды, созывалъ по давнему обычаю копу изъ добрыхъ людей, околичныхъ сосѣдей, и гонилъ съ ними слѣдъ. Если слѣдъ приведетъ къ какому-либо селу или дому, то истецъ посылаетъ въ нихъ добрыхъ людей, съ требованіемъ выдатъ вора, или вывести слѣдъ „зъ грунту земли села своего". Село или хозяинъ дома, не выдававшіе вора, должны взять у прибывшей копы слѣдъ и вывести его до другой границы, куда приведетъ слѣдъ. Если село не выведетъ слѣда, отобьется отъ него или уничтожитъ слѣдъ, то копа, остановившаяся на гоненьи слѣда, посылаетъ за вознымъ, „осумовываетъ" съ нимъ шкоду, на основаніи присяжныхъ показаній истца (самъ-треть), и „прилагаетъ" свое осумованье къ селу. Копа съ вознымъ объявляетъ за тѣмъ уряду гродскому, который назначаетъ срокъ уплаты. При отказѣ отъ уплаты, дѣло ведется по позву, „съ права", общимъ судебнымъ порядкомъ 3).

одинъ корень—круговую поруку, обязанность общины отвѣчать за своихъ членовъ по всякимъ преступленіямъ.

1) Калачова, стр. 129—131.

2) Лит. Ст. 1529. XIII. 2. 3.

3) Ст. 1566. XIV. 6. Ст. 1588. XIV. 9. Подобныя же учрежденія встрѣчаемъ въ древнее время у другихъ славянъ. Въ одномъ древнемъ польскомъ актѣ (1214) упоминается *slad* — повинность общины помогать истцу въ преслѣдованіи вора. Отъ нея свободны были мѣщане, владѣвшіе привилегіей на нѣмецкое право; См. Даниловича Skarbiec, I. стр. 57. № 64. Вислицкій Статутъ (1347) установляетъ по дѣламъ о злодѣйствѣ, между прочимъ, „погоню за злодѣемъ отъ сусѣдъ". По воланью обокраденнаго, сосѣди обязаны идти съ нимъ въ слѣдъ за злодѣемъ; если не захотятъ идти, то платятъ истцу его шкоду (Ак. I. 2. п. 49). Точно также, по древнему чешскому праву, сосѣди обязаны выходить на призывъ о помощи. Сосѣди составляли осаду (commune) и шли съ истцомъ по слѣдамъ (po stopê) вора. Если слѣдъ приводилъ къ селу или двору,

е) Наконецъ, процессъ по татьбѣ, при недостаткѣ лица и слѣдовъ, могъ производиться на основаніи одного *обвиненія*.

Правда допускаетъ въ этомъ случаѣ поклепъ по рѣчамъ свободныхъ людей и даже холоповъ, когда они изъявляли противъ кого либо обвиненіе въ кражѣ на томъ основаніи, что подозрѣваемый былъ задержанъ или видѣли его на мѣстѣ кражи, или по другой причинѣ 1). По рѣчамъ видоковъ отвѣтчикъ долженъ представить послуховъ—очистниковъ, или, вмѣсто того, подвергнуться испытанію (водою или желѣзомъ), или наконецъ идти на роту, смотря по цѣнности воровскихъ вещей.—Правда допускаетъ, кромѣ того, поклепъ въ татьбѣ противъ цѣлой общины (верви), обязанной отыскать татя или платить виру 2).

Литовское законодательство допускаетъ поволанье въ злодѣйствѣ

и жители ихъ, вызванные осадою, не отведутъ слѣда отъ своего селища, то платятъ истцу. Такой же отвѣтственности подлежатъ сосѣди истца, когда они, по его призыву, не выйдутъ на осаду и не помогутъ истцу въ преслѣдованіи вора: убытки истца вознаграждали сосѣди съобща. Эти учрежденія пали въ концѣ XII стол., когда снята была съ общинъ повинность взаимной помощи и отвѣтственности за своихъ членовъ. См. Архивъ Калачова, кн. 6, стр. 41—42. Тѣ же порядки были въ старое время въ Венгріи. См. Zbiór, стр. 48. примѣч. 27.

1) Такихъ послуховъ Ланге называетъ *послухами—запы*, отличая ихъ отъ послуховъ—очевидцевъ и давая имъ значеніе помочниковъ. Мы уже говорили о произвольномъ названіи ихъ послухами запы, какъ и очистниковъ—послухами доброй славы. Въ настоящемъ случаѣ послухи истца имѣютъ единственное значеніе очевидцевъ. Они показывали о томъ, что видѣли отвѣтчика задержаннымъ или ходившимъ близъ мѣста кражи. Даже, еслибы послухи изъявляли одно подозрѣніе (какъ думаетъ Ланге), то и на этомъ основаніи нельзя относить ихъ къ помощникамъ. Подозрѣніе должно всегда основываться на извѣстныхъ данныхъ, касающихся отвѣтчика. Послухи, изъявляя такое подозрѣніе, будутъ говорить только о томъ, что знаютъ или слышали о лицѣ, подозрѣваемомъ въ кражѣ. Помощники же вовсе не касались отвѣтчика; они только подкрѣпляли присягу истца показаніемъ, что онъ *вообще* не можетъ сочить, клепать напрасно, точно также, какъ очистники не касались истца и только утверждали, что отвѣтчикъ не могъ сдѣлать преступленія,—только подкрѣпляли его присягу, очищали его невинность.

2) О поклепѣ противъ общины говорится только въ статьѣ о покражѣ бобра и выдраніи пчелъ. См. Калачова, стр. 131. CXXIX.

не только противъ отдѣльныхъ лицъ, но и противъ цѣлой общины, даже противъ нѣсколькихъ общинъ. Истецъ могъ отыскивать пропажу, или посредствомъ „обыска“ частныхъ лицъ и цѣлаго села, или посредствомъ большой копы, составленной изъ нѣсколькихъ селъ и мѣстечекъ.

Обыскъ производитъ истецъ или сокъ въ присутствіи вижа и добрыхъ людей. Кто не дастъ „трясти“ домъ или другое мѣсто, тотъ, по *показаніямъ добрыхъ людей*, платитъ шкоду, имѣя право на отыскиваніе злодѣя. Хозяинъ дома, въ которомъ отыскано лицо, представляется въ урядъ, гдѣ дѣло рѣшается по показаніямъ свидѣтелей, присягѣ и мукѣ отвѣтчика. Испытанія Правды замѣнены муками 1).

Истецъ, не знавшій своего шкодника, но подозрѣвавшій его въ какомъ-либо селѣ, имѣлъ право „дать вину всему *селу*“. Село назначало, для отвода воланья, трехъ „мужей“ (vires) по выбору истца. Обранные мужи присягали въ томъ, что они не знаютъ шкодника. Если не послѣдуетъ присяги, то отвѣтственность падаетъ на все село 2).

Наконецъ, если истецъ хотѣлъ „шкоды своее доходити копою“, то люди и мѣщане цѣлой „*околицы*“ (верви Правды), въ окружности на милю, созывались на копу, на которой и розыскивался злодѣй такъ же, какъ и на копѣ по убійству безплеменнаго человѣка. О такихъ копахъ Статутъ говоритъ, какъ объ учрежденіи, бывшемъ здавна на Руси и инде“. Гдѣ копы не были въ обычаѣ, тамъ велѣно подкоморымъ назначать мѣста копъ (коповища) и списывать села, обязанныя становиться на копу. На копахъ держатся старые „порядки и поступки“, издавна существовавшіе на Руси 3).

Всѣ эти постановленія не были нововведеніями, представляютъ только развитіе древнихъ институтовъ, имѣвшихъ въ прежнее время силу у всѣхъ славянъ. У чеховъ допускался нарокъ (поклепъ Правды) противъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общинъ, при чемъ

---

1) Ст. 1529. XIII. 2. 3. Ст. 1566. XIV. 5. Ст. 1588. XIV. 5 и др.

2) Ст. 1529. XIII. 5. Ст 1566. XIV. 1. Ст. 1588. XIV. 2.

3) Ст. 1588. XIV. 9.

наблюдались порядки, сходные съ изложенными выше. Тѣ же порядки, въ старое время, были въ обычаѣ даже у венгровъ 1).

3. *Процессъ по поземельнымъ дѣламъ.* Въ періодъ Правды всякіе поземельные споры велись общиннымъ порядкомъ: виновный, какъ говорится въ Правдѣ, розыскивался *„по верви“* 2). Литовское законодательство различаетъ споры о границахъ и испашахъ и установляетъ въ обоихъ случаяхъ *копы,* сходки сосѣдей. О такихъ копахъ мы имѣли уже случай говорить 3), и потому ограничимся здѣсь только дополнительными замѣчаніями.

Въ прежнее время поземельные споры разбирались вообще на сходкахъ, цѣлою общиною. На этотъ порядокъ указываетъ Правда; онъ же существовалъ у древнихъ чеховъ 4). Общинные же порядки процесса по поземельнымъ дѣламъ замѣчаемъ въ литовскомъ правѣ.

По древнимъ правымъ грамотамъ литовско-русскаго законода-

---

1) По древнему чешскому праву, нарокъ въ татьбѣ, при отсутствіи лица и слѣда, допускался противъ частныхъ лицъ: подозрѣваемый въ воровствѣ могъ оправдаться свидѣтельствомъ сосѣдей или подвергнуться испытаніямъ. Обычай дозволялъ, кромѣ того, нарокъ противъ цѣлаго села. Въ этомъ случаѣ истецъ осматривалъ каждый подозрительный домъ, съ нѣсколькими сосѣдями, если только извѣстны признаки вещи и есть основательная догадка въ томъ, что воровская вещь находится въ селѣ (Арх. Калачова, кн. 6. стр. 42—43). Точно также, по венгерскому праву, дозволялось созывать на осаду всю общину—гминъ (gmin) съ урядниками, при чемъ изъ каждыхъ 10-ти человѣкъ одинъ подвергался испытанію огнемъ (желѣзомъ). Если оказывался ожогъ, то испытанію подвергалась вся осада. Кто выходилъ изъ испытанія безъ ожога, тотъ считался свободнымъ отъ отвѣтственности. См. Zbiór, стр. 48, примѣч. 27.

2) Въ Правдѣ говорится только, что если „будетъ разсѣчена земля или на земли знаменіе есть“, если „разламаетъ борть или кто посѣчетъ древо на межѣ“, то „по верви искати татя въ себѣ, а любо платити продажю“. См. Калачова, стр. 131. CXXIX.

3) См. о крестьянахъ юго-зап. Россіи, стр. 47—52.

4) Всякіе споры о „дѣдинахъ“ и межахъ разбирались у нихъ при участіи сосѣдей, свидѣтельство которыхъ рѣшало дѣло. Истецъ долженъ былъ имѣть, въ помощь себѣ, 9 свидѣтелей изъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Изъ нихъ три присягаютъ по выбору отвѣтчика; прочіе показываютъ въ значеніи помощниковъ. Отвѣтчикъ тоже можетъ имѣть своихъ свидѣтелей; одни избираются для присяги,— другіе показываютъ, въ значеніи очистниковъ, только о dobra или zla' povest отвѣтчика. Арх. Калачова, кн. 6, стр. 54.

тельства, споры о межахъ (розъѣханье, обводъ, указыванье границъ) издавна велись предъ „*обчими старцами*", представленными обоими тяжущимися, въ присутствіи урядника и простыхъ светковъ. Самый судъ (право) имѣлъ мѣсто предъ *княземъ* 1). Этотъ порядокъ рѣшительно напоминаетъ Правду, по которой „дѣлъ" задницы производится при дѣцкомъ, самая же тяжа разбирается княземъ. Нужно полагать, что, при „дѣлѣ" задницы, присутствовали, кромѣ дѣтскаго, также добрые люди, судные мужи (обчіе старцы литовскаго права), при томъ, въ значеніи не только свидѣтелей, но и, главнымъ образомъ, судей факта. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключать изъ указаннаго сходства процесса о задницѣ Правды и процесса о розъѣханьи литовскихъ памятниковъ, слѣдовавшихъ старымъ обычаямъ.

Въ періодъ Судебника 1468 г., при поземельныхъ процессахъ, обыкновенно отряжались на мѣсто спора *ѣздоки* и *судьи*, которые производили всякіе „розъѣзды" по давнимъ обычаямъ 2).

Эти-то обычаи легли въ основаніе статутовыхъ постановленій о правахъ земскихъ, границахъ, межахъ и копахъ 3). Поземельные споры, по Статутамъ, ведутся на *копахъ* (розъѣздахъ, выѣздахъ, выѣханьяхъ) изъ судей или ѣздоковъ, добрыхъ людей (сумежниковъ и пограничниковъ) и простыхъ светковъ. *Добрые люди* были не только контролирующимъ учрежденіемъ, но и судьями (факта). Копа составлялась всегда изъ опредѣленнаго числа добрыхъ людей—изъ 18 сумежниковъ „съ обу сторонъ". Изъ каждыхъ трехъ мужей избирался одинъ присяглый светокъ, пока не составится 12 (по 6 светковъ съ каждой стороны). Выборные светки производили „объѣханье, обводъ" границъ. Ѣздоки только руководили копою, выслушивали показанія сторонъ и представляли все дѣло уряду, пославшему ихъ на копу 4).

Добрые люди сравниваются съ светками только со времени учрежденія подкоморскихъ урядовъ. Они приглашались теперь не урядомъ, но самыми сторонами, и дѣйствовали на копѣ въ значеніи простыхъ светковъ 5). Въ періодъ третьяго Статута, собственно

---

1) См. напр. листъ 1421—1430 г. Ак. I. 30. Ср. ibid. 175.

2) Судебникъ не говоритъ о добрыхъ людяхъ; но, какъ видно изъ правыхъ грамотъ, они участвовали на съѣздахъ. Zbiór, стр. 51. 117. Ак. I. 175.

3) См. VIII раздѣлъ Статута 1529, IX разд. Ст. 1566 и 1588.

4) Ст. 1529. VIII. 1—10. Ст. 1566. IX. 1—9.

5) Ст. 1588. IX. 3—5. 16 и др.

говоря, уже не было копъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ о нихъ говоритъ законодательство прежняго времени. Съѣзды подкоморскаго уряда удерживаютъ одно названіе копъ; самое устройство ихъ, потерявъ добрыхъ людей, стало проникаться началами польскаго права.

4. *Процессъ по вещнымъ и долговымъ искамъ.* Касательно вещныхъ исковъ встрѣчаемъ въ Правдѣ только неясныя указанія. Сюда относятся статьи, напр. о *закличѣ* или *заповѣди на торгу* о пропажѣ вещи и о скрывшемся челядинѣ,—о томъ, что вещь или челядинъ, найденные въ чьемъ-либо владѣніи, отбираются безъ суда, если былъ сдѣланъ закличъ, или отдаются хозяину по суду (своду), если не было заклича. Сюда же относятся статьи о выводѣ на торгъ *послуховъ,* очевидно имѣвшихъ значеніе не только свидѣтелей, но и судей (общинныхъ).— Всѣ эти неясныя правила Правды вполнѣ развиты старымъ Статутомъ, въ статьяхъ: a) объ *обчыхъ судьяхъ*, которые „присуждаютъ" по всякимъ дѣламъ о шкодѣ (дѣла, влекшія для отвѣтчика лишеніе жизни, чести, свободы, подлежали замковому уряду), назначаютъ срокъ „заплатѣ" и грабятъ (при вижѣ), въ случаѣ уклоненія виновнаго отъ взысканія; b) *о закличѣ и заповѣди на торгу* о бѣгломъ челядникѣ, — о „добровольномъ" отобраніи его у того, у кого челядникъ будетъ открытъ послѣ заклича (если этотъ не отдавалъ челядника, то его можно было грабить); c) о *зводѣ*, имѣвшемъ мѣсто не только по дѣламъ о татьбѣ, но и по другимъ вещнымъ искамъ (пропажѣ вещей и пр.); наконецъ d) о *копахъ* и *добрыхъ людяхъ*, предъ которыми могли производиться иски не только по испашамъ, но и по другимъ имущественнымъ шкодамъ 1). Въ вещныхъ искахъ начинаютъ преобладать порядки урядовые со втораго и особенно третьяго Статута, когда копные суды были окончательно подчинены урядовымъ.

Что касается исковъ долговыхъ, то Правда XI столѣтія устанавляетъ „*изводъ* предъ 12 человѣка", когда должникъ будетъ запираться, отказываться отъ долга. Въ Правдѣ XIII стол. 12 человѣкъ замѣнены *послухами*, безъ указанія на ихъ число 2).—Какъ видно

---

1) Выше мы не разъ ссылались на всѣ эти статьи Лит. Статута. См. отдѣлъ объ общинномъ судоустройствѣ, о процессѣ по татьбѣ и пр.

2) Калачова Изсл., стр. 134. CXXXVI.

изъ стараго Литовскаго Статута, общинный порядокъ процесса по долговымъ искамъ удерживался въ литовскомъ законодательствѣ до самаго изданія Статута: только въ послѣднемъ запрещено было взыскивать долги посредствомъ *„заповѣди на торгу“* — обычая, имѣвшаго большое значеніе во время Правды. По всякимъ денежнымъ искамъ судъ долженъ производиться урядовымъ порядкомъ 1).

Замѣтимъ въ заключеніе о сходствѣ *12-ти человѣкъ* Правды съ литовскою копою по земнымъ дѣламъ, состоявшею тоже изъ *12-ти добрыхъ людей.* Тѣ и другіе коренятся въ учрежденіи общиннаго суда, имѣютъ связь съ судными мужами стараго времени 2).

О 12-ти человѣкахъ Правды необходимо, впрочемъ, сдѣлать одну оговорку, значительно уменьшающую значеніе этого института. Статья, въ которой говорится о 12-ти мужахъ, по справедливому замѣчанію Ланге, имѣетъ казуистическій характеръ, представляетъ не болѣе, какъ рѣшеніе на данный юридическій случай. Правда XIII стол. обобщила статью древней Правды, говоритъ вообще о послухахъ. Отсюда слѣдуетъ заключать, что 12 мужей не были постояннымъ институтомъ, имѣвшимъ, по догадкамъ нѣкоторыхъ изслѣдо-

---

1) Ст. 1529. XII. 11. Ст. 1566. XIII. 3. 6. Ст. 1588. XIII. 3. 4.

2) Не вполнѣ понявъ значеніе послуховъ Правды, Ланге не признаетъ за 12-ю человѣками судебнаго характера. Онъ не понимаетъ, почему „приводили къ такимъ судьямъ подсудимаго только въ томъ случаѣ, когда онъ *ся запирати почнеть*“, и обходились безъ нихъ въ другихъ случаяхъ, при сознаніи виновнаго. Недоразумѣніе Ланге произошло, какъ намъ кажется, отъ того, что онъ не различаетъ простыхъ свидѣтелей отъ добрыхъ людей и смѣшиваетъ судей факта и судей права, равно извѣстныхъ древнему русскому и литовскому законодательству. Добрые люди, послухи (судьи факта), рѣшали фактическій вопросъ (виноватъ ли подсудимый), собственно судьи опредѣляли наказаніе „водлугъ сознанья копы, копнаго суда, добрыхъ людей или мужей, стороны, светковъ“, какъ выражается древнее литовское право. Такъ было и въ данномъ случаѣ: когда запирался подсудимый, отрекался отъ своего долга, тогда необходимо было обратиться къ *добрымъ людямъ*, мужамъ, которые и рѣшали фактическій вопросъ — виновенъ ли подсудимый или нѣтъ. И наоборотъ, если виновный не отрицалъ обвиненія истца, то не настояла надобность въ мужахъ. Все дѣло суда состояло только въ назначеніи самой пени, а это было обязанностію судей въ собственномъ смыслѣ (уряда по литовскому праву).

вателей Правды, связь съ институтомъ jury или Schöffen нѣмецкаго права.

Съ другой стороны, нельзя отрицать сходства присяжныхъ (судей изъ народа) съ людьми добрыми, стороною, мужами Правды и литовскаго законодательства. Тѣ и другіе первоначально имѣли одинаковое положеніе на судѣ, какъ органы, рѣшавшіе фактическіе вопросы каждаго суднаго дѣла. Изъ такихъ судныхъ мужей составлялись въ старое время самостоятельные общинные суды (на торгу и конахъ), не зависѣвшіе отъ суда на княжемъ дворѣ; тѣ же мужи присутствовали на урядовомъ судѣ, въ качествѣ судей факта, аналогическихъ съ jury или Schöffen. Оба порядка одинаково извѣстны Правдѣ и древнему литовскому законодательству. Въ періодъ Статутовъ, самостоятельные общинные суды (въ закличъ, предъ обчыми судьями) ограничиваются,—со втораго и особенно третьяго Статута, уступаютъ мѣсто судамъ урядовымъ или удерживаютъ значеніе подчиненныхъ урядовыхъ органовъ.

Главная заслуга литовскаго законодательства — та, что оно удержало до позднѣйшаго времени судныхъ мужей, не измѣнивъ стараго ихъ значенія (какъ судей факта). Добрые люди литовскаго процесса, какъ и множество другихъ институтовъ, безспорно представляютъ дальнѣйшее развитіе учрежденій стараго быта, встрѣчавшихся на первыхъ порахъ не только у славянъ, но и у другихъ европейскихъ народовъ. Институтъ добрыхъ людей, развитый на западѣ въ строго-юридическихъ формахъ суда присяжныхъ, былъ парализованъ и наконецъ исчезъ въ московскомъ законодательствѣ, подъ вліяніемъ ранняго развитія неблагопріятныхъ для него, административныхъ и судебныхъ порядковъ. Благодаря консервативности литовскаго законодательства, добрые люди долго удерживались въ юго-западной Россіи почти въ первобытныхъ формахъ института судныхъ мужей.

Изъ сдѣланнаго нами обзора сходныхъ институтовъ Русской Правды и литовскаго законодательства можно вывести слѣдующія общія заключенія:

1. Институты Русской Правды получили дальнѣйшее свое развитіе въ литовско-русскомъ законодательствѣ. Учрежденія Правды въ сферѣ отношеній юридическихъ (круговая порука, головничьство,

вира, продажа, потокъ, грабежъ, поклепъ, сводъ, слѣдъ, очистники, добрые люди, коны и пр.) почти цѣликомъ удержались въ литовскомъ уголовномъ правѣ и процессѣ.

2. Историческая задача литовско-русскаго законодательства состояла въ сохраненіи элементовъ, выработанныхъ древне-русскою жизнію. Преобразованія по польскому духу являются только въ государственномъ устройствѣ Литвы и въ отношеніяхъ между различными классами общества.

Отсюда понятно само собою, какъ важны памятники литовскаго законодательства для объясненія древняго русскаго права, въ особенности Правды, остающейся доселѣ неразрѣшимою загадкою для изслѣдователей. Важное значеніе литовскихъ памятниковъ въ этомъ случаѣ еще болѣе выяснится, если мы вспомнимъ, въ какомъ положеніи находится теперь вопросъ о Русской Правдѣ.

Потеря многихъ памятниковъ восточно-русскаго законодательства, въ особенности ближайшаго къ Правдѣ (напр. судныхъ грамотъ XIV и XV ст.), искаженія въ текстѣ послѣдней, сухость и сжатость ея статей, иногда не дающихъ никакой возможности вполнѣ понять внутренній смыслъ самыхъ институтовъ,—главныя причины, почему Правда остается доселѣ необъясненною, несмотря на всю массу потраченныхъ на нее изслѣдованій и трудовъ.

„Вліянія вѣка, въ которомъ жили переписчики (Правды), мѣстное ихъ происхожденіе, привычки и свѣдѣнія, все это, по словамъ Калачова, неминуемо отразилось въ самыхъ спискахъ Русской Правды, такъ что необходимы особенныя изслѣдованія для того, чтобы сорвать оболочку, наброшенную соединеніемъ всѣхъ подобныхъ условій на текстъ настоящаго подлинника“ 1).

При трудности возстановить подлинный текстъ Правды, изслѣдователи ея обращались къ сравненію ея съ другими памятниками, почему-либо сходными съ нею. Всего естественнѣе и ближе къ дѣлу было бы объяснять Правду послѣдующими памятниками русскаго законодательства. И дѣйствительно, сравнительное изученіе Правды и напр. Псковской судной грамоты значительно подвинуло впередъ объясненіе первой. Но Псковская грамота не обнимаетъ всего содержанія Правды, и въ ней замѣтно сильное вліяніе другаго времени и обстоятельствъ, чѣмъ тѣ, при какихъ явилась Правда. Еще болѣе

1) См. Калачова Изслѣд. о Рус. Пр. стр. 53.

безплодно изученіе Правды путемъ сравненія ея съ памятниками московскаго законодательства XVI и XVII столѣтій 1). Институты послѣдняго не представляютъ почти никакой связи съ Правдою 2). Сравнительное объясненіе ихъ не могло, поэтому, повести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Точно также сравненіе Правды съ древними законами другихъ народовъ, большею частію, вело только къ гипотетическимъ построеніямъ 3).

Отсюда должно было возникнуть недовѣріе ко всякимъ сравненіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ мысль объяснять Правду посредствомъ ея самой 4). Но этотъ способъ приводилъ изслѣдователей иногда къ такимъ положеніямъ, которыя рѣшительно не согласны съ общимъ направленіемъ и духомъ древняго русскаго права 5).

Русская Правда, такимъ образомъ, остается доселѣ со множествомъ темныхъ мѣстъ, смыслъ которыхъ едва доступенъ для пониманія, при самомъ кропотливомъ изученіи ихъ.

Сходство институтовъ Русской Правды и Литовскаго Статута даетъ, по нашему мнѣнію, основательный поводъ заключать, что въ Литовскомъ Статутѣ слѣдуетъ искать объясненія Правды и вообще всего, что̀ кажется для насъ темнымъ, загадочнымъ въ древнихъ источникахъ восточно-русскаго законодательства. //Въ литовско-рус-

---

1) Какъ это сдѣлалъ Нестеровскій, въ своемъ „Сравненіи Русской Правды съ Судебниками". (Въ Сбор. Харьк. Уч. Общ. 1817 г.).

2) На отсутствіе такой связи указываетъ напр. Кавелинъ въ своемъ „Взглядѣ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія".

3) См. Калачова Изслѣд. о Рус. Пр. стр. 2, 8, 11 и др.

4) Развитіе этой мысли принадлежитъ Фогелю, въ его „Опытѣ возстановленія текста и объясненія Правды Роусьской". (Въ Учен. Зап. Казан. Универ. II. 1848 года).

5) Напр. Фогель, руководясь указаннымъ способомъ при толкованіи статей Правды о поклепной вирѣ, пришелъ къ совершенно невѣрному пониманію этого института (какъ обвиненія въ убійствѣ по неосновательному доносу). (См. Уч. Зап. Каз. Унив. II. ст. 137). Подобнымъ образомъ Ланге, въ своемъ Изслѣд. объ угол. правѣ Рус. Пр., приходитъ, какъ мы не разъ указывали, къ не всегда вѣрнымъ положеніямъ, и именно вслѣдствіе недостаточности принятаго имъ метода, ограничивающагося толкованіемъ Правды посредствомъ ея самой.

скомъ законодательствѣ удержались почти безъ всякой перемѣны всѣ главныя положенія гражданскаго, уголовнаго права и процесса, развитыя древне-русскимъ законодательствомъ. Даже больше: въ литовскихъ памятникахъ можно находить множество указаній на такія учрежденія и порядки стараго юридическаго быта (не только русскаго, но и вообще славянскаго), которые вовсе не затрогивались древнимъ законодательствомъ и держались въ одномъ обычаѣ (напр. по гражданскому праву—вѣно, по процессу—соки, еднанье, грабежъ и другія учрежденія стараго общиннаго суда). При болѣе глубокомъ изученіи, литовское законодательство, можетъ быть, выяснитъ и укажетъ на такія древнія учрежденія юридическаго быта, какихъ нельзя найти, можетъ быть, въ исторіи ни одного изъ европейскихъ народовъ. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что литовскіе памятники даютъ, въ значительной степени, возможность уяснить юридическій бытъ нашихъ предковъ, ресторировать древнѣйшія эпохи въ русской исторіи,—эпохи, доселѣ извѣстныя намъ только по скуднымъ намекамъ весьма немногихъ источниковъ.

Все это указываетъ, какъ намъ кажется, на настоятельнѣйшую необходимость ввести литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права, сдѣлать его предметомъ самаго тщательнаго изученія, главнымъ образомъ, въ интересѣ объясненія вообще темной исторіи юридическаго быта нашихъ предковъ.

Между тѣмъ, литовское законодательство—не тронутая почва, остается у насъ доселѣ безъ всякой научной разработки. Почти всѣ наши историки-юристы оставляютъ въ сторонѣ литовскіе памятники, ограничиваютъ свои изслѣдованія только источниками восточно-русскаго законодательства 1). Причину этого, кажется, слѣдуетъ искать

1) Историко-юридическая литература наша не обладаетъ ни однимъ, сколько-нибудь капитальнымъ изслѣдованіемъ въ области литовскаго права. Сколько намъ извѣстно, его литература крайне бѣдна, ограничивается небольшими статьями и монографіями, касающимися отдѣльныхъ вопросовъ по исторіи литовскаго права; но нѣтъ ни одного изслѣдованія, въ которомъ сколько-нибудь полно и отчетливо изложена была бы исторія памятниковъ и самыхъ институтовъ литовскаго права. Намъ извѣстны слѣдующія не многія статьи по исторіи литовскаго законодательства: *Афонскаго* (о бывшихъ прежде въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ); *Мурзакевича* двѣ статьи (Право Смоленска и исторія Смоленска); неизвѣст. ав-

прежде всего въ невѣрномъ воззрѣніи на связь литовскаго права съ польскимъ и русскимъ и на ту роль, какую въ старое время играли элементы польскаго быта въ литовско-русскихъ областяхъ. Давая такимъ элементамъ характеръ главныхъ и исключительныхъ двигателей общественной и юридической жизни юго-западной Россіи, историки не брали во вниманіе огромнаго значенія, какое постоянно удерживали здѣсь учрежденія и порядки древняго русскаго быта.

Въ настоящемъ очеркѣ мы старались показать самую неразрывную и тѣсную связь древне-русскаго права, современнаго Русской Правдѣ, съ литовскимъ,—старались по возможности выяснить значеніе литовскаго законодательства, какъ системы русскаго права, принадлежащей къ одному циклу съ Русскою Правдою. Такая особенность литовскаго законодательства, слѣдовавшаго старо-*консервативному* направленію, даетъ ему чрезвычайно важный интересъ и значеніе въ исторіи нашего права. Законодательство литовское нужно считать важнѣйшею отраслью древнерусскаго законодательства,—отраслью, гораздо удовлетворительнѣе и обстоятельнѣе объясняющею старый юридическій бытъ нашъ, чѣмъ московское законодательство, не имѣющее никакой почти связи съ Правдою.

Включить литовское законодательство, наравнѣ съ восточно-

тора о Литовскомъ Статутѣ (небольшая монографія); *Си-дина* (о прежнихъ чинахъ въ Малороссіи); *Кукольника* (Исторія управленія и законодательства Литвы—короткій обзоръ); *Семенова* (о сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Россіи); *Иванишева* (о древнихъ сельскихъ общинахъ юго-зап. Россіи); *Михайлова* (лекціи о мѣстныхъ законахъ; здѣсь между прочимъ помѣщенъ краткій очеркъ внѣшней исторіи литовскаго законодательства, со многими впрочемъ пробѣлами и ошибками), и другія мелкія статьи. Другія изслѣдованія говорятъ только объ исторіи восточно-русскаго законодательства, вовсе не касаясь литовскаго. Есть весьма немного исключеній. Такъ, *Бѣляевъ*, въ своей диссертаціи, говоря о законныхъ порядкахъ наслѣдованія по древнему русскому праву, изложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ постановленія о томъ же предметѣ Литовскихъ Статутовъ. Польская литература тоже не богата изслѣдованіями по литовскому праву. Къ лучшимъ сочиненіямъ принадлежатъ: *Чацкаго* (o litewskich i polskich prawach 1810), *Мацѣевскаго* (извѣстное его соч. Histor. prawod. Słow. и статья — Wykład prawa karnego), *Даниловича* (opisanie bibliograficzne Stat. Lit.; Histor. Blick. auf das Litthauische Stat. 1834—перевед. послѣ на польскій (1837) и русскій языки (1841); *Линде* (o Stat. litew.), *Ярошевича* (Obraz Litwy), *Коровицкаго* (Prozess ciwil. litew.; Prozess graniczny).

русски[illegible] въ кругъ историко-юридическихъ изслѣдованій, повторимъ еще разъ, составляетъ самую настоятельную потребность науки исторіи русскаго права. Только при сравнительномъ изученіи древняго русскаго права съ литовскимъ, можетъ безслѣдно разсѣяться печальное убѣжденіе нашихъ историковъ-юристовъ въ безплодности попытокъ къ полному объясненію Русской Правды, а съ нею и древняго нашего юридическаго быта. Только при всестороннемъ изученіи литовскихъ памятниковъ, при тщательномъ сравненіи ихъ съ восточно-русскими, восполнятся пробѣлы, темнота и недоразумѣнія, какими наполнена доселѣ исторія древне-русскаго права. Знакомство съ литовскимъ законодательствомъ, наконецъ, устранитъ невѣрную постановку и рѣшеніе часто основныхъ вопросовъ по исторіи русскаго права,—недостатки, которыхъ рѣдко могли избѣжать даже лучшіе изслѣдователи русской старины.

Приватъ-доцентъ **Леонтовичъ.**

